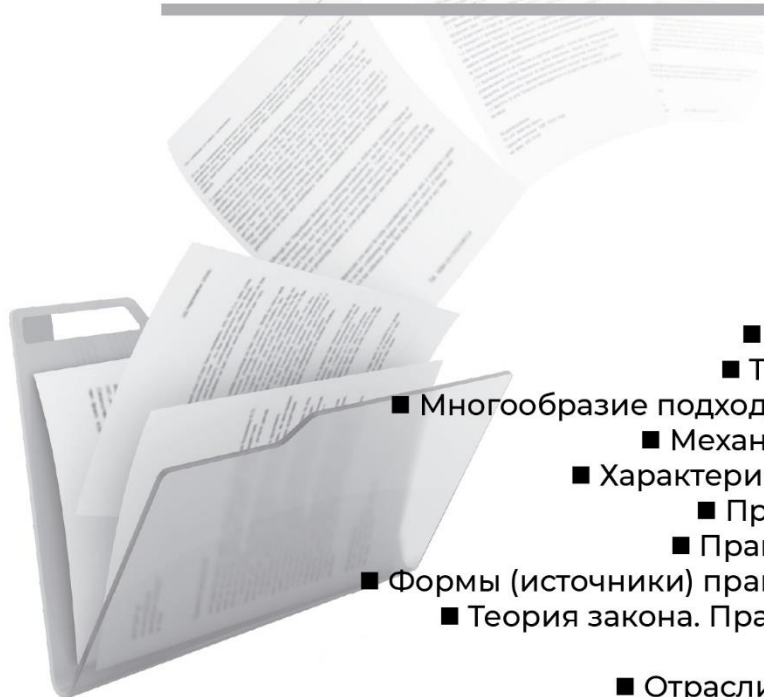

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№2-2025

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 8 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN):
2500-3674.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК – 19.12.2023г.), журнал также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования

Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Дашевский Павел Алексеевич. ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 14

Косихина Светлана Степановна. РЕЧЬ НЕНАВИСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В ТРАКТОВКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА США 22

Редкоус Владимир Михайлович. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ 29

Упоров Иван Владимирович. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ 37

Чаттаев Азамат Русланович, Туманова Алена Сергеевна. РОЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ КОНТРАКТНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ КОРПОРАЦИЙ 46

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Брайцева Елена Анатольевна. ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ 55

Зуев Андрей Вячеславович, Рубцов Сергей Николаевич, Бородин Михаил Павлович, Платонов Андрей Владимирович. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ 61

Тихомирова Екатерина Андреевна. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 67

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алибекова Эльмира Александровна. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 72

Андрюхин Николай Григорьевич, Садовников Олег Николаевич. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 150 УК РФ 80

Баранов Алексей Владимирович. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
Бруевич Марина Юрьевна, Раянова Эльвира Талгатовна, Платонов Андрей Владимирович, Зуев Андрей Вячеславович. ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫХ С ПОДЖОГОМ	92
Ганиева Ирада Аллахвердиевна. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	99
Игушева Анна Алексеевна, Липунова Лариса Викторовна. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	106
Карев Евгений Анатольевич. К ВОПРОСУ О ЯВКЕ С ПОВИННОЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА	112
Карепанов Николай Васильевич. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УЧЕНИЯ О СЛЕДАХ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	118
Леонов Николай Владимирович. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	126
Мамин Сергей Николаевич, Жукова Наталья Алексеевна, Подмоков Никита Сергеевич. ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО КОМПЬЮТЕРНОМУ И ТЕЛЕФОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ	135
Упоров Иван Владимирович. КАТОРГА КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ	141
Южанин Вячеслав Ефимович, Пантюхина Инга Владимировна. СУДИМОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	147

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Dashevsky Pavel Alekseevich. THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF CONCILIATION PROCEDURES IN THE ARBITRATION PROCESS 14

Koshikhina Svetlana Stepanovna. HATE SPEECH AS A MANIFESTATION OF FREEDOM OF SPEECH IN THE INTERPRETATION OF US CONSTITUTIONAL LAW 22

Redkous, Vladimir Mikhailovich. ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CIS MEMBER STATES 29

Uporov, Ivan Vladimirovich. LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A PUBLIC LEGAL CATEGORY: INSTABILITY OF INTERPRETATION AND LEGISLATIVE CONSOLIDATION 37

Chattaev Azamat Ruslanovich, Tumanova Alyona Sergeevna. THE ROLE OF CONTRACT MANAGER COMPETENCIES FOR EFFECTIVE CORPORATE DEVELOPMENT 46

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Braitseva, Elena Anatolyevna. COMMERCIAL LEASE AGREEMENT FOR RESIDENTIAL PREMISES: FEATURES OF THE CONCLUSION AND PROBLEMS OF TERMINATION 55

Zuev Andrey Vyacheslavovich, Rubtsov Sergey Nikolaevich, Borodin Mikhail Pavlovich, Platonov Andrey Vladimirovich. RESPONSIBILITY OF SPOUSES FOR OBLIGATIONS: PROBLEMATIC ISSUES 61

Tikhomirova Ekaterina Andreevna. PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF HEREDITARY RELATIONS IN THE LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA 67

CRIMINAL LAW SCIENCES

Alibekova Elmira Alexandrovna. REGULATORY AND ORGANIZATIONAL COUNTERACTION TO TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION 72

Andryukhin Nikolai Grigorievich, Sadovnikov Oleg Nikolaevich. ON THE ISSUE OF IMPROVING RESPONSIBILITY FOR ACTS PROVIDED FOR IN ARTICLE 150 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	80
Baranov Alexey Vladimirovich. THE MAIN DIFFICULTIES IN QUALIFYING FRAUD IN THE RUSSIAN FEDERATION	86
Bruevich Marina Yuryevna, Rayanova Elvira Talgatovna, Platonov Andrey Vladimirovich, Zuev Andrey Vyacheslavovich. PROBLEMATIC ASPECTS OF USING SPECIALIZED KNOWLEDGE ON ARSON-RELATED CRIMES	92
Ganieva Irada Allahverdievna. PROBLEMS OF APPLYING PREVENTIVE MEASURES IN THE CRIMINAL PROCESS	99
Igusheva Anna Alekseevna, Lipunova Larisa Viktorovna. ON THE ISSUE OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY FOR MINORS	106
Karev Evgeny Anatolyevich. ON THE ISSUE OF SELF-INCRIMINATION IN THE LEGISLATION OF THE SOVIET HISTORICAL PERIOD	112
Karepanov Nikolai Vasilyevich. THE CURRENT STATE OF THE DOCTRINE OF FOOTPRINTS IN CRIMINOLOGY	118
Leonov Nikolai Vladimirovich. THE CONCEPT AND SIGNS OF A COMPOSITE CRIME	126
Mamin Sergey Nikolaevich, Zhukova Natalia Alekseevna, Podmokov Nikita Sergeevich. FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON COMPUTER AND TELEPHONE FRAUD	135
Uporov Ivan Vladimirovich. PENAL SERVITUDE AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA: THE INITIAL STAGE OF ITS FORMATION	141
Yuzhanin Vyacheslav Efimovich, Pantyukhina Inga Vladimirovna. CRIMINAL RECORD AND ITS LEGAL CONSEQUENCES	147

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 34

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Дашевский Павел Алексеевич,
Аспирант кафедры частно-правовые науки,
Академия труда и социальных отношений (АТиСО)

Рост количества споров между хозяйствующими субъектами, как следствие повлек за собой увеличение нагрузки на арбитражные суды рассматривающие экономические споры. Данное обстоятельство послужило достаточно веским основанием для выработки правовых (законодательных) оснований для предоставления сторонам возможности мирного урегулирования конфликта. Нормативное закрепление примирительных процедур по мнению как законодателя, так и научного и судейского сообществ, должно не только сократить сроки рассмотрения дел и снизить нагрузку на арбитражные суды, но и позволить продолжать формировать в стране экономические отношения на принципах законности и равноправия, сотрудничества и конфиденциальности.

При этом, несмотря на наличие общих принципов, объединяющих понятие нового для российского процессуального права правового «института примирения», сравнительно-правовой метод исследования позволяет выделить особенности правовой регламентации различных его видов. Как показывает практика, одного факта нормативного закрепления процедуры примирения для внесудебного разрешения споров оказалось недостаточно. Перед судебным и научным сообществом стоит задача по совершенствованию законодательства в интересах минимизации возникающих в ходе примирительных процедур проблем.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, процессуальное законодательство, примирительные процедуры, регламент, посредничество, судебный примиритель, процедура медиации, судья в отставке, медиатор, мировое соглашение, судебное примирение.

Конституция Российской Федерации, закрепляя права и свободы человека, гарантирует их судебную защиту (ч. 1 ст. 46). Реализуя требования Основного закона, в Российской Федерации действует процессуальное законодательство, регламентирующее порядок рассмотрения дел как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами [6].

При этом, наряду с судебной защитой, в ходе которой конечное слово остается за судом, законодатель допускает возможность выбора сторонами альтернативных (примирительных) процедур в разрешении, в том числе и экономических споров.

Выступая на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов отмечал, что «Большой потенциал в снижении как судебной нагрузки, так и уровня конфликтности в обществе судебское сообщество видит в дальнейшем развитии примирительных процедур. Их эффективность и привлекательность для общества состоит не только в формировании культуры мирного разрешения споров и укреплении партнерских отношений. Договоренности, достигнутые в рамках примирительных процедур, выполняются чаще, так как стороны достигают соглашения путем метода согласования воли, то есть посредством взаимных уступок, в то время как судебное решение, скорее, учитывает лишь интерес стороны, доказавшей нарушение своего права» [2].

На сегодняшний день порядок проведения судебного примирения закреплен нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1].

Кроме того, порядок урегулирования спорных вопросов с участием посредника – медиатора, детализируется Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее по тексту Закон о медиации) [12].

При этом обратим внимание, что рассматриваемый нормативный акт (п. 4 ст. 1) устанавливает, что «процедура медиации *может* применяться после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, административного судопроизводства и *судопроизводства в арбитражных судах*» [12]. В контексте толкования данной нормы выделим, что термин «может» не связывает напрямую понятие медиации с началом рассмотрения дела судом, а допускает ее реализацию вне связи с судопроизводством.

В интересах совершенствования примирительных процедур Постановлением Пленума Верховного Суда РФ утвержден «Регламент проведения судебного примирения», регламентирующий порядок судебного примирения [8].

В совокупности с разъяснениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О примирении сторон в арбитражном процессе» [9] указанная нормативная правовая база представляет собой самостоятельный процессуальный правовой – «институт примирения» [4, с. 86].

Рассматривая правовую регламентацию примирительных процедур в арбитражном процессе, отметим, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации нормативно закрепляет как саму возможность примирения сторон, так и процессуальный порядок и виды примирительных процедур.

В силу закона (ст. 138.1 АПК РФ) «споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону» [1].

Закрепляя виды примирительных процедур, АПК РФ устанавливает возможность урегулирования споров посредством проведения переговоров, судебного примирения или посредничества (в том числе – медиации), а так же иных примирительных процедур. Так, в силу закона (ч. 1 ст. 138.1) стороны получили

право урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя.

В данной связи отметим, что законодатель не дает нормативного определения понятия «примирительные процедуры» [3], однако посредством нормы-дефиниции закрепляет понятие «процедура медиации».

В силу Закона о медиации: «Процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [12].

Детализируя данную процедуру, посредством установления принципов проведения процедуры медиации, Закон о медиации устанавливает, что данный способ урегулирования споров должен проводиться исключительно при взаимном волеизъявлении сторон, на основе добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон. Кроме того, от посредника (медиатора) требуется проявление беспристрастности и независимости.

Данное нормативное закрепление позволяет выделить процедуру медиации из иных видов примирительных процедур, как наиболее предпочтительную и основательную. В пользу данного заключения говорит и наличие специального нормативного правового акта (Закон о медиации), досконально и качественно регламентирующего данный вид примирительных процедур.

В силу закона соглашение о проведении процедуры медиации заключается исключительно в письменной форме, более того оно достаточно формализовано и должно содержать, указанные в законе элементы (ст. 8 Закона о медиации).

В данном случае закон требует от сторон, договаривающихся о проведении рассматриваемой процедуры медиации, включить в соглашение целый ряд сведений. Кроме самого предмета спора, в соглашении должно быть указание на медиатора (медиаторов) или организацию, которая осуществляет деятельность по обеспечению процедуры посредничества. Обязательным является и детально прописанный сам порядок проведения процедуры, а также условия распределения расходов, связанных с процедурой.

Важнейшим элементом соглашения является и установление сроков проведения данной примирительной процедуры. Значение данного положения объясняется тем, что истечение оговоренных сроков является основанием для прекращения процедуры медиации.

Более того, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации медиативное соглашение, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа.

Несмотря на то, что медиация как примирительная процедура, является единственным видом, урегулированным специальным нормативным правовым актом и является достаточно сложным процессуальным действием, она содержит немало положительных моментов, которые по мнению законодателя могут послужить достаточно весомым основанием для выбора ее в качестве инструмента разрешения спора.

Во-первых, в отличие от процедуры судебного примирения, регламентируемого как процессуальными законами, так и Регламентом, утвержденным Постановлением Пленума ВС РФ, в процедуре медиации не выдвигаются жесткие требования к посреднику – медиатору. В силу Закона о медиации, медиатором может быть любое независимое физическое лицо. При этом в качестве ограничения может выступать только его дееспособность, вернее ее отсутствие. Стороны, выбирая посредника для выработки обоюдно-приемлемого соглашения, ориентируются на его порядочность, профессионализм, опыт, деловую репутацию, честность и независимость.

В отличие от примирителя, который в обязательном порядке должен являться судьей в отставке и на основании своего согласия быть внесен в Список судебных примирителей, утверждаемый Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и, следовательно, являющийся исчерпывающим и практически не оставляющим выбора сторонам.

Так в настоящее время в пределах одного субъекта Российской Федерации утверждено не более пяти судебных представителей [7]. Данное обстоятельство существенно ограничивает возможность реализации принципов судебного примирения, провозглашенных Регламентом его проведения, утвержденным, как уже отмечалось Пленумом Верховного Суда России. Кроме того, в силу Регламента, сама кандидатура судебного примирителя утверждается судом.

Такие ограничения ни в коей мере не способствует реализации продекларированным принципам добровольности и взаимного согласия.

На данное обстоятельство, в частности, обратил внимание председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов, выступая на пленарном заседании Совета судей РФ. По его справедливому мнению, «необходимо увеличить количество судебных примирителей, в том числе не только за счет судей в отставке, но привлекая для этой работы работников аппарата суда, стаж работы в судебной системе которых составляет 10 лет и более» [2].

При этом, регламентируя участие судей в отставке в качестве медиаторов, закон о медиации устанавливает, что они могут осуществлять эту деятельность на профессиональной основе. В данном случае списки судей в отставке, изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе, ведутся советами судей субъекта Российской Федерации (п. 1.1 ст. 16 Закона о медиации). При этом никаких количественных ограничений по числу судей в отставке-медиаторов, в пределах одного субъекта РФ, закон не содержит.

Более того, из смысла закона вытекает, что судья в отставке вправе выполнять функции медиатора на непрофессиональной основе, не получая «дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации», иными словами, разово, в том числе и безвозмездно. Данная деятельность ни в коей мере не противоречит требованиям ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», устанавливающей ограничения для совершения судьями (судьями в отставке) ряда действий [5].

Во-вторых, преимуществом процедуры медиации перед судебным примирением, является порядок установления срока проведения процедуры. В силу Закона о медиации, сроки проведения «альтернативной процедуры урегулирования спора с участием посредника» устанавливаются соглашением о проведении процедуры медиации, что делает указанную процедуру более демократичной и позволяет сторонам, совместно с медиатором прийти к взаимному соглашению по этому вопросу.

Процедура судебного примирения осуществляется в срок, устанавливаемый судом. Несмотря на возможность продления данного срока, последнее слово в любом случае остается за судом, что не позволяет говорить о полной самостоятельности сторон в данном вопросе.

Третьей особенностью, пожалуй, являющейся одним из «каменных преткновения» для инициирования процедуры *судебного примирения*, является то обстоятельство, что она может быть возбуждена только в рамках судопроизводства на основании судебного постановления. Кроме того, суд сопровождает процедуру судебного примирения, так, например, с материалами дела судебный примиритель знакомится с согласия суда, само примирения проводится в здании суда, сама процедура жестко регламентирована, временем, местом переговоров, обязательствами явки сторон. В силу закона судья вправе запросить информацию о ходе примирительной процедуры. Результат судебного примирения, как положительный, так и отрицательный, в любом случае передается суду для утверждения (ст. 138.6 КоАП РФ).

В отличие от процедуры судебного примирения, результат, достигнутый в ходе процедуры медиации (медиативное соглашение) может не передаваться суду, а быть реализовано «способами гражданского законодательства» (ч. 4 ст. 12 закона О медиации).

В контексте рассмотрения вопросов целей и задач примирительных процедур, отметим, что несмотря на их разновидность, их цели в принципе схожи.

Так, в силу ст. 1 Регламента, «целью судебного примирения является соотнесение и сближение позиций сторон по делу и выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон» [8].

В свою очередь Закон о медиации (ч. 1 ст. 1) разработан «в целях ...содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [12].

Результатами примирения лиц, участвующих в деле, могут быть: мировое соглашение; частичный или полный отказ от иска; частичное или полное признание иска; полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы; признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения; соглашение по обстоятельствам дела; подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака (ст. 138.6 АПК РФ).

Медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда (ч. 3. ст. 12 Закона о медиации) [12].

В свою очередь, регламентируя порядок заключения мирового соглашения АПК РФ (ст. 139) устанавливает: «Мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, вправе участвовать в заключении мирового соглашения в качестве стороны. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вправе выступать участниками мирового соглашения в случаях, если они приобретают права либо на них возлагаются обязанности по условиям данного соглашения» [1].

Арбитражный процессуальный закон устанавливает особые требования к мировому соглашению. Так в силу закона (ст. 139 АПК РФ) мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону; должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, о размере и о сроках исполнения обязательств друг перед другом или одной стороной перед другой; утверждается арбитражным судом, в производстве которого находится дело.

При этом, закрепляя право сторон заключить мировое соглашение, АПК РФ не обозначает процедуру судебного примирения как обязательное условие для его заключения. В силу закона «Мировое соглашение может быть достигнуто сторонами на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта» (ч. 1 ст. 139 АПК РФ) [1].

Следовательно процедура судебного примирения, не может рассматриваться как обязательное условие для заключения мирового соглашения.

Более того, в рамках правовой регламентации реализации примирительных процедур важно остановиться еще на одном, достаточно серьезном моменте.

Делор в том, что примирительные процедуры, в силу положений как АПК РФ, так и ГПК РФ и КАС РФ, являются равнозначными. И стороны обладают правом выбора при обращении к процедуре любой из них.

При этом обращаясь к процедуре медиации, арбитражный процессуальный закон (ст. 138.4 АПК РФ), как, впрочем, и остальные процессуальные законы, указывает, что данный способ «урегулирования споров» регламентируется не только самим процессуальным законом, но специальным нормативным правовым актом, коим является Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [12].

Иными словами, процедура медиации рассматривается законодателем как приоритетная, нуждающаяся в правовой регламентации силой самостоятельного федерального закона.

В свою очередь, судебное примирение, регламентируется (в данном случае, возможно допустить тавтологию) «Регламентом проведения судебного примирения», утвержденным Пленумом Верховного Суда РФ.

Данное полномочие было предоставлено Пленуму ВС РФ в результате дополнения части 3 ст. 5 пунктом 13.1, осуществленного Федеральным конституционным законом от 26 июля 2019 г. № 3-ФКЗ [13].

В данном случае, что в отличие от Постановления Пленума высшего Арбитражного Суда РФ «О примирении сторон в арбитражном процессе» [9], Пленум Верховного Суда РФ пошел путем не «разъяснений», а «регламентации».

При этом понятие «регламентация» энциклопедическими источникам толкуется как «способ организации правового регулирования общественных отношений посредством наделения их участников субъективными юридическими правами и обязанностями» [11], что в определенной степени идентично понятию правовой нормы.

Задачей настоящей статьи не ставится вопрос уяснения являются ли Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками права. Этому вопросу посвящено достаточное количество исследований [10].

Отметим, что в силу Конституции Российской Федерации (ст. 126) «Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в ...судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики» [6].

Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» (п. 6 ст. 2) устанавливает, что «Верховный Суд Российской Федерации осуществляет принадлежащее ему в соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам своего ведения» [14].

Однако в данном случае Верховный Суд РФ не пошел по пути законодательной инициативы в интересах совершенствования процессуального законодательства, а посредством решения принятого на Пленуме Верховного Суда РФ утвердил процессуальный порядок осуществления одной из примирительных процедур, закрепленных процессуальными законами.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации, по сути, оказался в роли законодателя, создав правовую основу для детального урегулирования общественных отношений, возникающих в процессе реализации примирительных процедур. Более того, примирительная процедура в данном случае – это *судебное примирение*, осуществляемое под руководством суда, что в принципе является компетенцией процессуального законодательства.

Подводя итог изложенного, отметим, что примирительные процедуры являются только одним из способов разрешения противоречий. При этом, как показывает статистика, данный способ до настоящего времени не является приоритетным.

Несмотря на попытки как законодателя, так и судейского сообщества создать действенную правовую основу для данных, достаточно молодых для российской правовой системы процессуальных отношений, перед ними стоят задачи по дальнейшему совершенствованию данного процессуального института.

Возвращаясь к выступлению председателя Совета судей Российской Федерации на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, отметим, что важнейшей задачей В. В. Момотов считает «...популяризацию и освещение деятельности судебных примирителей органами судейского сообщества, а так же возможность законодательного закрепления перечня споров, по которым судебное примирение будет являться обязательным».

Кроме того, председатель Совета судей Российской Федерации выступил с предложением о передаче права утверждения списка судебных примирителей судам субъектов Российской Федерации.

Предложенные меры, в итоге, должны вывести примирительные процедуры на качественно новый уровень, создав предпосылку для дальнейшего развития альтернативных методов разрешения споров, снижения судебной нагрузки на судебную систему и формирование бесконфликтных отношений в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации Момотова В. В. на пленарном заседании Совета судей РФ 21 мая 2024 года // - URL : <https://ssrf.ru/news/> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Давыденко Д. Л. Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного разрешения споров» / Д. Л. Давыденко // Третейский суд. – 2009. – № 1. – С. 40-53.
4. Дашневский П. А. Примирительные процедуры в рамках арбитражного судопроизводства: ограничения практики правоприменения / П. А. Дашневский // Юридическая наука. 2023. № 10. С. 86-92.
5. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 30 июля 1992 г., № 30, ст. 1792.
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.03.2025).
7. Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020г. № 1 «Об утверждении списка примирителей» // – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.03.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. – № 254. – 12.11.2019.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.03.2025).
10. Самсонов Н. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права / Н. В. Самсонов // Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 139-162.
11. Словари и энциклопедии на Академике // – URL: <https://dic.academic.ru/dic> (дата обращения: 17.03.2025).
12. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.1.
13. Федеральный конституционный закон от 26 июля 2019 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июля 2019 г. № 30 ст. 4096.
14. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 6 ст. 550.
1. Солохин А. Е. Судебная примирительная процедура в арбитражном судопроизводстве: вопросы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 (Частно-правовые (цивилистические) науки). – М.: 2024. – 213 с.

2. Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия / Е. Г. Стрельцова. – М.: Проспект, 2023. – 240 с.

3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.1.

THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF CONCILIATION PROCEDURES IN THE ARBITRATION PROCESS

Dashevsky P.A.

The increase in the number of disputes between business entities, as a result, has led to an increase in the burden on arbitration courts dealing with economic disputes. This circumstance served as a sufficiently compelling reason for the development of legal (legislative) grounds for providing the parties with the possibility of a peaceful settlement of the conflict. According to both the legislator and the scientific and judicial communities, the regulatory consolidation of conciliation procedures should not only shorten the time frame for considering cases and reduce the burden on arbitration courts, but also allow the country to continue to form economic relations based on the principles of legality and equality, cooperation and confidentiality.

At the same time, despite the existence of general principles uniting the concept of a new legal "institution of reconciliation" for Russian procedural law, the comparative legal research method allows us to identify the features of legal regulation of its various types. As practice shows, the mere fact of the regulatory consolidation of the reconciliation procedure for the out-of-court settlement of disputes was not enough. The judicial and scientific community is faced with the task of improving legislation in the interests of minimizing problems arising during conciliation procedures.

Keywords: arbitration proceedings, procedural legislation, conciliation procedures, rules of procedure, mediation, judicial mediator, mediation procedure, retired judge, mediator, settlement agreement, judicial reconciliation.

УДК 342.727

РЕЧЬ НЕНАВИСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В ТРАКТОВКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА США

Косихина Светлана Степановна

Доцент кафедры конституционного права, кандидат исторических наук,
доцент, Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Россия
SPIN-код 7616-2098

Свобода слова относится к категории фундаментальных прав, так как зафиксирована в Первой поправке к конституции США. Верховный суд, уполномоченный на реализацию функции конституционного контроля, на протяжении длительного исторического периода придерживался неоднозначной позиции по вопросу о допустимых пределах ее ограничения. Целью данной статьи является определение границ свободы слова, установленных Верховным судом, и их доктринального обоснования. В результате будет показано, как Суд помешал правительству регулировать речь на основе ее содержания, какие предоставил параметры, чтобы обеспечить конституционную защиту свободы слова и в ее рамках речи ненависти. В связи с недавним возросшим вниманием к разжиганию ненависти, особенно на площадках американских университетов, анализируется судебная практика, связанная со свободой слова и языком ненависти и делается вывод о неоднозначности американского подхода.

Ключевые слова: речь ненависти, свобода слова, конституция, США, Первая поправка, свобода самовыражения, Верховный суд, демократия, дискриминация, экстремизм.

Речь ненависти (hate speech) – термин, широко распространенный в законодательстве различных стран и не имеющий единого, последовательного определения. Кембриджский словарь определяет ее как «публичное высказывание, выражающее ненависть или призывающее к насилию по отношению к человеку или группе людей на основании признаков расы, религии, пола или сексуальной ориентации» [1]. Энциклопедия американской конституции утверждает, что речь ненависти «обычно включает в себя сообщения, выражающие враждебность или унижение человека или группы по причине таких групповых характеристик как раса, цвет кожи, национальное происхождение, пол, инвалидность, религия или сексуальная ориентация» [2, Р. 1277].

В предлагаемой публикации нами используется определение речи ненависти, приведенное в работе Эль Шерифа и введенное в оборот в современных исследованиях по конституционному праву США. Автор определяет речь ненависти как «прямое и серьезное нападение на любую защищенную категорию людей по признаку их расы, этнической принадлежности, национального происхождения,

религии, пола, гендера, сексуальной ориентации, инвалидности или заболевания» [3, Р. 43].

Как видим, определения речи ненависти варьируются. При этом повсеместно отсутствует юридическая квалификация понятий «ненависть», «вражда», «унижение». Представляется, что главным дефектом вышеуказанных понятий и, соответственно, категории «речь ненависти/язык ненависти» является их размытость и неопределенность. Указанное обстоятельство имеет следствием избирательность правоприменения и создает проблему для реализации конституционных прав на свободу выражения мнения, свободу мысли и свободу слова.

В США речь ненависти пользуется конституционной защитой, в то время как в других западных демократиях, таких как Канада, ФРГ и Великобритания, она запрещена и уголовно наказуема. Представляется уместным сосредоточиться на Соединенных Штатах и проанализировать речь ненависти в рамках широкомасштабной правовой практики в области свободы слова, предусмотренной Первой поправкой к конституции.

Свобода слова относится к числу фундаментальных прав и является одним из культурных символов США. Американский конституционалист М. Розенфельд значимость свободы слова в Соединенных Штатах объясняет серией факторов. К таковым он относит «...предпочтение свободы перед равенством, приверженность индивидуализму и глубокое укоренение традиции естественных прав, идущей от Локка, которая отстаивает свободу от государства – негативную свободу – над свободой через государство – или позитивной свободой» [4, Р. 1529]. По сути, право на свободу слова в Соединенных Штатах понимается как принадлежащее отдельному субъекту в противовес государству. Оно закреплено в Первой поправке к конституции в качестве запрета на вмешательство парламента, а не как возложение на федеральный законодательный орган обязанности гарантировать получение и передачу идей среди граждан: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [5].

Граждане США квалифицируют свободу слова как неограниченное благо и опасаются, что активная деятельность власти в этой сфере с большей вероятностью принесет вред, нежели пользу. Тем не менее на протяжении XX века между теорией и правоприменением наблюдались значительные расхождения. В частности, законы, направленные на криминализацию социалистических и коммунистических взглядов, поддерживались Верховным судом в качестве конституционных. Например, в деле «Дебс против Соединенных Штатов» Верховный суд оставил обвинительный приговор в силе, поскольку «естественным и преднамеренным эффектом» выступления, за которое подсудимый – лидер Социалистической партии Америки – привлекался к ответственности, было воспрепятствование призыву на военную службу [6]. Из этого следует, что американская теория и практика в отношении свободы слова не отличались последовательностью.

Для лучшего понимания американского подхода к языку ненависти и его соотношения с Первой поправкой к конституции, менявшегося с течением времени, М. Розенфельд предлагает «поместить» его в соответствующий исторический и теоретический контекст. Им выделены четыре исторических этапа. Критерий, положенный в основу периодизации, смена доминирующей функции свободы слова на каждом из них [7, Р. 1530]. Взяв за основу предложенный подход ввиду его целесообразности и уместности, параллельно обратим внимание на наличие четырех философских обоснований свободы слова, положенных в доктринальное обоснование юридической практики.

Первый этап относится к Войне за независимость 13 североамериканских колоний Англии 1775-1783 гг. Основная функция свободы слова в это время – защита народа от правительства [8, Р. 144].

По мере утверждения и укоренения демократии в Соединенных Штатах источником угрозы свободе слова становится не правительство, а так называемая «тирания большинства». Соответственно, на втором этапе (XIX в.-середина XX в.) доминирующая функция свободы слова – «защита сторонников непопулярных взглядов от гнева большинства» [9, Р. 144].

Третий этап (середина 1950-х-1980-е гг.) соответствует периоду в Соединенных Штатах, когда утвердилось мнение о практически неограниченном характере свободы слова и ее несвязанности с идеологией, следствием чего стал общественный консенсус в отношении базовых ценностей. Таким образом, основная функция свободы слова трансформировалась «от снятия ограничений с ораторов к обеспечению непредвзятости слушателей» [10, Р. 143-144].

Наконец, в рамках четвертого этапа, начиная с 1980-х гг. и продолжающегося по настоящее время, вследствие популяризации феминистской и критической расовой теорий, выступивших с критикой мейнстрима и официальной речи как дискриминационных, возникло убеждение в необходимости плюрализма, фрагментации мнений и их защите посредством Первой поправки. Как отмечает М. Розенфельд: «Главной функцией свободы слова становится защита угнетенных и маргинализованных дискурсов и их сторонников от гегемонистских тенденций дискурсов обладателей власти и больших денег» [11, Р. 1531-1532].

Соотношение речи ненависти с Первой поправкой на различных исторических этапах надлежит рассматривать в связке с четырьмя основными философскими и доктринальными обоснованиями свободы слова в США: оправдание демократией; оправдание общественным договором; оправдание стремлением к истине; оправдание автономией индивида. Каждое из приведенных оправданий придает свободе слова различную степень легитимности. Более того, даже разные версии одного и того же обоснования приводят к смещению границ между высказываниями, требующими защиты, и высказываниями, которые могут быть ограничены конституцией. Такие сдвиги особенно важны в контексте речи ненависти.

Оправдание демократией основывается на убеждении, что свобода слова выполняет незаменимую функцию в системе демократического самоуправления. Без свободы передачи и получения идей граждане не могут успешно решить задачу демократического самоуправления. Соответственно, политическая речь должна иметь защищенный характер. При этом из системы защиты исключаются антидемократические высказывания в целом, ненавистнические и экстремистские высказывания как не преследующие какую-либо полезную цель [12, Р. 1533].

Согласно обоснованию, проистекающему из теории общественного договора, существование базовых политических институтов оправдано с точки зрения фактического или гипотетического соглашения между членами сообщества. Значительные изменения в этих институтах могут осуществляться только на основе таких соглашений. Как и в случае с оправданием демократией при оправдании на основе общественного договора необходим свободный обмен мнениями и их обсуждение. Однако, в отличие от оправдания демократией общественный договор не может заранее исключить любые взгляды, которые, хотя и несовместимы с демократией, но могут иметь значение для решения вопроса о заключении социального контракта или о согласии на какую-либо конкретную форму политической организации. Соответственно, для оправдания посредством общественного договора требуется терпимость к языку ненависти.

Оправдание стремлением к истине берет начало в философии Джона Стюарта Милля. По мнению Милля, открытие истины – это постепенный эмпирический процесс, который опирается на пробы и ошибки и требует свободной дискуссии. Обоснование Миллем предельно широкой свободы выражения мнений было импортировано в американское конституционное право судьей Оливером Уэнделлом Холмсом и стало известно как «обоснование, основанное на рынке свободных идей». Оно нашло выражение в 1919 г. в особом мнении Холмса на

решение Верховного суда по делу «Абрамс против Соединенных Штатов», согласно которому «...первая поправка не защищает высказывания, направленные на то, чтобы подорвать позиции Соединенных Штатов в войне, разжигании мятежа и беспорядков» [13].

В особом мнении судья Холмс утверждал, что Первая поправка защищает право на несогласие с точкой зрения правительства. Свобода слова не должна ограничиваться, если только не существует непосредственной угрозы совершения преступления или если обвиняемый намерен создать такую опасность: «В данном случае приговоры к двадцати годам тюремного заключения были вынесены за публикацию двух листовок, на публикацию которых, по моему мнению, обвиняемые имели столько же прав, сколько правительство имеет на публикацию Конституции Соединенных Штатов, на которую они [обвиняемые] теперь тщетно ссылаются. ... Конечное желаемое благо лучше достигается путем свободной торговли идеями, лучшим критерием истинности является способность мысли добиться признания в условиях рыночной конкуренции... Такова, во всяком случае, теория нашей Конституции. Это эксперимент, как и вся жизнь – эксперимент. Каждый год, если не каждый день, мы вынуждены ставить свое спасение на карту, основываясь на каких-то пророчествах, основанных на несовершенных знаниях. Пока этот эксперимент является частью нашей системы, я считаю, что мы должны быть вечно бдительны к попыткам ограничить выражение мнений...» [14].

С тех пор это обоснование является доминирующим в Соединенных Штатах. Оно основывается на уверенности, что истина с большей вероятностью восторжествует в ходе открытого обсуждения, нежели с помощью иных средств.

Холмс, как и Милль, не одобрял неограниченную свободу слова. По мнению Холмса, свобода слова должна быть защищена, если только она не представляет «явной и реальной опасности» для людей, например, когда в переполненном театре ложно кричат «пожар» и тем самым вызывают панику [15]. Аргументы Холмса, основанные на стремлении к истине, оправдывают защиту разжигающих ненависть высказываний, которые не являются «подстрекательством к насилию» и не представляют «явную и реальную опасность». Высказывания, «подстрекающие к насилию» и/или создающие иную «реальную опасность», не заслуживают защиты под предлогом стремления к истине, так как с большей вероятностью приведут к вредоносным последствиям, нежели к распространению новых мнений, и, следовательно, подорвут функционирование рынка идей.

В отличие от трех ранее приведенных обоснований, являющихся коллективными по своей природе, четвертое обоснование свободы слова – оправдание автономией индивида – ориентировано на конкретного человека. Действительно, демократия, социальный мир и гармония в рамках общественного договора, а также стремление к истине – это коллективные блага, призванные приносить пользу обществу в целом. Индивидуальная автономия и благополучие через самовыражение приносят пользу индивиду, при этом не обязательно принося пользу обществу. Известный американский конституционалист Д. Ричардс еще в 1977 г., рассуждая о моральной стороне Первой поправки, пришел к заключению, что индивидуальная автономия и уважение к личности человека требуют защиты практически неограниченного самовыражения. Соответственно, все виды высказываний, которые могут быть связаны с ощущаемой индивидом потребностью в самовыражении, должны пользоваться конституционной защитой [16, Р. 62-63]. Таким образом, оправдание автономией предоставляет широкоформатную защиту для всех типов речи. Так как речь ненависти способствует удовлетворению потребностей в самовыражении личности, она, безусловно, может претендовать на защиту в соответствии с оправданием автономией индивида.

Современное американское конституционное право в отношении языка ненависти в основном опирается на оправдание стремлением к истине и склонно неявно поддерживать третью стадию или сочетание второй и третьей стадий функциональной роли свободы слова и в ее контексте речи ненависти.

Судебное преследование за разжигающие ненависть высказывания в Соединенных Штатах появилось относительно недавно. В 1952 г. в деле «Богарне против Иллинойса» Верховный суд оставил в силе обвинительный приговор за разжигание ненависти, подчеркнув, что примененные обвиняемым высказывания приравниваются к групповой диффамации и что таковая по сути аналогична индивидуальной диффамации, исключенной из сферы защиты свободы слова [17]. Богарне, будучи белым супремасистом, распространил листовку, в которой обвинял чернокожих в изнасилованиях, грабежах и иных насильственных преступлениях. Хотя Богарне призывал белых объединяться и защищать себя от зла, которое он приписывал чернокожим, не было установлено, что его действия представляли «явную и реальную опасность» насилия. Прецедент, сформированный на основе дела Богарне против Иллинойса, был основательно подорван последующими решениями Верховного суда.

Современный конституционный стандарт, устанавливающий границу между речью ненависти как проявлением свободы слова и подстрекательством к насилию, был сформирован в решении Верховного суда по делу «Бранденбург против Огайо» в 1969 г. [18]. Дело Бранденбурга касалось лидера и нескольких членов Ку-клукс-клана, которые на митинге сделали уничижительные замечания в адрес чернокожих и евреев. Ораторы предложили первым вернуться в Африку, а вторым – в Израиль, и объявили, что обратятся к правительству с соответствующим ходатайством. Но если оно откажется, у них не останется иного выхода, кроме как «взять дело в свои руки». Фрагменты митинга были показаны по телевидению. Решением Верховного суда приговор Бранденбургу, вынесенный нижестоящим судом, был отменен. В качестве обоснования приводился аргумент, что Клан лишь пропагандировал насилие, но не подстрекал к нему: «Государство не может запрещать выступления, пропагандирующие применение силы или противоправное поведение, за исключением случаев, когда эта пропаганда направлена на подстрекательство к неизбежным противоправным действиям и может спровоцировать или вызвать такие действия» [19].

Важно отметить, что, проводя границу между подстрекательством и пропагандой, суд применил к языку ненависти стандарт, установленный для коммунистических высказываний, включавших пропаганду насильственного свержения правительства. Решение Верховного суда поднимает вопрос о том, следует ли приравнивать речь ненависти к экстремистским высказываниям и констатирует, что «экстремистская речь, основанная на политической идеологии, не обязательно связана с личной ненавистью» [20].

Закрепление вышеозначенной позиции Верховного суда к речи ненависти нашло выражение в решении по делу «Р.А.В. против города Сент-Пол» [21]. В городе Сент-Пол молодые белые экстремисты сожгли крест на заднем дворе чернокожей семьи. Сжигание креста, издавна практиковавшееся супремасистами, было символом оголтелого расизма. Последние были привлечены к ответственности на основе закона о преступлениях по мотивам предвзятости, предусмотренного § 292.02 Уголовного кодекса штата Миннесота (1990): «Любой, кто размещает на государственной или частной собственности символ, объект, ... горящий крест или нацистскую свастику, которые, как известно, ... вызывают гнев, тревогу или негодование у других по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания или пола, совершает хулиганские действия» [22].

Единогласным решением Верховный суд США отменил обвинительный приговор, признав § 292.02 Уголовного кодекса штата Миннесота антиконституционным по двум причинам: во-первых, он был направлен против высказываний, которые не были равносильны подстрекательству к насилию; и, во-вторых, даже учитывая, что горящий крест квалифицировался как «бранные», «боевые» слова, что соответствовало стандарту подстрекательства, положение закона основывалось на недопустимой дискриминации по признаку точки зрения [23].

Проведенный анализ показывает, что защита речи ненависти, а также ее запрещение порождают проблемы. Главное преимущество американского подхода заключается в том, что он устанавливает относительно четкие границы между допустимыми и недопустимыми высказываниями. В тех случаях, когда разжигающие ненависть высказывания представляют небольшую угрозу, а их посыл отвергается подавляющим большинством, терпимость может быть предпочтительнее. В подобных ситуациях опасность, связанная с подавлением и латентным распространением языка ненависти и транслируемых на нем взглядов, перевешивает вред от неограниченного выражения мнений.

Недостаток американского подхода заключается в том, что он не учитывает потенциально серьезный ущерб, который может проявляться с течением времени, а также игнорирует вред, который ненавистнические высказывания могут нанести проблемам равенства и достоинства их жертв. Думается, что американским судам следует учитывать очевидное воздействие некоторых разжигающих ненависть высказываний при определении того, должны ли такие высказывания иметь право на конституционную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/hate-speech> (Дата обращения: 20.01.2025).
2. Encyclopedia of the American Constitution / ed. K. L. Karst. – Detroit: Macmillan Reference USA. – 2000. – 3200 p.
3. ElSherief M., Kulkarni V., Nguyen D. Hate Lingo: A Target-Based Linguistic Analysis of Hate Speech in Social Media / M. ElSherief, V. Kulkarni, D. Nguyen // Twelfth International AAAI Conference on Web and Social Media. – 2018. – V. 12. – N. 1. – P. 42-51.
4. Rosenfeld M. Hate Speech in Constitutional Jurisprudence: A Comparative Analysis / M. Rosenfeld // Cardozo Law Review. – 2003. – V. 24. – P. 1523-1567.
5. Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=168> (Дата обращения 25.01.2025).
6. Debs v. United States, 249 U.S. 211 (1919) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/249/211/> (Дата обращения 25.01.2025).
7. Rosenfeld M. Op. cit.
8. Bollinger L. C. The Tolerant Society: Freedom of Speech and Extremist Speech in America / L. C. Bollinger. – N-Y.: Oxford University Press. – 1986. – 365 p.
9. Bollinger L.C. Op. cit.
10. Bollinger L.C. Op. cit.
11. Rosenfeld M. Op. cit.
12. Rosenfeld M. Op. cit.
13. Abrams v. United States, 250 U.S. 616 (1919) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/250/616/> (Дата обращения 27.01.2025).
14. Abrams v. United States, 250 U.S. 616 (1919).
15. Schenck v. United States, 249 U.S. 47 (1919) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/249/47/> (Дата обращения 27.01.2025).
16. Richards D. Free Speech and Obscenity Law: Toward A Moral Theory of the First Amendment / D. Richards // University of Pennsylvania Law Review. – 1974. – V. 123. – № 1. – P. 45-91.
17. Beauharnais v. Illinois, 343 U.S. 250 (1952) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/343/250/> (Дата обращения 28.01.2025).

18. *Brandenburg v. Ohio*, 395 U.S. 444 (1969). – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/395/444/> (Дата обращения 29.01.2025).
19. *Brandenburg v. Ohio*, 395 U.S. 444 (1969).
20. *Yates v. United States*, 354 U.S. 298 (1957) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/354/298/> (Дата обращения 29.01.2025).
21. *R.A.V. v. City of St. Paul*, 505 U.S. 377 (1992) – Justia Legal Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/377/> (Дата обращения 29.01.2025).
22. Цит. по: *R.A.V. v. City of St. Paul*, 505 U.S. 377 (1992).
23. *R.A.V. v. City of St. Paul*, 505 U.S. 377 (1992).

HATE SPEECH AS AN EXPRESSION OF FREEDOM OF SPEECH IN INTERPRETATION OF US CONSTITUTIONAL LAW

Kosikhina S.S.

Freedom of speech is a fundamental right, as it is enshrined in the First Amendment to the U.S. Constitution. The Supreme Court, empowered to exercise the function of constitutional review, has historically held an ambiguous position on the permissible limits of its restriction. The purpose of this article is to identify the boundaries of freedom of speech as defined by the US Supreme Court and their doctrinal justification. As a result, it will demonstrate how the Court prevented the government from regulating speech based on the basis of content, what parameters it provided to ensure constitutional protection of freedom of speech and, within its framework, hate speech. In connection with the recent increased attention to hate speech, especially on the platforms of American universities, the case law related to freedom of speech and hate speech is analyzed and the ambiguity of the American approach is concluded.

Keywords: hate speech, freedom of speech, constitution, USA, First Amendment, freedom of expression, Supreme Court, democracy, discrimination, extremism.

УДК 346.2

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Редкоус Владимир Михайлович

Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Института государства и права РАН, Россия, Москва

Одной из тенденций совершенствования правового регулирования экономических отношений в государствах – участниках Содружества Независимых Государств является формирование и развитие правовой основы социального предпринимательства. Это предполагает создание правовых, организационных и экономических основ социального предпринимательства, обеспечение государственных гарантий защиты, государственной поддержки и расширения деятельности субъектов социального предпринимательства. Эффективному решению данных вопросов должно способствовать проведение сравнительно-правовых исследований. В данной статье представлен краткий анализ основных вопросов правового регулирования социального предпринимательства в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Показано, что происходит институционализация социального предпринимательства в рамках правового регулирования предпринимательской деятельности, носящая комплексный, междисциплинарный характер; поднимается вопрос о необходимости и целесообразности принятия в Российской Федерации самостоятельного законодательного акта о социальном предпринимательстве.

Ключевые слова: экономические отношения; предпринимательская деятельность; правовые основы; организационные основы; экономические основы; социальное предпринимательство; государственные гарантии защиты; государственная поддержка; деятельность субъектов социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство становится популярным во всем мире, занимая место в одном ряду с такими общепризнанными явлениями, как некоммерческие инициативы, благотворительность, социальная ответственность, отмечает в своей статье В.В. Жохова [1, с. 77]. Социальное предпринимательство становится все более востребованным и в государствах – участниках СНГ, что обуславливает актуальность и значимость его соответствующего правового

регулирования в рамках национальных правовых систем [2, с. 84-86] , а также развития экономических и финансовых отношений [3, с. 7-9].

До настоящего времени не выработано единое определение социального предпринимательства. Нам, конечно же, в первую очередь будут интересовать нормативные определения социального предпринимательства, так как они лежат в основе построения модели правового регулирование его осуществления в корреляции с иными нормами национального законодательства, регламентирующими осуществление предпринимательской деятельности.

Так, например, А.Р. Хаматуллина, рассматривая сущность социального предпринимательства и его функции, предложила следующее определение: «Социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, реализующая долгосрочные инновационные стратегии в создании и развитии эффективной инфраструктуры для уменьшения или устранения барьеров социального, политического, юридического, интеллектуального, экономического, расового характера с целью соблюдения интересов и/или удовлетворения насущных потребностей целевых сегментов и общества в целом» [4, с. 88]. М.С. Волкова определяет социальное предпринимательство как долгосрочную некоммерческую инициативу, внедряющую новый социальный порядок и поддерживающую свою жизнедеятельность за счет коммерческой модели хозяйственного поведения. В то же время социальное предприятие – это устойчивая, саморазвивающаяся бизнес структура, которая формирует механизм социальной поддержки и инфраструктурного развития за счет тесной интеграции в общественную систему» [5, с. 47]. М.С. Волкова раскрывает содержание шести критериев (экономический, ресурсный, поведенческий, рыночный, организационный и институциональный), которые легли в основу выработанного определения, а также показывает важность социального предпринимательства как нового общественного института, позволяющего выстроить комфортный климат для эффективного использования ресурсов [5, с. 39-48].

Сопоставляя имеющиеся в научной литературе определения социального предпринимательства и законодательно закрепленные определения можно сделать вывод, что научные определения позволяют глубже понять сущность социального предпринимательства, выделить признаки, однако не слишком подходят для нормативного использования в законодательных и иных нормативных правовых актах.

Анализ законодательных актов государств СНГ показывает отсутствие системности в регулировании социального предпринимательства, его фрагментарность, отсутствие целостности, что не может не сказаться на эффективности его осуществления в социально-полезных целях, очерченных законом и ожидаемых обществом. Рассмотрим имеющийся опыт законодательного регулирования социального предпринимательства в государствах Содружества.

В Российской Федерации Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» [6] внес изменения и дополнения в Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 209) [7], закрепив в нем:

определение «социальное предпринимательство», под которым понимается «предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 ФЗ № 209»;

вопросы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства (ст. 24.1 ФЗ № 209);

изменения и дополнения в порядок ведения единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства.

Заслуживает внимания опыт Республики Казахстан, где вопросы социального предпринимательства закреплены в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК [8] (далее – ПК РК). В ст. 20 ПК РК закреплено, что государством гарантируется и поощряется внедрение субъектами предпринимательства в своей деятельности социальной ответственности. Поддержку инициатив развития социального предпринимательства осуществляют государственные органы, национальные холдинги, национальные институты развития и иные организации в порядке, определяемом уполномоченным органом по предпринимательству. Глава 6 ПК РК называется «Социальная ответственность предпринимательства» и содержит статьи, касающиеся: общих положений социальной ответственности предпринимательства (ст. 75); социальной ответственности предпринимательства в сфере занятости и трудовых отношений (ст. 76); социальной ответственности предпринимательства в экологической сфере (ст. 77); государственных гарантий при осуществлении благотворительности субъектами предпринимательства (ст. 78); взаимодействия государства и субъектов предпринимательства, занимающихся благотворительностью (ст. 79).

Глава 6-1 ПК РК называется «Социальное предпринимательство» и включает следующие статьи: социальное предпринимательство (ст. 79-1); основные задачи социального предпринимательства (ст. 79-2); категории субъектов социального предпринимательства (ст. 79-3); реестр субъектов социального предпринимательства (ст. 79-4);

ПК РК в ст. 79-1 («Социальное предпринимательство») закрепил, что «социальным предпринимательством является предпринимательская деятельность субъектов социального предпринимательства, способствующая решению социальных проблем граждан и общества, осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ст. 79-3 ПК РК. Субъектами социального предпринимательства являются индивидуальные предприниматели и юридические лица (за исключением субъектов крупного предпринимательства), включенные в реестр субъектов социального предпринимательства».

ПК РК в ст. 79-2 («Основные задачи социального предпринимательства») закрепил, что основными задачами социального предпринимательства являются: 1) обеспечение участия субъектов предпринимательства в решении социальных проблем, в том числе путем внедрения социальных инноваций и содействия в оказании социальных услуг, предусмотренных ст. 79-3 ПК РК. 2) содействие в обеспечении занятости социально уязвимых слоев населения, указанных в статье 79-3 ПК РК, и создание для них равных с другими гражданами возможностей для участия в общественно полезной деятельности; 3) продвижение на рынок производимых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг субъектами социального предпринимательства, в том числе путем личного трудового участия социально уязвимых слоев населения, указанных в ст. 79-3 ПК РК. При этом для целей ПК РК под социальными инновациями понимаются новые идеи, стратегии, технологии, которые способствуют решению социально значимых задач, вызывающих социальные изменения в обществе.

В ст. 79-3 («Категории субъектов социального предпринимательства») ПК РК сказано, что субъекты социального предпринимательства подразделяются на четыре категории в зависимости от соответствия одному или нескольким условиям, перечисленным в ст. 79-3 ПК РК. Ст. 79-4 ПК РК посвящена реестру субъектов социального предпринимательства.

В наиболее полном виде вопросы социального предпринимательства на правовом пространстве СНГ урегулированы в Республике Таджикистан (далее – РТ), где совсем недавно был принят Закон РТ от 2 января 2025 г. № 2119 «О социальном предпринимательстве» (далее – Закон РТ) [9]. В качестве цели Закона РТ объявлено обеспечение гарантии государственной защиты, государственной поддержки и

расширения деятельности субъектов социального предпринимательства, а также содействие в повышении качества жизни и оказании помощи социально уязвимым группам населения, решение социальных проблем, достижение общественно полезных целей, создание благоприятной экономической среды для социального предпринимательства и внедрения социальных инноваций.

В отличие от России, Республики Казахстан и других государств СНГ, таджикский законодатель счел необходимым в Законе РТ дать определения гораздо более широкому перечню основных понятий. Так, например, в Законе РТ «социальное предпринимательство» определено как «предпринимательская деятельность, направленная на поддержку социально уязвимых слоев населения и осуществляемая в соответствии с Законом РТ для поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг социального назначения»; «социальное предприятие» – «юридическое лицо, осуществляющее деятельность в сфере социального предпринимательства, включенное в реестр субъектов социального предпринимательства в порядке, установленном Законом РТ»; «социальный предприниматель» – это «индивидуальный предприниматель, включенный в реестр субъектов социального предпринимательства в порядке, установленном Законом РТ»; «реестр субъектов социального предпринимательства» – это «единая база данных о социальных предприятиях и социальных предпринимателях, ведение которой осуществляет уполномоченный государственный орган по государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»; «социально уязвимые группы населения» – это «лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации, испытывающие трудности в социальной адаптации и нуждающиеся в помощи»; «социальный проект» – это «способ поддержки самостоятельной социальной предпринимательской деятельности, реализуемой субъектами социального предпринимательства». Также даны определения товаров социального назначения, социальных услуг, социальных инноваций.

Задачами сферы социального предпринимательства являются: развитие сферы социальных услуг; обеспечение участия субъектов предпринимательства и общественности в решении социальных проблем, в том числе путем внедрения социальных инноваций и содействия в оказании социальных услуг, предусмотренных Законом РТ; создание новых рабочих мест для социально уязвимых групп населения и обеспечение для них равных с другими лицами возможностей для участия в общественно полезной деятельности; содействие профессиональной ориентации и трудоустройству, в том числе, занятости социально уязвимых групп населения; продвижение на рынок производимых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг субъектами социального предпринимательства, в том числе путем личного трудового участия социально уязвимых групп населения.

В рамках отдельной статьи 5 в Законе РТ выделены принципы социального предпринимательства. Так, социальное предпринимательство основывается на следующих принципах: законность; социальная справедливость; приоритетность общественных интересов; прозрачность деятельности субъектов социального предпринимательства; добровольность социального предпринимательства; равноправие субъектов социального предпринимательства; гарантированность защиты прав и обеспечения свободной деятельности субъектов социального предпринимательства государством.

В рамках отдельных глав Закон РТ регламентирует: государственное регулирование сферы социального предпринимательства (глава 2); правовой статус субъектов социального предпринимательства (глава 3); государственную поддержку социального предпринимательства (глава 4).

Государственному регулированию сферы социального предпринимательства посвящена глава 3 Закона РТ (статьи 9-13).

В РТ проводится государственная политика в сфере социального предпринимательства, направленная на: поддержку и поощрение социальной

предпринимательской деятельности; формирование и совершенствование правовой базы социального предпринимательства; разработку и реализацию документов стратегического планирования в сфере социального предпринимательства; создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в социальные проекты.

Устанавливается компетенция Правительства РТ в сфере социального предпринимательства. К компетенции Правительства РТ в сфере социального предпринимательства относятся: обеспечение реализации государственной политики в сфере социального предпринимательства; утверждение документов стратегического планирования в сфере социального предпринимательства; определение государственного уполномоченного органа в сфере социального предпринимательства; утверждение методики оценки воздействия социального предпринимательства и принятие иных нормативных правовых актов в сфере социального предпринимательства; координация деятельности министерств, ведомств и иных государственных органов и организаций в сфере социального предпринимательства; осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством РТ.

Также в РТ устанавливаются полномочия уполномоченного государственного органа в сфере социального предпринимательства, в которые входят: обеспечение реализации государственной политики в сфере социального предпринимательства; участие в разработке и реализации документов по стратегическому планированию в сфере социального предпринимательства; участие в разработке нормативных правовых актов в сфере социального предпринимательства; осуществление сотрудничества с субъектами социального предпринимательства; обеспечение межведомственной координации при подготовке и реализации проектов поддержки социального предпринимательства; взаимодействие с местными органами государственной власти, органами самоуправления посёлков и сёл, а также с другими участниками социального предпринимательства; содействие в установлении связей субъектов социального предпринимательства с международными финансовыми и донорскими организациями; содействие в разработке и реализации проектов социального предпринимательства; содействие для получения профессионального образования, дополнительного профессионального образования, обучении, переподготовке и повышении квалификации работников социальных предприятий; анализ социальной предпринимательской среды, изучение, мониторинг и представление предложений по развитию социального предпринимательства в Правительство РТ; осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством РТ.

Принятие закона РТ скорректировало полномочия уполномоченного государственного органа в области государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере социального предпринимательства. В настоящее время в полномочия данного органа входят: рассмотрение заявлений физических и юридических лиц о включении в реестр субъектов социального предпринимательства в соответствии с Законом РТ; ведение реестра субъектов социального предпринимательства; в соответствии с законодательством РТ осуществление налогового контроля и в его пределах определение соответствия деятельности социальных предприятий и социальных предпринимателей требованиям Закона РТ; осуществление иных полномочий, предусмотренных Законом РТ.

Также регламентированы полномочия местных органов государственной власти в сфере социального предпринимательства, включающие: обеспечение реализации государственной политики в сфере социального предпринимательства в пределах соответствующих административно-территориальных единиц; разработку, утверждение и реализацию местных программ стратегического планирования в сфере социального предпринимательства; социальную поддержку и поощрение субъектов социального предпринимательства с учетом социальных, демографических и других особенностей административно-территориальных

единиц; принятие соответствующих мер по созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в сферу социального предпринимательства; содействие органам самоуправления посёлков и сёл в осуществлении ими своих функций в сфере социального предпринимательства и оказание организационной, финансовой и экономической помощи; осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством РТ.

Достоинством Закона РТ является то, что в нем в рамках регламентации государственной поддержки социального предпринимательства (глава 4) установлены формы государственной поддержки социальной предпринимательской деятельности, которая применяется со дня включения субъекта предпринимательства в реестр субъектов социального предпринимательства и прекращается со дня исключения из данного реестра.

Формами государственной поддержки социальной предпринимательской деятельности являются: предоставление налоговых и таможенных льгот или других государственных льгот в порядке, предусмотренном законодательством РТ; размещение государственного социального заказа по прямым договорам на выполнение государственного социального заказа в соответствии с законодательством РТ; участие в процедурах государственных закупок с преимущественным правом на заключение прямых закупок по социальным проектам в соответствии с законодательством РТ; предоставление финансовой поддержки социальным предприятиям за счет государственных целевых фондов; оказание материальной поддержки, в том числе путем передачи в аренду государственного и коммунального имущества на льготных условиях в соответствии с законодательством РТ; организация профессионального обучения и профессионального образования, дополнительного профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации работников социальных предприятий; предоставление государственных грантов для социальных предприятий или социальных предпринимателей в целях реализации социальных проектов; предоставление бесплатной консультации, оказание методической помощи и информационной поддержки, в том числе по вопросам привлечения финансирования и участия в закупках товаров, работ и услуг. Установлено также, что местные органы государственной власти и органы самоуправления посёлков и сёл могут в пределах своих полномочий устанавливать дополнительные меры поддержки социального предпринимательства.

Таким образом, несмотря на отсутствие системности правового регулирования социального предпринимательства в законодательных актах государств – участников СНГ, мы все – таки в них находим: определения социального предпринимательства; задачи сферы социального предпринимательства; принципы социального предпринимательства; правовой статус субъектов социального предпринимательства; вопросы государственного регулирования сферы социального предпринимательства; формы государственной поддержки социальной предпринимательской деятельности и т.д. Происходит институционализация социального предпринимательства в рамках правового регулирования предпринимательской деятельности, носящая комплексный, междисциплинарный характер. Социальное предпринимательство, несмотря на якобы ограниченные возможности, может послужить инновационному развитию страны [10, с. 117-122]. Также развитие социального предпринимательства будет способствовать укреплению экономической безопасности страны посредством диверсификации производства и усиления занятости населения, снижения социальной напряженности [11, с. 42-49].

Всё это после проведения более полных сравнительно-правовых исследований и обобщения положительного отечественного и зарубежного опыта правового регулирования позволит поднять вопрос о необходимости и целесообразности принятия в Российской Федерации самостоятельного законодательного акта о социальном предпринимательстве и, при необходимости, решить его положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. 2015. №4 (52). С. 77-99
2. Редкоус, В.М. Некоторые вопросы инновационного развития в государствах-участниках СНГ / В. М. Редкоус // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – С. 84-86.
3. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. – Москва: Институт государства и права РАН, 2023. – 219 с.
4. Хаматуллина А.Р. Сущность социального предпринимательства и его функции // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика . 2015. №4 (14). С. 86-89.
5. Волкова М.С. Понятие социального предпринимательства и его критерии // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 9. С. 39-48.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 30. Ст. 4147.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4006.
8. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 11.01.2025 г.) // Казахстанская правда. 2015. 3 ноября. № 210 (28086).
9. Закон Республики Таджикистан РТ от 2 января 2025 г. № 2119 «О социальном предпринимательстве» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=164256 (дата обращения: 24.02.2025).
10. Редкоус В.М. К вопросу о мерах по совершенствованию инновационного развития (опыт Республики Узбекистан) // Стратегическое развитие экономики, права и управления в новых геоэкономических и геополитических условиях: вызовы и приоритеты: Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Москва, 03 июня 2024 года. – Москва: Ассоциация Электронного Обучения, 2024. – С. 117-122.
11. Редкоус В.М. Некоторые вопросы законодательного обеспечения экономической безопасности в государствах – участниках СНГ / В. М. Редкоус // Мировая экономика: проблемы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 42-49.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CIS MEMBER STATES

Redkous V.M.

One of the trends in improving the legal regulation of economic relations in the member States of the Commonwealth of Independent States is the formation and development of the legal framework for social entrepreneurship. This involves the creation of legal, organizational and economic foundations of social entrepreneurship, ensuring state guarantees of protection, state support and expansion of the activities of social entrepreneurship entities. Conducting comparative legal research should contribute to the effective solution of these issues. This article provides a brief analysis of the main issues of legal regulation of social entrepreneurship in the member states of the Commonwealth of Independent States. It is shown that the institutionalization of social entrepreneurship is taking place within the framework of the legal regulation of entrepreneurial activity, which is of a complex, interdisciplinary nature; the question is raised about the necessity and expediency of adopting an independent legislative act on social entrepreneurship in the Russian Federation.

Keywords: economic relations; entrepreneurial activity; legal bases; organizational bases; economic bases; social entrepreneurship; state guarantees of protection; state support; activities of subjects of social entrepreneurship.

УДК 342

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Упоров Иван Владимирович
Д.и.н., к.ю.н., профессор,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар

В завершающий период известной горбачевской «перестройки» (1985-1991гг.) в советском государстве происходили существенные изменения во многих аспектах общественно-политической и социально-экономической жизни, в том числе трансформировались соответствующие законодательные нормы в сфере публично-властных отношений, где одной из новелл было введение института местного самоуправления как формы народовластия. Этот вопрос после распада СССР стал активно внедряться в постсоветской России. С того времени прошло уже более трех десятилетий, однако само понятие местного самоуправления как публично-правовой категории, в отличие от признаков государственной власти на федеральном и региональном уровнях, по-прежнему остается предметом серьезных дискуссий в научных изданиях, и по-прежнему российский законодатель проявляет нестабильность по вопросу о нормативно-правовом регулировании дефиниции «местное самоуправление». В статье рассматриваются основные тенденции этого противоречивого процесса, начиная от первых законов, закреплявших понятие местного самоуправления, и завершая проектом нового (уже четвертого по счету) федерального закона об организации местного самоуправления в России, который еще не принят в окончательном варианте, где также представлена еще одна версия в понимании местного самоуправления. Соответственно анализируются как законодательные дефиниции местного самоуправления, так и позиции ученых-правоведов в сфере конституционного и муниципального права. Обосновывается авторская точка зрения по поднятой в статье теме.

Ключевые слова: перестройка, государство, местное самоуправление, закон, общество, народовластие, муниципальное образование.

Уже более тридцати пять лет как в России стал вводиться институт местного самоуправления в России, который заменил ранее действовавшие в СССР местные Советы народных депутатов [1]. Вектор на большую самостоятельность местных органов власти был обозначен еще в годы горбачевской «перестройки» (1985-1991

гг.), когда появился союзный закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [2], где значительное внимание уделялось на формы непосредственной демократии (референдумы, собрания, сходы граждан, территориальное общественное самоуправление»). Однако тогда местные Советы еще не были выведены из общей вертикали единой государственной власти, являясь нижним ее звеном. В этом акте было дано следующее понятие местного самоуправления: «Местное (территориальное) самоуправление в СССР – это самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы» [2]. Предусматривалось, что местное самоуправление включает в себя местные Советы как одну из форм и важнейшее звено местного самоуправления (наряду с такими, как органы территориального общественного самоуправления, т.е. советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы).

Однако в целом местное самоуправление в союзном законе не рассматривалось как самостоятельный уровень публичной власти, а местные Советы по-прежнему являлись нижним уровнем единой государственной власти в СССР с административным соподчинением местных Советов вышестоящим инстанциям. По этому поводу представляется важным мнение известного ученого в сфере муниципального права Т.М. Бялкиной, которая, комментируя данный закон, отмечает: «На практике данный подход оказался несостоятельным. Самоорганизация граждан может быть эффективным способом решения местных проблем только на небольших территориях (в рамках улицы, многоквартирного дома, микрорайона и т.п.), где преимущественно и создаются органы территориального общественного самоуправления» [3, с. 19]. К этому добавим, что советский законодатель в ч. 3 ст. 2 определял, что «первичным территориальным уровнем местного самоуправления могут быть сельсовет, поселок (район), город (район в городе). С учетом местных условий и национальных особенностей союзные и автономные республики определяют и другие уровни местного самоуправления. Сельские населенные пункты, поселки, города в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов могут объединяться в ассоциации» [2]. Здесь использование термина «могут быть» говорит, на наш взгляд, о неуверенности законодателя, хотя речь идет ни много ни мало о местной публичной власти!

Затем в Законе РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» [4] институт местной власти подвергнулся существенным организационным преобразованиям и обильному декларированию о местной демократии и самостоятельности местной власти – в частности, предусматривалось принятие уставов местного самоуправления, проведение референдумов, обращения в суд, расширение гласности и т.д. Вместо прежних коллегиальных исполкомов местных Советов, состоявших из местных депутатов, вводился институт местной администрации, которой единолично руководил глава администрации, избираемый населением, наделяемый значительными полномочиями по местным вопросам. Но при этом местная администрация, как и ранее исполкомы, также подчинялась вышестоящим органам государства, которые, среди прочего, должны были принимать меры по сбалансированию бюджетов районов и городов-областных (краевых) центров.

Здесь российский законодатель давал следующее толкование: «Местное (территориальное) самоуправление в РСФСР – система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально – этнических и иных особенностей, на основе Конституции РСФСР и законов РСФСР, конституций и законов республик в составе РСФСР» [4]. Указывалось, что местное самоуправление осуществляется населением через представительные органы власти – местные Советы, соответствующие органы управления – местную

администрацию, местные референдумы, собрания (сходы) граждан, иные территориальные формы непосредственной демократии, а также органы территориального общественного самоуправления населения. Местное самоуправление осуществлялось в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктов. Это была уже новая модель местного самоуправления (предусматривался впервые избираемый населением глава местной администрации, принимался устав местного самоуправления и т.д.), самоуправление в большей степени было отграничено от вышестоящих властных инстанций [5, с. 73]. Фактически, если упростить, система местных Советов с представленной им самостоятельностью и стала называться местным самоуправлением.

Затем, после распада СССР, имел место кратковременный период формирования Конституции Российской Федерации, ставшей самостоятельным государством. В наиболее серьезном политико-правовом виде это находило отражение в нескольких проектах Конституции РФ, разработанных различными заинтересованными организациями, и прежде всего политическими партиями и государственными деятелями. В большинстве проектов чувствовалось влияние европейской либеральной мысли, основанной на теории фундаментальных, естественных прав человека [6; 7]. Один из ключевых аспектов в каждом конституционном проекте касался системы публичной власти, в том числе на местном уровне. Так, в проекте Конституции Российской Федерации, разработанного под руководством А.А. Собчака (1992 г.) [8, с. 446-492] указывалось, что за пределами государственной власти и автономно от нее действует муниципальное самоуправление: городские головы, мэры, казацкие атаманы, старшины, старосты сел и деревень, другие главы муниципальной власти и создаваемые при них исполнительные органы. Согласно проекту Конституции Российской Советской Федерации, разработанному группой депутатов-коммунистов (1993 г.) [8, с. 551-589], местную власть представляют местные Советы как главное звено местного самоуправления, при этом решения нижестоящих Советов могут быть отменены вышестоящими Советами (в случае нарушения законодательства). Структура, штаты, руководители подразделений исполкомов на местном уровне утверждаются соответствующим местным Советом по согласованию с вышестоящими Советами. Как видно, эта система. В проекте Конституции РФ Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РФ (председатель комиссии Р.И. Хасбулатов, секретарь О.Г. Румянцев, 1993 г.) [8, с. 493-550] местное самоуправление в виде Советов (земств), местных администраций отграничивалось от госвласти. Данный проект первоначально считался «официальным», однако в результате острого противостояния Б.Н. Ельцина и Верховного Совета статус «официального» получил проект Конституционного Совещания [9, с. 86]. Что касается проекта действующей Конституции России 1993 г., то нужно заметить, что тогда, в середине 1993 г., инициатива разработки проекта конституции в рамках официальных органов власти и управления, была Президента РФ Б.Н. Ельцина, который, собственно, после многих и довольно острых и даже драматических перипетий политико-правового характера, сформировал Конституционное Совещание (Указы от 12 мая и 2 июня 1993 г.), которое в итоге добрило уточненный президентский проект, вынесенный на всенародное голосование 12 декабря 1993 г. (об этом есть немало работ, в том числе И. Марино [10]) и ставший в итоге действующей Конституцией РФ [11].

В Конституции РФ 1993 г. ситуация с местным самоуправлением изменилась кардинально, причем вектор перемен основывался на европейском опыте. Разумеется, это делалось из лучших побуждений, при этом текст основного закона страны был составлен, а российские граждане проголосовали за него на высокой политико-эмоциональной волне, возникшей после угасания социалистической идеи и распада созданного на ее основе советского государства. Так, в ст. 12 указывается, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», а в ст. 130-133 определялись основные направления

самостоятельной деятельности местного самоуправления. Тем самым органы местного самоуправления впервые, будучи публичной властью на местной уровне, оказались вне административного соподчинения с вышестоящими властными структурами, но одновременно на местную власть была возложена ответственность за состоянием дел в районах, городах и селах.

После этого в субъектах Федерации искали свои варианты законодательного толкования понятия «местного самоуправления», учитывая, что в региональных законах в первой половине 1990-е гг., пока еще не было федерального закона о местном самоуправлении, понятие местного самоуправления раскрывалось по-разному. Так, Закон Чувашской Республики «Об основах организации местного самоуправления в Чувашской Республике» (1993 г.) определял: «Местное самоуправление – самоорганизация граждан для решения непосредственно или через систему государственных органов вопросов, касающихся данной территории и ее населения, исходя из местных и государственных интересов, на основе Конституции Чувашской Республики». Устав Пермской области 1994 г.: «Местное самоуправление – это самостоятельное и под свою ответственность решение населением вопросов местного значения».

Затем указные выше конституционные положения нашли развитие в первом федеральном законе о местном самоуправлении в 1995 г. – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. [12], которым местному самоуправлению предоставлялся едва ли не организационно-правовой карт-бланш в решении вопросов местного значения (в формировании структуры органов местного самоуправления, создании в городах «внутренних» муниципальных образований и др.), при этом большое внимание уделялось тому, чтобы при решении вопросов местного значения значительное внимание уделялось мнению самих жителей, в том числе посредством публичных слушаний[13]. В этом акте было сформулировано следующее определение: «Местное самоуправление в Российской Федерации – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» [12]. Этот закон местному самоуправлению предоставил наиболее широкие полномочия за всю постсоветскую историю. И получалась, если судить по формально-правовым нормам, некая идеалистическая картина публичной власти на трех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном, где для каждого уровня были определены свои предметы деятельности (с соответствующими полномочиями), прописанные конституционно-законодательно.

Казалось бы, при таком внешне стройном разделении компетенции дело пойдет на лад, без взаимного вмешательства органов власти в компетенцию других уровней. Однако последующая реальная политика, правоприменительная практика стали показывать, что картина в действительности весьма далека от деклараций. Предусмотренные три уровня публичной власти (федеральный, региональный, муниципальный) оказались тремя параллельными плоскостями без какого-либо внятного механизма взаимодействия между собой, в то время как такое взаимодействие является жизненно необходимым, и оно фактически осуществлялось и осуществляется, но при этом формально некоторым образом нарушается продекларированная самостоятельность местного самоуправления. Очевидно, что ошибка политиков-стратегов и законодателей того времени заключалась в том, что они явно переоценили потенциал местного сообщества, ибо выбранная модель местного самоуправления была введена без должного учета исторических традиций и менталитета российского населения, без какого-либо опыта функционирования органов местной власти в условиях относительно широкой ее самостоятельности, равно как и без учета опыта субъектов Федерации по правовому регулированию местного самоуправления и взаимодействию с органами местного самоуправления на территории субъекта Федерации.

Вероятно, с 2000 г. к правящей элите России стало приходить понимание того, что публично-властные отношения в сфере местного самоуправления требуют серьезного реформирования, поскольку органы местного самоуправления оказались беспомощными в решении многих поставленных перед ними задач и выполнении обязательств публичной власти, имея при этом перманентно и глубоко дотационные местные бюджеты. Тогда ряд губернаторов (руководители Нижегородской области В.П. Шанцев, Краснодарского края Н.И. Кондратенко, Ульяновской области С.И. Морозов и др.) откровенно высказывались в том смысле, что если они отвечают за состояние дел в регионе, то должны иметь и соответствующие полномочия по вопросам местного значения, чему, однако, препятствовала конституционно закрепленная самостоятельность местного самоуправления.

В результате Закон 1995 г. действовал недолго, и в 2003 г. был принят третий по счету и пока еще действующий федеральный муниципальный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14]. В данном законе имеется такое определение: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» [14]. Как видно, законодатель изменил сущностную основу местного самоуправления. Основной причиной это было решение Конституционного Суда РФ от 30 января 2000 г. [15], где констатировалось, что Уставом (Основным Законом) Курской области допускалось упразднение местного самоуправления как такового на территории определенного муниципального образования и его замена органами государственной власти, если решение отказаться «от реализации права на организацию местного самоуправления» принято «самостоятельно и добровольно через референдум» большинством голосов населения данного муниципального образования, обладающего активным избирательным правом. Такой подход был признан не соответствующим Конституции России, поскольку само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления, возникают на основании Конституции России и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования.

Но одновременно в законе 2003 г. были введены нормы, явно показывающие начало процесса централизации местного самоуправления (соответственно уменьшения самостоятельности местного самоуправления), в частности, были жестко определены виды муниципальных образований и перечни вопросов местного значения для каждого из них, уставы муниципальных образований стали приниматься только депутатами, а не на референдуме, как раньше, и др.). В последующие годы в этом законе вносилось множество изменений и дополнений. В частности, регионы стали предписывать порядок выборов глав муниципальных образований – не всенародно, а депутатским корпусом, потом к этому добавили правило конкурсного отбора кандидатов на эту должность, причем в конкурсной комиссии половина членов включается от губернатора, что де-факто предопределяет кандидатуру на должность главы муниципалитета; появился новый вид муниципальной ответственности – удаление главы муниципального образования в отставку и т.д. К 2020 г. количество указанных выше законодательных новелл выросло настолько, что возникла необходимость в качественном изменении такого подхода, что и было сделано посредством поправок-2020 [16]. Так, согласно новой ч.1.1 ст. 131 Конституции России «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности

должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» [16], а в соответствии с новой ч. 3 ст. 132 «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [16].

Как видно, государственная власть расширяет свои полномочия в решении вопросов местного значения. В целом содержание конституционных поправок-2020 дают основание предположить, что речь в дальнейшем развитии института местной власти будет идти об элементах административной соподчиненности органов госвласти и органов местного самоуправления как формы их взаимодействия. И такой подход, очевидно, будет отвечать реальному положению; дело в том, что первоначальная идея самостоятельности местного самоуправления и соответствующие нормы Конституции России 1993 г., как эмоционально выражается В.Л. Люцер, «изолировали местное самоуправление от остальной власти, поставили крест на публичной власти как таковой» [17, с. 47]. Крест, конечно, не был поставлен, но эффективного взаимодействия властей действительно пока нет, равно как нет ожидаемого еще в начале 1990-х гг. эффективной деятельности органов местного самоуправления, в частности, применительно к крупным городам в литературе отмечается, что «решение вопросов обеспечения жизнедеятельности населения городских агломераций – задача явно не муниципального масштаба» [18, с. 13], и практика лишь подтверждает этот тезис. По этому поводу в литературе высказываются различные мнения, в том числе в публикациях последних лет [19;20;21;22;23 и др.]. Указанный подход по трансформации концептуально мы поддерживаем, поскольку он отражает фактические складывающиеся отношения, когда органы местного самоуправления объективно не справляются с возложенными на них вопросами местного значения, и без поддержки региональных структур не всегда удается обеспечивать права жителей муниципальных образований, находящиеся в компетенции местной власти.

В этом контексте был разработан и внесен в ГД ФС РФ [24], который, вероятно, заменит пока еще действующий закон 2003 г., возможно, это произойдет в 2025 г. В законопроекте предложена совершенно иная трактовка понятия местного самоуправления: «Местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами» [24]. В этом смысле законопроект не свободен от противоречий, например, указанная «самоорганизация граждан» мало соотносится с утверждениями о том, что «органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации» и одновременно «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Как видно, дефиниция в законодательном толковании в постсоветской истории прошла сущностную эволюцию, определяемую в разные периоды следующим образом, если иметь в виду сущностную сторону: – самоорганизация граждан (1990 г.); система организации деятельности граждан (1991 г.); самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения (1995 г.); форма осуществления народом своей власти (2003 г.); форма самоорганизации граждан (законопроект, 2021 г.). При этом изначальное сущностное понимание местного самоуправления как «самоорганизации граждан» через три десятилетия и после почти 20-летнего официального толкования как «формы народовластия», вновь, вполне возможно, вернется в текст закона и страна должна по-другому относиться к местному самоуправлению. Такие «шарахания», конечно, не прибавляют стабильности в российском обществе, и они происходят, очевидно, от

неустоявшейся в России общественно-политической и социально-экономической системы.

Как представляется, при понимании местного самоуправления нужно определиться по следующим позициям: 1) является ли местное самоуправление властной структурой, публичной властью – да, является; 2) зависит ли наличие или отсутствие местного самоуправления на территории населенных пунктов от воли проживающего там населения – нет, не зависит, поскольку местное самоуправление гарантировано на всей территории волей всего народа России в Конституции России; 3) местное самоуправление предполагает ли инициативу, самоорганизацию граждан по вопросам местного значения – да, предполагает; 4) инициативу населения по вопросам местного значения в современной России реально ли осуществлять в населенных пунктах сравнительно небольшого масштаба или в крупных городах и районах тоже – конечно, в населенных пунктах сравнительно небольшого масштаба, а на крупных территориях это будет фикция самостоятельности. Исходя из этого, как нам представляется, и следует формулировать сущность местного самоуправления, а само определение может иметь следующий вид: местное самоуправление – это форма реализации народом своей власти на территории относительно небольших населенных пунктов (внутригородских районов) с численностью жителей до 50 000 человек, предусматривающая как непосредственное осуществление населением вопросов местного значения, так и посредством органов местного самоуправления в соответствии с предоставленными им полномочиями. А что касается «самоорганизации граждан», то этот институт относим к ТОС – территориальному общественному самоуправлению и иным формам общественных инициатив, не являющимися структурами публичной власти. Соответственно на территориях городских (муниципальных) округов целесообразно, опять же на современном этапе российского общества, формировать органы государственной власти субъектов Федерации, а на меньших территориях – органы местного самоуправления.

Исходя из этого, обращаясь вновь к законопроекту, отметим, что в нем такой вид муниципальных образования как поселения (городские и сельские, а равно и внутригородские районы) подлежат упразднению. Очевидно, если такое решение состоится, это будет ошибкой – ведь именно в поселениях, на сравнительно небольших территориях, население может проявить свою инициативу в решении вопросов местного значения и тем самым развивать гражданское общество, уровень которого в России остается низким. Такой подход по этому и другим вопросам вызвал дискуссию в правовой литературе [25;26;27и др.] . Другое дело, учитывая, органы местного самоуправления поселений в настоящее время не могут пока еще эффективно решать поставленные им задачи, следует уменьшить для них количество вопросов местного значения – с тем, чтобы они были реальными, а в нынешних городских и муниципальных округах целесообразно сформировать не органы местного самоуправления, а органы государственной власти субъектов Федерации, которые, располагая гораздо большими ресурсами, будет более эффективно решать такие важные для населения вопросы, как здравоохранения, образование и др. Со временем, по мере обретения органами местного самоуправления необходимого опыта, полномочия поселений могут быть расширены. Но нужно объективно оценивать такого рода социально-правовые процессы – они займут много времени, скорее, всего несколько десятилетий, прежде чем поселения смогут в должной мере исполнять тот огромный перечень вопросов местного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1 Звягольский А.Ю., Турицын И.В., Упоров И.В., Епифанцев А.А. Местные Советы депутатов трудящихся в послевоенное время (1945-1953 гг.):

организационно-правовые основы формирования и деятельности: монография. Москва, 2016.

2. Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

3. Бялкина Т.М. Начало пути: 25 лет первому закону о местном самоуправлении // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: «Право». 2015. № 2. С.16-25.

4. Закон РСФСР от 06.07. 1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 29. Ст. 1010.

5. Шустов В.Г. Политические итоги первого закона РСФСР о местном самоуправлении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 72-76.

6. Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.

7. Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.

8. Конституции и конституционные проекты в истории России: сб. документов / Сост. Упоров И.В., Старков О.В. М.: Юрлитинформ, 2013. 592с.

9. Жилин А.Д. Разработка Конституции России и политические альтернативы в начале 1992 года // Российский журнал правовых исследований. 2017. №4. С. 86-93.

10. Марино И. Конституционное совещание 1993 года: историко-правовой анализ // Социально-политические науки. 2014. № 1. С. 95-106.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, принятыми Законом РФ от 14.02.2020 г. и одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 05.01.2025).

12. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 1 сентября.

13. Звягольский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях (проблемы теории и практики). Москва, 2008.

14. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11. 01. 2025).

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01. 2000 г. N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области" // // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 05.01.2025).

16. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" (одобрен всероссийским голосованием 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 26.01.2025).

17. Лютцер В.Л. Основные проблемы развития муниципального права и местного самоуправления в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 42-49.

18. Султанов Е.Б. Конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: «Гуманит. науки». 2020. № 2. С. 9-16.

19. Адонина С.Ю., Михеева Т.Н. Местное самоуправление в реформе публичной власти // Образование и право. 2023. № 3. С. 92-96.

20. Кожевников О.А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и

современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России №3 (86). 2022. С. 251-256.

21. Мусинова Н.Н. Об организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // Вестник университета. 2022. №2. С. 77-84.

22. Еремин А.Р. Гарантии реализации местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 260-266.

23. Шульц А.Э. Единая система публичной власти. Вопрос о централизации и вызовы обществу // Закон и право. 2024. № 12. С. 133-137.

24. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СОЗД ГАС «Законотворчество» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 03.11.2024).

25. Гунина Т.Г. Переход на одноуровневую систему муниципальных образований: последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. 2022. № 2 С. 61-72.

26. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Максимов М.В. Развитие местного самоуправления в современном российском обществе // История. Культурология. Политология. 2024. № 1. С. 105-110.

27. Якимчук Н.Н. К вопросу об укрупнении муниципальных образований в России и за рубежом: причины, цели, результаты // Вестник Академии знаний. 2024. № 4. С. 659-658.

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A PUBLIC-LEGAL CATEGORY: INSTABILITY OF INTERPRETATION AND LEGISLATIVE RECORDING

Uporov I.V.,

In the final period of the famous Gorbachev's "perestroika" (1985-1991), significant changes occurred in many aspects of socio-political and socio-economic life in the Soviet state, including the transformation of relevant legislative norms in the sphere of public-authority relations, where one of the innovations was the introduction of the institution of local self-government as a form of democracy. This issue began to be actively implemented in post-Soviet Russia after the collapse of the USSR. More than three decades have passed since then, but the very concept of local self-government as a public-legal category, in contrast to the characteristics of state power at the federal and regional levels, remains the subject of serious discussions in scientific publications and the Russian legislator continues to show instability on the issue of normative-legal regulation of the definition of "local self-government". The article examines the main trends of this contradictory process, starting from the first laws that established the concept of local self-government and ending with the draft of a new (already the fourth) federal law on the organization of local self-government in Russia and not yet adopted in its final version, where another version in the understanding of local self-government is also presented. Accordingly, both legislative definitions of local self-government and the positions of legal scholars in the field of constitutional and municipal law are analyzed. The author's point of view on the topic raised in the article is substantiated.

Keywords: perestroika, state, local self-government, law, society, democracy, municipal formation.

УДК 34

РОЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ КОНТРАКТНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ КОРПОРАЦИЙ

Чаттаев Азамат Русланович

Канд. юрид. наук, Государственный университет просвещения

Туманова Алена Сергеевна

Магистр кафедры гражданского и конституционного права юридического факультета, Государственный университет просвещения

Данная статья посвящена рассмотрению роли контрактного управляющего в корпорациях и методов повышения навыков данного сотрудника, с целью эффективного развития данного объединения. Метод, который авторы использовали в качестве подтверждения значимости данного процесса – анализ нормативно-правовой базы, регулирующей область деятельности контрактного управляющего. Также выражены аргументы, подтверждающие важность принципа соблюдения законодательства и влияние данного фактора на деятельность корпораций с точки зрения полномочий, выполняемых контрактным управляющим. В исследовании рассмотрена роль компетенций контрактного управляющего, которые непосредственно влияют на уровень развития корпорации и эффективного осуществления её деятельности. Также предоставлены решения вышеизложенной проблемы и описана важность наличия компетенций контрактного управляющего, в динамики развития корпорации на сегодняшний день.

Ключевые слова: корпорация, контрактный управляющий, коррупция, контракт, закупки, заказчик, поставщик.

В условиях современных реалий вопрос эффективности развития корпораций является актуальным, потому что благодаря результативности работы данного объединения, существует возможность выработать воздействие негативным факторам и определить новые области развития. Уровень производства корпораций влияет не только на возможность государства обеспечить граждан необходимыми ресурсами, но и на обеспечение реализации кадрового потенциала. Однако, необходимо обратить внимание на проблему, которая формирует внутри корпорации и обеспечивает её функционирование: роль компетенций контрактного управляющего, которая влияет на эффективность корпораций.

На сегодняшний день одной из ключевых целей государства является обеспечение эффективности и устойчивости экономики. Достижению положительного результата в данной области способствует множество сфер, одной из которых являются корпоративные закупки. Результативная деятельность

контрактного управляющего в данной форме организации бизнеса, позволяет повысить конкурентоспособность национальной экономики, поскольку ресурсы корпораций влияют на поддержание разработки отечественного производства.

С целью положительного развития корпораций, лицо, уполномоченное на осуществление закупочной деятельности, должен обладать компетенциями, которые снизят риски неблагоприятных исходов и повысят уровень производительности корпорации.

При надлежащем исполнении своих обязанностей, которые прописаны в нормативно-правовых актах, регулирующих данную область, корпорация будет обеспечена необходимыми ресурсами. Формирование обязанностей следует из компетенций, которыми необходимо обладать контрактному управляющему, поэтому их роль актуальна и важна.

Проблема данной области заключается в том, что деятельность корпораций находится в постоянном изменении, а поскольку сфера, в которой осуществляет свою деятельность контрактный управляющий, является фундаментом для достижения целей корпораций, уровень его компетенций выполняет ведущую функцию.

Компетенции контрактного управляющего базируются на теоретическом знании нормативно-правовых актов, регулирующих область закупок и умении их применения на практике. Однако сложность данного аспекта состоит в том, что нормативно-правовая база, в условиях непостоянной экономики – изменчива.

Цель работы: определить, какие методы контрактным управляющим необходимо повышать свои навыки для эффективного развития корпораций, с учетом роли, которую занимает данный сотрудник в этом процессе [1].

Влияние корпоративной деятельности на государственное развитие:

Деятельность корпораций обеспечивает государству положительную динамику развития и способствует улучшению его базисных составляющих, благодаря которым происходит развитие и совершенствование.

Ключевыми аспектами влияния прогресса корпораций на государство являются многие факторы, которые авторы могут отметить, исходя из экономического аспекта развития страны, например, налоговые поступления, которые правительство получает вследствие налогообложения, корпорация формирует в значительном масштабе, что влияет на поступления в государственный бюджет, средства из которого используются для развития различных областей.

Также инновации и инвестиции, которые реализует корпорация, стимулируют развитие государства, поскольку происходит создание новых ресурсов, позволяющих положительно влиять на экономику.

Немаловажным является фактор развитие цепочки поставок в корпорациях, которые обеспечивают развитие диапазона поставщиков, обеспечивающее не только развитие экономики, но и создает явление, при котором незначительные изменения в инвестициях и расходах приводят к масштабному преобразованию в общей экономической активности в доходах (эффект мультипликатора) [2].

Стоит отметить, что влияние корпораций на социальную сферу общественной жизни полезен для государства, поскольку данные объединения вносят вклад в развитие образования, здравоохранения и охраны окружающей среды

Одним из базисных условий развития корпораций является деятельность контрактного управляющего, который обеспечивает поддержание непрерывного производства и, соответственно, функционирование компании. Очевидно, что при некачественном приобретении нужд, несоответствия плана-графика закупок и закупочной документации, могут произойти задержки в производстве, приобретении необходимых ресурсов, которые приведут к негативным последствиям, например, таким как потеря прибыли, оттягивание важных процессов, штрафы, возмещение убытков в пользу пострадавших исполнителей [3].

Например, решение УФАС по г. Москва от 6 октября 2022 г. № 82 по делу № 077/10/00-14797/2022). Закупка обновлена заказчиком в плане-графике в день публикации извещения, то есть с нарушением установленного законодательством срока, таким образом, срок 1 день со дня размещения сведений о закупке в плане-графике до дня публикации извещения заказчиком, не соблюден.

Инспекция Иркутского УФАС России приходит к выводу о наличии в действиях заказчика нарушения части 9 статьи 16 Закона № 44-ФЗ (Решение Иркутского УФАС от 7 ноября 2022 года).

Комиссия Московского УФАС России в ходе проведения проверки установила, что контракт был заключен заказчиком 10.02.2022 года. Таким образом, предельной датой внесения изменений в план-график о данной закупке является 08.02.2022 года, вместе с тем согласно сведениям из ЕИС изменения в план-график были внесены заказчиком только 27.04.2022 года, что свидетельствует о допущенном нарушении [4].

Очевидно, что для эффективного развития корпорации, контрактный управляющий должен обладать навыками, позволяющими минимизировать риски.

Влияния компетенций контрактного управляющего на эффективное развитие корпораций:

На современном этапе развития корпораций и их взаимодействия с государством влияние компетенций контрактного управляющего является значимым и ключевым [5]. Важность заключается в том, что контрактный управляющий – это должностное лицо, которое несет ответственность за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта, когда объем закупок не превышает сто миллионов рублей, при отсутствии контрактной службы.

В связи с этим, компетенции контрактного управляющего и осведомленность в своей работе непосредственно влияет на эффективность развития корпораций.

В полномочия контрактного управляющего входят такие функции как:

Создание плана-графика, реализация условий для создания изменений, которые необходимо вносить в данный документ; размещение плана-графика в единой информационной системе, а также внесенные в него изменения.

Осуществление подготовки информации, её размещения в единой информационной системе, а также направление приглашений потенциальному поставщику, подрядчику или исполнителю.

Обеспечение качественного осуществления закупки и заключение контракта.

Рассмотрение дел об обжаловании результатов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

Подготовка и выполнение претензионно-исковой работы.

Организация консультаций с поставщиками (подрядчиками, исполнителям), при необходимости такого процесса на стадии планирования – еще одна составляющая компетенция контрактного управляющего.

Контрактный управляющий в данной области, должен также участвовать в данных мероприятиях, для того чтобы дать оценку конкурентной среде.

Помимо, качественного выполнения своих функций, которые прописаны в нормативно-правовых актах, регулирующих данную область, контрактному управляющему необходимо должным образом соответствовать принципам контрактной системы, одним из которых, в парадигме выбранной тематики статьи, является обеспечение конкуренции [6].

Поскольку для корпораций важно усовершенствовать не только финансовые показатели, но и качество ресурса, который она приобретает, возникает вопрос о том, насколько большим будет перечень поставщиков, подрядчиков и исполнителей.

На данную область непосредственно влияет контрактный управляющий, потому что от его добросовестности зависит то, насколько честным будет выбор

поставщика [7]. Если уполномоченное на закупку лицо, делает выбор, исходя из законодательных правил и установок, то корпорация может приобрести потребность желаемого качества по выгодной цене, а также поспособствовать развитию бизнеса.

С точки зрения социального исследования, развитие компетенций контрактного управляющего интересней объект, поскольку от качества выполняемой им работы, зависит результат деятельности корпораций, а вследствие, уровень ресурсов, которые получит общество [7]. Помимо товара, который реализует корпорация, для общества, несомненно, играет роль добросовестность контрактного управляющего, поскольку при наличии нечестных лиц, осуществляющих данную деятельность, в социуме будет складываться впечатление, что нарушение закона – это норма.

Одним из частых случаев неповиновения закона для контрактного управляющего является ситуация, когда по итогам торгов побеждает лицо, с которым у контрактного управляющего была договоренность [8]. Таким образом, корпорация может затратить больше средств, чем ранее планировала, получить некачественный товар и ограничить возможность честных торгов, тем самым убрав потенциально выгодные предложения.

Поскольку борьба с коррупцией – актуальное направление на сегодняшний день, контрактный управляющий, который активно ведет борьбу против данного деяния, является лицом процесса добросовестной закупки для граждан и гарантом важности соблюдения закона.

В парадигме профессионального исследования высокие компетенции контрактного управляющего дают возможность развиваться корпорации, влияют на создание новых подразделений и филиалов, а это в свою очередь влияет на производство [9]. С точки зрения личного интереса работника, наличие высоких компетенций дает возможность продвижения по карьерной лестнице.

Для научного исследования, развитие компетенций контрактного управляющего, может быть базисом внедрения новых функций осуществления закупки в период спада экономики и оптимизация действий на этапе ее развития [10]. Так как процесс закупки происходит постоянно, необходимо понять, каким образом можно совмещать повышение навыков и осуществление контрактным управляющим своей деятельности. Нужно отметить, что развитие корпораций происходит стремительным темпом, но непрерывная информатизация общества, оказывает влияние на процесс деятельности данного сотрудника, поэтому очень важно понимать, каким образом будет удобнее повышать навыки, учитывая данный фактор.

Анализ методов, способствующих повышению навыков контрактного управляющего в деятельности корпораций

Уровень и результат деятельности контрактного управляющего в корпорации непосредственно влияет на процесс её существования, поскольку в его должностные обязанности входят процессы, обеспечивающие закупку ресурсов не только для обеспечения производства корпорацией товаров, но и для предоставления самому предприятию необходимых средств для реализации.

Следовательно, к кандидату, желающему занять должность контрактного управляющего в корпорации, предъявляются требования: наличие высшего образования или дополнительное образование в сфере закупок.

Специфика осуществления таких полномочий заключается в том, что нормативно-правовые акты, регулирующие данную область, проходят через процесс изменений, поскольку современные реалии требуют новых внедрений. Таким образом, вопрос о методах повышения навыков контрактного управляющего в корпорациях остается актуальным.

Существует ряд способов повышения квалификации, однако, исследуя профессиональные стандарты и нормативно-правовые акты, регулирующие данную область, по мнению авторов, самыми эффективными являются: повышение квалификации и получение дополнительного образования.

Согласно методу №1, авторы выделяют такой способ улучшения навыков контрактного управляющего, как повышение квалификации. Такой способ трактуется Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 сентября 2015 г. N 625н "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в сфере закупок". Данный процесс направлен на получение необходимых для контрактного управляющего знаний, которые поспособствуют эффективному осуществлению его деятельности в корпорациях [7].

Проведение процесса обучения в сфере закупок необходимо реализовывать в соответствии с необходимостью, но не реже, чем раз в три года для всех категорий обучающихся.

Повышение квалификации обеспечивает укрепление уже имеющихся знаний, ввиду постоянному редактированию нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу, и позволяет применять их на практике более эффективно, с целью развития корпораций [5]. Помимо непосредственного влияния на динамику работы организации, такое обновление знаний даёт возможность для контрактного управляющего быть более востребованным на рынке труда.

При рассмотрении метода №2 авторы используют также Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 сентября 2015 г. N 625н "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в сфере закупок", выделяя получение дополнительного образования. Наличие сотрудников, которые получили обширные знания в области закупок, даёт корпорации дополнительную гарантию на результативное развитие в динамике, поскольку кадровый потенциал в данной стези востребован.

Поскольку получение дополнительных знаний необходимо осуществлять вместе с выполнением деятельности, одним из удобных методов является получение дистанционного образования [3].

Студентами такой организации, как «Кстовский нефтяной техникум имени Бориса Ивановича Корнилова», в 2020 году, был вдвинут проект «Использование дистанционных образовательных технологий», в ходе которого был сделан вывод, что данный метод актуален, поскольку позволяет получать больше ресурсов, которые можно получить, используя меньшее количество финансов, при этом экономя время сотрудника.

Также необходимо обратить внимание, что получение дополнительного образования даёт возможность сотруднику в продвижении по карьерной лестнице, в соответствии с нормативно-правовыми актами, регулирующими закупочную сферу [3]. С точки зрения эффективного развития корпораций, это даёт возможность наделять сотрудника новыми полномочиями, что обеспечит продуктивную деятельность.

Например, для сотрудника, занимающего должность «специалист в сфере закупок» и «эксперт в сфере закупок», необходимо наличие дополнительного профессионального образования. Следовательно, уровень компетенций контрактного управляющего влияет на область его действий, что, в свою очередь, расширяет их диапазон и даёт возможность корпорации развиваться.

Поскольку закупочный сектор для корпорации представляет ценность, ввиду его постоянного развития, контрактному управляющему необходимо повышать свои навыки, проходить повышение квалификации и в случае необходимости, получать дополнительное образование.

Наличие контрактного управляющего, который качественно выполняет свою деятельность, позволит корпорации достигать поставленных целей и развиваться, в условиях постоянного изменения нормативно-правовых- актов и нестабильности экономики.

Производственные потоки должны быть непрерывными, сбои в поставках влекут за собой уменьшение прибыли и увеличению издержек. Поэтому область деятельности контрактного управляющего требует грамотных подход и актуальные знания, правильная реализация которых, способствует эффективному развитию корпораций [8].

Актуальность развития компетенций контрактного управляющего в динамике развития корпораций

Динамика развития корпораций представляет собой процесс, ведущий к изменению деятельности компаний, которая отслеживается посредством экономического анализа (показатели текущего положения корпорации, помогающие спрогнозировать будущее) и теории спиральной динамики (описание этапов развития организаций, благодаря которому происходит подбор оптимальных инструментов для последовательного развития корпораций).

Поэтапное рассмотрение динамики развития корпораций происходит таким образом:

Возникновение, которое происходит вследствие изъявления учредителями создать корпорацию, которая попадает в конкурентную среду и сталкивается с необходимостью получить преимущества, позволяющие держать планку перед конкурентами.

Становление, подразумевающее собой активную деятельность коллектива, которая направленная на привлечение инвестиций, максимальное использование ресурсов предприятия, с целью вывести его на прибыль.

Зрелость, позволяющий достичь предела развития, однако может возникнуть проблема постепенного спада, который наступает в связи с проблемами и противоречиями в текущих процессах.

Упадок, происходящий как следствие проблем, возникших на этапе зрелости и ведущий к дестабилизации корпорации.

Очевидно, что при эффективном развитии корпорации, необходимо минимизировать риски, ведущие к упадку и ликвидации, поэтому каждое звено в таком образовании нуждается в контроле и анализе.

Так как процесс закупки является важной составляющей корпорации, к лицам, осуществляющим его, требуется относиться с особым вниманием.

Поскольку область закупок постоянно развивается, их количество растет, для корпораций необходимо иметь в штате высококвалифицированных контрактных управляющих.

По данным сервиса контур-закупки, процентное возрастание объема закупок находится в стремительном росте. Исходя из данных, предоставленных в таблице 1, по мнению авторов, в 2023 году процент закупок увеличился на 12,5% больше, чем за аналогичный период 2022 года. Подобный рост закупок наблюдается уже в течение четырех лет [5].

Таблица 1 - Увеличение объема закупок, по данным сервиса контур-закупки в период с 2021 года по 2024

Год	Увеличение количества государственных закупок
2021	2%
2022	8,4%
2023	25,9%
2024	27,4%

Источник: составлены авторами по источнику [7].

Анализируя вышеизложенную информацию, вывод о наличии актуальных знаний о системе закупок, их добросовестное использование и постоянное обновление являются необходимостью.

Поскольку, стремительно происходит цифровизация деятельности, документооборот переходит в электронный формат, большинство процессов меняют свой первоначальный вид, необходимо понимать, как работать в новых реалиях [10]. В динамике развития корпораций, такое преобразование играет

важную роль, поэтому контрактный управляющий должен совершенствоваться в соответствии с прогрессом.

Корпорации, дабы эффективно осуществлять свою деятельность, необходимо не только производить качественные ресурсы, но и следить за уровнем добросовестности своих действий и отсутствием нарушений. К сожалению, область закупок является одной из сфер, где они происходят чаще всего, поэтому, контрактный управляющий должен получать новые знания, ответственно их реализовывать и снижать риски некачественной работы, тогда деятельность корпораций будет процветать [9].

Поскольку происходит активная трансформация рынка труда, корпорации должны соответствовать данному явлению. Однако, в данной парадигме, корпорация выступает не в роли поставщика, подрядчика или исполнителя, а как субъект, который может дать возможность потенциальным поставщикам проявить себя на рынке труда. Данное полномочие может быть осуществлено корпорацией, посредством честного проведения конкурентной формы закупки.

Так как контрактный управляющий осуществляет закупки от лица корпорации, его действия напрямую показывают, насколько организация проявляет непримиримость к коррупционному поведению и принимает меры, чтобы предотвратить недобросовестность. Сотрудник, который знает законодательство о закупках и выполняет его нормы, не будет участвовать в нелегальных деяниях.

Подводя итоги, авторы могут сделать вывод, что уровень компетенций контрактного управляющего непосредственно влияет на деятельность корпораций. Знания сотрудника и их применение, не только являются лицом корпорации, но и способствуют процессам, происходящим внутри неё.

В ходе анализа информации, предоставленной в данной статье, авторы считают, что при тщательной работе контрактного управляющего, корпорация сможет не только минимизировать риск и быть готова к различным неожиданным ситуациям, которые диктует современная экономическая и политическая ситуация в стране, но и поспособствует эффективному развитию корпораций.

Роль контрактного управляющего, в динамике развития корпораций является ключевой, потому что благодаря контрактному управляющему реализуется закупка товаров, работ и услуг для обеспечения не только нужд организации, но и ресурсов, благодаря которым корпорация выполняет свою деятельность.

Нужно отметить, что наличие высококвалифицированных контрактных управляющих, влияет на уровень осуществления закупочного процесса, поэтому наличие актуальных компетенций у контрактных управляющих в корпорации – один из методов повышения её эффективности.

Данный фактор подтверждается требованием, которое установлено в профессиональных стандартах, направленных на структурирование информации о тех или иных компетенций, в следствие которых к контрактному управляющему, в зависимости от возложенных на него полномочий, приписывается должный уровень образования.

Стоит отметить, что помимо осваивания контрактным управляющим новых знаний, приобретаемых вследствие получения дополнительного образования, немаловажным, для эффективного развития корпорации, являются курсы повышения квалификации, которые сотрудник проходит не реже чем раз в три года.

Возможность постоянного прохождения курсов повышения квалификации контрактным управляющим необходима, в связи с постоянным редактированием нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу. Штрафы, неустойки и отсутствие ресурсов действуют негативно для тенденции, направленной на обеспечения эффективной деятельности корпораций, поэтому контрактный управляющий занимает ведущую роль в данном процессе.

В заключение, авторы приходят к выводу, что эффективная деятельность корпораций влияет на динамику развития государства в различных её областях.

Наличие рабочих мест и, соответственно, сокращение безработицы, производство товаров надлежащего качества внутри страны – способы показать свой государственный потенциал на мировом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаменко, А. А. Концепция корпоративного управления современными бизнес-структурами / А. А. Адаменко, Л. В. Парахина, П. С. Золотарев // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(52). – С. 386–391. – EDN YHGQAQ.
2. Божко, Е. А. Анализ результатов контроля соблюдения контрактного законодательства на этапе исполнения контракта / Е. А. Божко, М. Г. Юсупова // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 9. – С. 3751–3760. – DOI 10.18334/err.13.9.118897. – EDN JHRAMW.
3. Божко, Е. А. Проблематика осуществления государственных закупок в Российской Федерации на этапах планирования и заключения контракта / Е. А. Божко, Д. А. Голованов, А. Д. Карахимова // Петербургский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 64–73. – EDN SPHVEY.
4. Восканян, Т. Г. Назначение контрактного управляющего и его образование / Т. Г. Восканян // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 186–189. – DOI 10.24412/2224-9133-2023-6-186-189. – EDN HIODPE.
5. Гордополов, Ю. В. Управление цепями поставок в условиях ESG / Ю. В. Гордополов, С. А. Демурия, К. В. Андреев // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2024. – № 6. – С. 214–224. – DOI 10.26653/2076-4650-2024-06-21. – EDN HIEGYR.
6. Казаков, А. С. Влияние экономических факторов на корпоративное управление в современных политико-экономических условиях / А. С. Казаков // Дельта науки. – 2024. – № 1. – С. 72–74. – EDN TJWAZS.
7. Каранина, Е. В. Цифровые технологии в сфере контрактной системы для устойчивого и безопасного обеспечения государственных и муниципальных нужд / Е. В. Каранина, М. С. Спеко // Обеспечение устойчивости и безопасности развития экосистем: современные методы и инструменты диагностики рисков и угроз : Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции, Киров, 02 декабря 2023 года. – Москва: ООО "Издательский дом "Научная библиотека", 2023. – С. 555–566. – EDN KQBFSD.
8. Лайченкова, Н. Н. К вопросу о реализации принципов контрактной системы: современный взгляд / Н. Н. Лайченкова // Безопасность бизнеса. – 2024. – № 2. – С. 15–20. – DOI 10.18572/2072-3644-2024-2-15-20. – EDN ATOEQP.
9. Шахбанова, А. М. Заключение и исполнение контрактов: изменения в законодательстве / А. М. Шахбанова // Теория и практика мировой науки. – 2023. – № 4. – С. 34–38. – EDN VEKEAL.
10. Яковлева, О. И. Эффективный контракт как инструмент оценки профессиональной социализации сотрудника в организации / О. И. Яковлева // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 56–59. – EDN OJIYXU.

THE ROLE OF CONTRACT MANAGER COMPETENCES FOR EFFECTIVE DEVELOPMENT OF CORPORATIONS

Chattaev A.R., Tumanova A.S.

This article is devoted to the consideration of the role of a contract manager in corporations and methods of improving the skills of this employee in order to effectively develop this association. The method we used to confirm the importance of this process is the analysis of the legal and regulatory framework governing the area of contract

manager's activity. Also expressed arguments confirming the importance of the principle of compliance with the legislation and the impact of this factor on the activity of corporations in terms of the powers performed by the contract manager. The study considers the role of competences of the contract manager, which directly affects the level of development of the corporation and the effective implementation of its activities. It also provides solutions to the above problem and describes the importance of the contract manager's competence in the dynamics of the corporation's development today.

Keywords: corporation, contract manager, corruption, contract, procurement, customer, supplier.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.453

ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ

Брайцева Елена Анатольевна

Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин,
Московского областного филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук,
Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Московская область, п. Старотеряево, Россия
SPIN – код 8401-1858

Потребность в жилье – одна из основных потребностей человека с древнейших времен, которая остается актуальной и в наше время. Одним из способов ее удовлетворения является договор коммерческого найма жилого помещения. В ходе его исполнения реализуются потребности нанимателя в жилище, наймодателя – в получении прибыли. Заключение данного договора на первый взгляд достаточно простое, поскольку не требует соблюдения административных формальностей, однако расторжение его представляет некоторые сложности, и даже несправедливости для наймодателя. В связи с этим автором высказываются не только предложения по законодательному урегулированию существующих конструкций, но и практические рекомендации. Внимание к деталям при заключении договора, использование точных формулировок позволят минимизировать возникновение противоречий, конфликтности, основанных на непонимании сторонами договора найма жилого помещения своих прав и обязанностей.

Ключевые слова: коммерческий найм, найм жилого помещения, заключение договора, расторжение договора, жилое помещение, конституционное право на жилище.

Квартирный вопрос испортил не только москвичей. Потребность в жилье – одна из базовых потребностей человека еще с древнейших времен, когда люди использовали для жилища пещеры, не имея навыков самостоятельного строительства. Несмотря на развитие науки, техники, обретения современных строительных технологий, потребность в жилище остается одной из актуальных, по своей природе являющейся и социальной и биологической [1, С. 80-81].

Право на жилище гарантировано Конституцией Российской Федерации, в статье 40 которой указано, что это право каждого [2]. Государством поощряется увеличение и развитие жилищного строительства, органы государственной власти и местного самоуправления создают для этого соответствующие условия.

Для таких категорий граждан, которые не имеют финансовой возможности приобрести жилье в собственность (нуждающиеся и малоимущие), жилье предоставляется на бесплатной основе или за доступную плату.

Что остается гражданам, которые не подходят под категорию «нуждающихся и малоимущих» и, следовательно, не могут рассчитывать на получение жилья по договору социального найма? До недавнего времени распространённым способом решения жилищного вопроса было приобретение жилья в кредит под ипотеку. Однако в последнее время рынок недвижимости столкнулся с новыми вызовами, связанными с изменениями в государственной политике, динамикой ключевой ставки и трансформацией потребительского спроса. В последние полгода объем ипотечных сделок в России сократился на 71% [3].

В таких условиях на первый план для удовлетворения потребности граждан в жилище выходит договор коммерческого найма жилого помещения. От иных разновидностей договора найма его отличает, прежде всего, отсутствие необходимости в подтверждении нуждаемости в жилье, а также в соблюдении процедур постановки на учет и т.д. [4, С. 58-59]. Следует отметить, что законодательство не использует термин «коммерческий найм». В Гражданском кодексе Российской Федерации глава 35 именуется «Наем жилого помещения». Формулировка «коммерческий найм» используется в научной литературе и характеризует природу данного договора, указывая конкретную цель, к которой стремится наймодатель. Кроме того, данное уточнение разграничивает найм жилых помещений, находящихся в частной собственности, и социальный найм, в котором для проживания предоставляются жилые помещения в государственном и муниципальном фондах. Мы солидарны с мнением Д.А. Формакидова, полагающего, что термин «коммерческий найм» прочно вошел в обиход, ярко характеризует сущность данного договора и нуждается в законодательном закреплении [5, С. 56].

Согласно ст. 673 Гражданского кодекса Российской Федерации объектом договора найма жилого помещения может быть изолированное жилое помещение, пригодное для постоянного проживания (квартира, жилой дом, часть квартиры или жилого дома).

Статья 15 Жилищного кодекса Российской Федерации называет признаки жилого помещения [6]:

- это изолированное помещение (то есть отделенное от иных помещений, в том числе жилых, должно иметь отдельный вход);
- это недвижимое имущество (видимо используется физический критерий – объект, перемещение которого без ущерба назначению невозможно) [7, С. 94-98];
- это помещение, пригодное для постоянного проживания граждан (пригодность оценивается как с точки зрения безопасности для проживающих, так и с точки зрения возможности всесезонного проживания).

Заключение договора коммерческого найма жилого помещения обычно не представляет каких-либо трудностей. Как уже упоминалось, нет необходимости в соблюдении административных формальностей, нет необходимости в соблюдении норм предоставления жилой площади. Форма договора – простая письменная (на

практике стороны ею зачастую пренебрегают). Если договор заключается на срок от года и более, то требуется государственная регистрация обременения. Ошибки, неполнота, формализм, пренебрежение требуемой формой при заключении договора коммерческого найма жилья впоследствии вызывают сложности при расторжении подобного договора.

Длительность действия договора найма жилого помещения ограничена пятилетним сроком. Тем не менее, и в более короткие сроки могут возникнуть обстоятельства, требующие досрочного прекращения договора.

Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения влечет для сторон серьезные последствия. Наймодателю необходимо решать дальнейшую юридическую судьбу жилого помещения, кроме того, он лишается дохода. Наниматель и постоянно проживающие с ним граждане подлежат выселению, причем без предоставления иного жилого помещения.

Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения возможно как по общим основаниям, названным в главе 29 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и по специальным основаниям, указанным в главе 35 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации расторжение договора возможно как по соглашению сторон, так и по требованию одной из сторон договора по решению суда в двух случаях: 1) при существенном нарушении договора другой стороной; 2) в иных случаях, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, другими законами или договором. Таким образом, при обоюдном желании сторон расторжение договора возможно всегда, кроме случаев, когда иное предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации, другими законами и соглашением сторон, тогда как одностороннее расторжение возможно только в случаях, прямо предусмотренных законодательством и соглашением сторон. Таким случаем и является существенное нарушение договора другой стороной, под которым понимается такое нарушение, которое влечёт для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Это общие правила расторжения договора, которые учитываются при регулировании расторжения договора коммерческого найма жилого помещения.

Говоря непосредственно о расторжении договора найма жилого помещения, в первую очередь следует выделить объективные причины. Это ситуации когда жилое помещение перестает быть пригодным для использования, его аварийное состояние и иные случаи, предусмотренные законодательством. Вины сторон тут нет.

«Мирный» способ прекращения договора найма – по соглашению сторон, однако не следует забывать, что каждая из сторон преследует свои интересы, и вот тут зачастую возникают разногласия.

Расторжение договора по инициативе сторон сводится к следующему. Право нанимателя на расторжение договора практически безусловно – статья 687 Гражданского кодекса Российской Федерации [8] предусматривает, что наниматель в любое время может расторгнуть договор с согласия совместно проживающих с ним граждан. Единственное условие – письменно уведомить о своем решении наймодателя в трехмесячный срок. Такая позиция законодателя, по сути безусловный отказ от договора в любое время, объясняется тем, что наниматель считается наиболее «социально уязвимой» стороной. Установленный законом срок в три месяца с одной стороны позволяет смягчить для наймодателя последствия досрочного расторжения, например, дает время для поиска новых жильцов. С другой стороны данный механизм имеет несовершенства, поскольку не указаны последствия нарушения нанимателем такого срока уведомления. Кроме того, зачастую наниматели полагают, что оплата за оставшиеся месяцы вполне может быть погашена обеспечительным платежом, что в корне неправильно. Подобные нарушения можно минимизировать, указав в договоре при его заключении санкции за несоблюдение трехмесячного срока уведомления нанимателем о своем

намерении расторгнуть договор, а также подчеркнув, что обеспечительный платеж не заменяет оплату по договору, а лишь является денежной компенсацией собственнику на случай порчи имущества нанимателем.

По требованию наймодателя договор расторгается в судебном порядке при наличии следующих нарушений:

- наниматель не вносит плату за пользование жилым помещением за шесть месяцев, если более длительный срок не установлен договором (при краткосрочном найме – более двух раз по истечении установленного договором срока внесения платы);

- наниматель либо иные граждане, за действия которых он отвечает, разрушают или портят жилое помещение;

- наниматель либо иные граждане, за действия которых он отвечает, используют жилое помещение не по назначению или систематически нарушают интересы соседей (п. 4 ст. 687 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Для обращения в суд достаточно одного из указанных нарушений (кроме последней ситуации, так как п. 4 ст. 687 ГК РФ требует предварительного предупреждения нанимателя о недопустимости подобного поведения, и только если указанные нарушения повторяются и после предупреждения, наймодатель вправе обратиться в суд). Однако даже и в этих случаях есть «подводные камни», которые опять-таки обусловлены позицией «наниматель – наименее слабая сторона договора коммерческого найма жилья». Ущемление интересов наймодателя в данном случае вызвано тем, что по решению суда нанимателю может быть предоставлен срок до года, дабы он устранил допущенные нарушения. Если же и в этот срок нарушения не будут ликвидированы, то по повторному обращению в суд наймодателя договор найма жилья расторгается. Однако по просьбе нанимателя суд может отсрочить исполнение решения на срок до одного года. Таким образом, интересы недобросовестного нанимателя гарантируются, а наймодатель лишается того, на что он рассчитывал при заключении договора, причем на достаточно длительный срок.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2022 года № 23-П некоторым образом сбалансировало интересы сторон, признав, что основанием расторжения договора найма жилья должно являться существенное нарушение интересов наймодателя по вине нанимателя [9].

Также Конституционный Суд допустил возможность внесения в договор коммерческого найма жилого помещения условия о внесении платы в установленный срок и права наймодателя на одностороннее расторжение договора без обращения в суд в случае нарушения такого условия. Для этого условия о сроках внесения платы, последствия просрочки на установленный срок такого рода должны быть сформулированы в договоре ясно, определённо, не давая возможности их неоднозначной трактовки. Наймодатель должен действовать добросовестно, в противном случае наниматель может заявить о неприменении таких условий на основании ст. 10 ГК РФ или о их ничтожности (ст. 169 ГК РФ).

Однако положения Постановления Конституционного суда распространяются лишь на договоры краткосрочного коммерческого найма жилого помещения. Если договор является краткосрочным лишь формально и стороны продлевают отношения, заключая договор на новый срок, то такие положения не применимы, что существенно сужает сферу его применения. Данные положения делают непривлекательным заключение договор долгосрочного коммерческого найма для собственников жилых помещений. Следует согласиться с мнением Е. А. Храпуновой, предлагающей распространить действие положений, установленных Постановлением Конституционного суда, на все виды договоров коммерческого найма жилых помещений [10, С. 92-93].

Таким образом, в условиях финансовой неопределенности, вызванной нововведениями в сфере кредитной политики, и устойчивой потребности граждан в жилище, весьма востребованным является договор коммерческого найма жилого помещения. С его помощью не только реализуется право нанимателя на жилье, не

только наймода́тель получает прибыль, но и происходит насыщение государственного бюджета за счет налога на доходы (для наймода́телей – физических лиц) или на прибыль (для наймода́телей – юридических лиц).

Несомненно, желательна законодательно проработать вопрос об устранении переко́сов интересов сторон данного договора, распространить исключения, сделанные для договоров краткосрочного найма, также и на долгосрочный найм жилого помещения. До момента внесения изменений в законодательство для лиц, заключающих договоры коммерческого найма жилого помещения, следует рекомендовать уже на стадии заключения договора принимать меры к минимизации возможностей возникновения неясностей, неточностей, которые в дальнейшем приведут к спорам. Для этого необходимо избегать «копирования» типовых положений договора. Также желательна точно, определенно обозначать в договоре сроки внесения платы, сроки уведомления о досрочном расторжении договора и последствия их нарушения, четко оговаривать, что обеспечительный платеж является способом компенсации причиненных повреждений имуществу, но никак не заменяет оплату по договору за пользование жилым помещением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулова С.И. Формирование и удовлетворение жилищной потребности (цивилистический аспект) // Социум и власть. – 2012. – № 1 (33) – С. 80-81.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант плюс (дата обращения 11.01.2025).
3. Ипотека в России в 2025 году: тренды, вызовы и перспективы рынка // <https://companies.rbc.ru/news/00HkMjzn1/ipoteka-v-rossii-v-2025-godu-trendyi-vyizovyi-i-perspektivy-ryinka/> (дата обращения 11.01.2025).
4. Максименко А.В., Шевцов Р.М. Понятие и элементы договора коммерческого найма жилого помещения // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2013. – № 2. – С. 58-59.
5. Формакидов Д.А. Актуальные вопросы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 56.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ // СПС Консультант плюс (дата обращения 11.01.2025).
7. Брайцева Е.А. Сущность и признаки недвижимости по действующему гражданскому законодательству // Правовая система России: история и перспективы развития. Материалы «круглого стола». Брянский филиал Московского университета Министерства внутренних дел России; под редакцией А. В. Симоненко. – 2006. – С. 94-98.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/d4304eec31c7e1323ffb419ed41883da482d9488/ // СПС Консультант плюс (дата обращения 11.01.2025).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418510/ // СПС Консультант плюс (дата обращения 11.01.2025).
10. Храпунова Е. А., Якубович А. В. Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11. – № 2. – С. 88-93.

**COMMERCIAL LEASE AGREEMENT FOR RESIDENTIAL PREMISES:
FEATURES OF THE CONCLUSION AND PROBLEMS OF TERMINATION**

Braitseva E.A.

The need for housing has been one of the basic human needs since ancient times, which remains relevant in our time. One of the ways to satisfy it is a commercial lease agreement for residential premises. In the course of its execution, the tenant's needs for housing are realized, and the landlord's needs for making a profit. At first glance, the conclusion of this agreement is quite simple, since it does not require compliance with administrative formalities, however, its termination presents some difficulties and even injustice for the landlord. In this regard, the author makes not only proposals for the legislative regulation of existing structures, but also practical recommendations already at the stage of concluding the contract to avoid «copying» the standard provisions of the contract. Attention to detail when concluding a contract allows minimizing the occurrence of contradictions and conflicts based on a misunderstanding by the parties to the residential lease agreement of their rights and obligations.

Keywords: commercial hiring, rental of residential premises, conclusion of an agreement, termination of an agreement, residential premises, constitutional right to housing.

УДК 347.626

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова; доцент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
SPIN-код: 5203-1404

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
SPIN-код: 1543-2447

Платонов Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
SPIN-код: 1527-1203

В статье рассматриваются проблемные вопросы ответственности супругов по обязательствам. Отмечается, что ответственность супругов по обязательствам – важный аспект семейного права, который имеет немаловажное значение для обеспечения защиты прав и законных интересов, как самих супругов, так и третьих лиц. Однако, несмотря на наличие, четко прописанных норм и положений в законодательстве, вопросы, связанные с ответственностью супругов, продолжают оставаться предметом дискуссий, как в научной среде, так и среди практикующих юристов. Ответственность супругов по обязательствам – это многогранная и сложная тема с множеством проблемных моментов, требующих дальнейшего исследования и правового анализа. Сделан вывод, что проблемы, возникающие в этой области, часто связаны с недостаточной регламентацией и неоднозначностью норм законодательства, а также с различиями в практике применения этих норм в суде.

Ключевые слова: ответственность супругов по обязательствам, супруги, должник, кредитор, брак, банкротство, имущественные отношения, совместная собственность, личная собственность, предпринимательская деятельность.

Ответственность супругов по обязательствам – важный аспект семейного права, который имеет немаловажное значение для обеспечения защиты прав и законных интересов, как самих супругов, так и третьих лиц. Несмотря на наличие, четко прописанных норм и положений в законодательстве, вопросы, связанные с ответственностью супругов, продолжают оставаться предметом дискуссий, как в научной среде, так и среди практикующих юристов.

Общие долговые обязательства супругов при разделе их общего имущества разделяются между ними в рамках действия п. 3, ст. 39 СК РФ, пропорционально определенным им долям. По обязательствам «перед третьими лицами, супруги отвечают как совместной собственностью, так и собственностью, принадлежащей каждому из них, это определено п. 2, ст. 45 СК РФ» [8].

В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации [7], по общему правилу, взыскание может быть наложено исключительно на имущество того супруга, который является должником. Однако существуют исключительные случаи, предусмотренные законодательством, когда взыскание может быть обращено и на общее имущество супругов. Если суд установит, что супруг-должник использовал часть или все общие доходы, которыми управлял, для приобретения активов с целью общей выгоды для семьи, то взыскание может быть наложено на эти активы. Это означает, что если доказано, что общие доходы супругов были направлены на приобретение имущества, которое приносит пользу всей семье, такое имущество может быть включено в перечень для взыскания. В данном контексте, суд учитывает, что общие доходы супругов используются для обеспечения и улучшения семейного благосостояния, и поэтому, даже если только один из супругов является должником, взыскание может затронуть имущество, приобретенное в интересах семьи [1,с.81].

Правовое регулирование имущественных отношений супругов призвано обеспечить баланс интересов кредиторов и членов семьи. С одной стороны, общее имущество супругов может быть использовано для покрытия долгов одного из них, если оно было приобретено за счет совместных средств и на общесемейные нужды. Это необходимо для защиты прав кредиторов. С другой стороны, такой подход ограничивается, чтобы обеспечить защиту имущественных интересов семьи. В частности, не может быть обращено взыскание на общее имущество супругов по обязательствам одного из них, если будет доказано, что приобретено оно было не для общей пользы, а в интересах одного супруга.

Таким образом, закон стремится найти разумный баланс, с одной стороны, предоставляя кредиторам возможность удовлетворения требований, за счет совместно нажитого имущества, а с другой – ограждая семейные ценности от чрезмерного ущемления.

Гражданский кодекс Российской Федерации [2] более детально регламентирует вопросы обращения взыскания на общее имущество супругов (п.3, ст. 256 ГК РФ).

Взыскание может быть обращено на такое имущество лишь при условии, что будет установлено решением суда: оно было приобретено или увеличено за счет средств, которые были целевым образом, выделены супругу-должнику из общего дохода супругов. То есть если, к примеру, на покупку автомобиля или иную приобретенную супругом-должником вещь из семейного бюджета были специально выделены общие средства супругов, то такая покупка может рассматриваться как общее имущество супругов. И на нее возможно обращение взыскания по долгам. Однако если приобретение было сделано одним супругом из его личных средств, пусть и получаемых в период брака, то общее имущество семьи в данном случае пострадать не может.

Если в судебном порядке будет установлено, что общие средства супругов, находившиеся в распоряжении одного из них, использовались этим супругом в ущерб интересам семьи, возможно обращение взыскания на общее имущество. Так если, к примеру, супруг-должник тратил совместный бюджет не на нужды семьи, а в своих корыстных целях, причиняя ущерб благосостоянию домохозяйства, суд может принять решение о взыскании с общего имущества супругов. Это обусловлено тем, что при ненадлежащем, вопреки интересам семьи, использовании одним из супругов общего дохода и общего имущества нарушается принцип доверительности и разумности в отношениях супругов. Соответственно, закон в данном случае компенсирует причиненный семье ущерб через возможность обращения взыскания на фактически общие средства супругов.

Имущественные обязательства супругов можно классифицировать на личные и общие. К личным обязательствам относятся те, которые возникли у одного из супругов до брака или в период брака, но касаются исключительно этого супруга. Например, кредитные договоры, заключенные одним из супругов на свое имя. Или обязанности по оплате обучения только для себя. А также обязательства по возмещению вреда, причиненного этим супругом. Главный критерий здесь – обязательство не связано с содержанием семьи и покрывается за счет личных средств супруга. Поэтому личными долгами считаются те, которые не несут общесемейной нагрузки.

В отличие от них, общие обязательства – это долги, которые связаны с материальным обеспечением семьи и покрываются из общего бюджета супругов. Например, ипотечный кредит на покупку квартиры, где будет проживать вся семья.

Ответственность за личные обязательства каждый из супругов несёт самостоятельно, без привлечения имущества другого. Согласно закону, исполнение личных обязательств одного из супругов осуществляется в первую очередь из его собственного имущества. Если же личного имущества недостаточно, взыскание может быть обращено только на долю данного супруга в общем имуществе супругов. При этом доля другого супруга в общем имуществе не может быть использована для покрытия личных долгов первого супруга. Такой подход призван исключить возможность ущемления имущественных интересов супруга, не имеющего отношения к возникновению обязательства [3, с.259].

В целом законодательство стремится чётко разграничить ответственность и имущество супругов, чтобы личные обязательства одного из них не оказывали негативного влияния на материальное положение другого. Это отражает принцип равенства супругов.

Общие обязательства представляют собой долги и обязательства, которые супруги несут совместно и которые непосредственно связаны с удовлетворением потребностей семьи. Данные обязательства могут включать в себя различные виды расходов и долгов, которые необходимы для поддержания нормального функционирования семейной жизни и благополучия. К общим обязательствам относятся, например, расходы, связанные с содержанием и воспитанием детей, совместные кредиты на приобретение недвижимости, используемой для проживания семьи, а также любые другие расходы, которые направлены на удовлетворение семейных нужд и потребностей.

Супруги несут ответственность по общим обязательствам солидарно, что означает, что они обязаны отвечать по этим обязательствам, как своим личным имуществом, так и общим имуществом, нажитым в период брака. Солидарная ответственность супругов по общим обязательствам обеспечивает повышенные гарантии защиты интересов кредиторов.

Во-первых, по таким обязательствам взыскание может быть обращено как на личное имущество каждого из супругов, так и на их общее имущество. Это расширяет имущественную базу для удовлетворения требований кредиторов. Во-вторых, солидарная ответственность означает, что в случае неисполнения обязательства одним из супругов, кредитор вправе требовать его исполнения полностью или в недостающей части от другого супруга. То есть кредитор не

ограничен в возможности обращения только к тому супругу, который непосредственно уклоняется от исполнения обязанности [4,с.39].

Ответственность супругов за общие обязательства определяется нормами Семейного кодекса РФ. Общие обязательства – это долги, возникшие у супругов в период брака и связанные с потребностями семьи. Например, расходы на содержание детей, общий кредит на покупку жилья для семьи, обязательства по оплате коммунальных платежей для совместного проживания супругов и другие аналогичные обязательства. Поскольку такие обязательства связаны с содержанием и интересами семьи, по ним устанавливается солидарная ответственность супругов.

Когда личного имущества одного из супругов не хватает для исполнения его обязательств, закон «допускает возможность обращения взыскания на общее имущество супругов в качестве дополнительного источника» [4, с.96]. Это связано с тем, что в период брака супруги, как правило, ведут общее хозяйство и совместно используют нажитые ценности. Общее имущество супругов формируется в результате их согласованной экономической деятельности в период брака и принадлежит им на праве совместной собственности. Поэтому в случае недостаточности личных средств одного из супругов для погашения его долгов, допускается обращение взыскания уже на их общее достояние.

Однако при этом взыскание может быть наложено лишь на долю должника в таком имуществе. Доля другого супруга остается вне досягаемости кредиторов.

Такая солидарная ответственность супругов их общим имуществом введена в интересах кредиторов и направлена на обеспечение более надежного исполнения общих обязательств, которые супруги могут иметь перед третьими лицами. Данный механизм гарантирует, что кредиторы смогут получить удовлетворение своих требований не только за счет личного имущества должника, но и за счет имущества, нажитого супругами совместно. Таким образом, общий характер имущества супругов предоставляет кредиторам дополнительные гарантии. Однако это также создает определенные риски для другого супруга, чье имущество может быть использовано для покрытия долгов партнера. В связи с этим, правовая система стремится сбалансировать интересы всех сторон, обеспечивая, с одной стороны, защиту кредиторов, а с другой – справедливое распределение имущественных обязательств между супругами.

Ответственность супругов за личные обязательства регулируется нормами семейного и гражданского законодательства. К личным обязательствам относятся долги, возникшие до или в период брака у одного из супругов и не связанные с потребностями семьи. По общему правилу по таким обязательствам отвечает только тот супруг, который является должником. Взыскание может быть обращено лишь на его личное имущество и принадлежащую ему долю в общем имуществе супругов.

Ответственность личным имуществом супруга-должника установлена в целях защиты имущественных прав другого супруга, не имеющего отношения к данному обязательству. По личным «долгам отвечает в первую очередь сам должник, а не его супруг и их общее имущество» [8].

По общему правилу, личные обязательства одного из супругов погашаются за счет личного имущества этого супруга. Между тем, «к личной собственности относится также и имущество, которое было подарено одним супругом другому» [3,с.259]. Необходимо подчеркнуть, что законодатель оставляет перечень личного имущества супругов открытым, при этом, применяя формулировку «имущество, полученное по безвозмездным сделкам» [6,с.196].

В последнее время одной из проблем, с которой сталкиваются суды это негативный результат предпринимательской деятельности одного из супругов. При рассмотрении подобных дел, практически всегда возникают обстоятельства, при которых должник тратит часть дохода от своей предпринимательской деятельности на свою семью. И в таком случае «возникают проблемы определения совместной собственности супругов» [11, с. 1064].

Об имущественной ответственности лица, занятого предпринимательской деятельностью высказался Конституционный суд РФ в определении № 88-о, вынесенном 15 мая 2001 год «...поскольку юридически имущество индивидуального предпринимателя, используемое им в личных целях, не обособлено от имущества, непосредственно используемого для осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности, он отвечает по обязательствам, в том числе связанным с предпринимательской деятельностью, всем своим имуществом...» [5].

Если до начала банкротства, должник находился в законном браке или был разведен, но раздел имущества не произошел, то супруг должника обладает правом на определенную долю в совместно нажитом имуществе (ст. 34 СК РФ).

В Законе «О несостоятельности (банкротстве), а именно к п. 4, ст. 213.25 говорится, что в конкурсную массу должно быть включена доля в общей собственности супругов. Кредитор вправе истребовать выделение доли должника в общем имуществе и взимания ее в пользу погашения долговых обязательств. В п. 7, ст. 213.26 Закона «говорится, о том, что супруг должника может участвовать в деле о банкротстве с целью решения вопроса о реализации общей собственности» [10].

Таким образом, «законодатель, даёт право супругу, который имеет общую собственность с должником участвовать в деле о банкротстве, в качестве кредитора [11, с. 1064]. Следовательно, если исходить из семейного законодательства взыскание по обязательствам супруга-должника обращается в первую очередь на его личное имущество. При его недостаточности кредитор может потребовать выдела доли из общего имущества. И, если «в судебном порядке будет установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи, то взыскание обращается на общее имущество супругов» [11, с. 1065].

Ответственность супругов по обязательствам – это многогранная и сложная тема с множеством проблемных моментов, требующих дальнейшего исследования и правового анализа. Проблемы, возникающие в этой области, часто связаны с недостаточной регламентацией и неоднозначностью норм законодательства, а также с различиями в практике применения этих норм в суде.

Необходимость усовершенствования законодательства и разработки четких правовых норм, касающихся супругов, становится все более актуальной. Повышение правовой грамотности среди граждан и практикующих юристов также может создать более стабильную основу для разрешения конфликтов, связанных с ответственностью супругов по обязательствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габсалямова, А. Р. Законный режим ответственности супругов по обязательствам / А. Р. Габсалямова // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 11(29). – С. 78-81.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 08.08.2024) [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=m4nonzk9lb755611115 (дата обращения 12.12.2024).

3. Дильмухаметова, А. Р. Ответственность супругов по обязательствам / А. Р. Дильмухаметова // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5(23). – С. 258-261.

4. Кукояшная В.В. Особенности ответственности супругов по обязательствам: вопросы теории и практики // ПРЭД. – 2022. – №4. – С. 38-44.

5. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 15.05.2001 г. по делу №88-о // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 12.12.2024).

6. Пикалова, Е. В. Некоторые проблемы ответственности супругов по заемным обязательствам / Е. В. Пикалова // Образование и право. – 2015. – № 5(69). – С. 195-201.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023), [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 12.12.2024)

8. Семейный кодекс Российской Федерации: (официальный текст в последней редакции): постатейный научно-практический комментарий А. М. Эрделевского. – 2-е изд., доп. и уточненное. – Москва : ИИК "Российская газ." : Агентство "Б-чка "Российской газ.", 2006. – 304 с.

9. Слепко, Г. Е. Правовое регулирование имущественных отношений супругов / Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич. – Москва: Международный юридический институт, 2015. – 320 с.

10. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m4n363t6d4509782539 (дата обращения 12.12.2024).

11. Фирсова, Н. В. Ответственность по обязательствам супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность / Н. В. Фирсова, В. Р. Вагнер // Современные научные исследования и разработки. – 2019. – № 1(30). – С. 1063-1065.

LIABILITY OF SPOUSES FOR OBLIGATIONS: PROBLEM ISSUES

Zuev A.V., Rubtsov S.N., Borodin M.P., Platonov A.V.

The article examines the problematic issues of spouses' liability for obligations. It is noted that spouses' liability for obligations is an important aspect of family law, which is of no small importance for ensuring the protection of the rights and legitimate interests of both the spouses themselves and third parties. However, despite the presence of clearly defined norms and provisions in the legislation, issues related to spouses' liability continue to be the subject of discussions both in the scientific community and among practicing lawyers. Spouses' liability for obligations is a multifaceted and complex topic with many problematic issues that require further research and legal analysis. It is concluded that the problems arising in this area are often associated with insufficient regulation and ambiguity of legislative norms, as well as with differences in the practice of applying these norms in court.

Keywords: Responsibility of spouses for obligations, spouses, debtor, creditor, marriage, bankruptcy, property relations, joint property, personal property, entrepreneurial activity.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Тихомирова Екатерина Андреевна

Аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

SPIN-код: 2123-2841, AuthorID: 1169027

Рассматривая тенденции развития наследственных правоотношений в Китае необходимо упомянуть, что с недавнего времени в законодательстве данного государства нашла свое отражение такая категория наследственного права как наследственный договор. В национальном праве КНР к наследственному договору применяются общие правила о договорах. Наследственный договор по своей правовой природе относится к договору о тождественных отношениях, нормы о которых содержатся в Общей книге ГК Китая и носят они имущественный характер. При заключении наследственного договора, который в Китае чаще всего именуют завещательным даром, появляется обязанность у наследодателя передать имущество по завещанию определенному лицу, а данное лицо, в свою очередь, несет обязанность по организации его погребения и ухода за местом погребения. По наследственному договору может быть предусмотрена обязанность по содержанию наследодателя при жизни. Наследодатель вправе заключить наследственный договор как с будущим наследником, который выступает также и в роли наследника по закону, так и с лицом, с которым не состоит в каких-либо родственных отношениях. Наследодатель данный вид договора о своем обеспечении и захоронении при жизни может заключить и с юридическим лицом.

Ключевые слова: наследование, наследственная доля, права участника, общество, порядок перехода, статус участника, Гражданский кодекс, право корпораций, законные наследники, статус участника.

Наследственное право Китая в последнее время направлено в своем развитии на составление завещания наследодателем. Наследование по закону, конечно же, применяется, но его стали рассматривать как рудимент и используют с неохотой, когда наследодатель по тем или иным причинам не оставил завещания. Государственная власть в Китае проводит политику в сфере наследственного права, направленную на привитие обществу понимания, значения, функционала завещательного акта и необходимости его составления.

После вступления в силу в 2021 году Гражданского кодекса Китая четко проявился такой принцип наследственного права как очередность наследования. Наследники второй очереди (а в Китае это сестра и братья, дедушки и бабушки) вступают в наследство только при отсутствии наследников первого порядка. К тому

же наследники одного уровня при вступлении в наследство равны, кроме той части, которая была в совместном владении супругов, в этом случае половина совместно нажитого имущества переходит оставшемуся в живых супругу, а вторая половина в равных частях должна быть разделена между наследниками одного уровня.

Одной из особенностей китайского наследственного права, которая в тоже время выступает и тенденцией его развития является возможность составления аудио- и видео завещаний, приравненных к письменной форме и не требует наличия каких-либо особых обстоятельств (например, чрезвычайных). А при возникновении чрезвычайных обстоятельств, наследодатель может при наличии 2-х свидетелей даже устно составить завещание, что является специфической чертой китайского законодателя и показывает его отношение к завещанию [1].

Следующей особенностью наследственного права Китая выступает наследование корпоративных прав. Наследование корпоративных прав в Китае регулируется ГК Китая и Законом «О компаниях» [2]. В ГК Китая отсутствуют нормы о наследовании отдельных видов имущества, а именно прав. В отличие от Закона «О наследовании», где в Главе 5 регулировались коллизионные вопросы наследственных прав, ГК Китая данных норм не содержит. Данная глава Закона «О наследовании» не трансформировалась и не нашла свое отражение в ГК Китая.

Право корпораций – это новая сфера для правовой системы Китая, которая в данный момент времени находится в периоде своего становления. В праве корпораций Китая нашли свое определение и закрепление такие права как «права участника», «права акционера», «права инвестора». Особенности наследования указанных прав нашли свое закрепление в Законе «О компаниях», где содержится положение о том, что в случае наступления смерти участника компании (физического лица), его законный наследник будет наделен статусом участника (то есть статус подлежит наследованию), если иное не отражено в уставных документах юридического лица (статья 75 Закона «О компаниях»). В правоприменительной деятельности статья 75 вышеуказанного нормативного правового акта сложна, дискуссионна, порождает множество проблем.

Наследственное право Китая, к сожалению, содержит достаточно мало дефиниций понятий и, подчас, иногда не совсем ясно на практике, что понимать под той или иной категорией. Применительно к наследованию корпоративных прав китайский ученый Ли Фэй задается вопросом, что в себя включает категория «статус участника» и предлагает ее заменить на «доли (акции)» [3]. В качестве аргумента такой замены Ли Фэй приводит утверждение о том, что объектом наследования должно становиться имущество, так как в ГК Китая перечисляется именно оно, но ничего не говорится о правах, а категория «статус участника» предполагает наличия имущества; имущественных прав; особенностей поведения личности (можно сказать «личный бренд»), которые влияют на управление компанией. То есть категория «статус участника» включает в себя целый конгломерат характеристик. Необходимо отметить, что данная особенность в корпоративном праве только проявляется, но уже требует своего детального исследования и закрепления в нормах права Китая.

В судебной практике Китая также встречается неоднозначное понимание категории «статус участника». В одном из своих решений Верховный народный суд Китая закрепил, что «статус участника» компании необходимо рассматривать как основание для приобретения и осуществления участниками прав и принятия на себя обязанностей участника компании [4]. В свою очередь, такой китайский исследователь как Чжан Дахай говорит о том, что наследование статуса участника необходимо понимать и реализовывать как особый комплекс наследования, где имеет место быть переход как имущественных, так и неимущественных (организационно-управленческих) прав и соответствующих обязанностей участника компании [5].

Российский ученый Т.М. Зайпулаева говорит, что статус участника китайской компании необходимо определять прежде всего через такую категорию

юриспруденции как дееспособность участника, включающую в себя по сути корпоративные права, но не тождественную с ними [6].

Одним из проблемных аспектов наследования корпоративных прав выступает упоминание в Законе «О компаниях» законных наследников и связанных с ними спорных вопросов, а именно являются ли наследники по завещанию и отказополучатели законными наследниками исходя из смысла статьи рассматриваемого нормативного правового акта. В теории наследственного и корпоративного права Китая в настоящее время сформировались две точки зрения, когда одни ученые утверждают, приводя обоснование того, что наследники по завещанию и отказополучатели имеют право выступать в роли законных наследников, то есть применяют расширительное толкование для определения наследников [7]. Другие, наоборот, применяют ограничительное толкование к данному спорному вопросу и обосновывают свою позицию о том, что законные наследники – это наследники по закону [8]. Рассмотренная проблемная ситуация также нуждается в своем регулировании в нормах права Китая. Категория «законные наследники» достаточно обширное понятие, так или иначе описанное в нормах Китая, хотя точного определения «законных наследников» законодательство Китая не содержит, что выступает определенным минусом, в тоже время нормы, определяющие правовое положение «законных наследников» разнообразны и их анализ позволяет по большому счету отнести к ним в определенных случаях и наследников по завещанию и отказополучателей. К тому же, китайское общество, как выше упоминалось, следуя государственной политике Китая в сфере наследственных правоотношений, стремится в большинстве жизненных ситуаций составить завещание, к которому, по сути, предъявляются минимальные требования. Все это дает основания для уменьшения возникновения наследования по закону. Таким образом, совершенно очевидно расширительное толкование статьи 75 Закона «О компаниях» и включения в категорию «наследники по закону» отказополучателей и наследников по завещанию.

Исследуя такую тенденцию развития наследственного права Китая как наследование корпоративных прав стоит рассмотреть еще одну спорную ситуацию, возникающую в категориальном аппарате наследственного и корпоративного права Китая. К сожалению, правовая система Китая не содержит момент, когда наследником приобретает статус «участник компании», то есть имеет право осуществлять управление компанией наряду с ее другими участниками. И вследствие данного пробела в законодательстве Китая обозначились точки зрения ученых, предлагающих варианты решения рассматриваемой проблемой ситуации. Итак, отдельные ученые считают, что корпоративные права должны переходить к наследнику со дня открытия наследства. Отметим, что в наследственном праве Китая отсутствует понятие время открытия наследства. Наследство считается открытым с момента смерти наследодателя. Наследник, узнавший или присутствующий при наступлении смерти наследодателя должен в обязательном порядке оповестить всех наследников [9]. То есть, в данном варианте наследник может вступить в корпоративные права практически сразу же после смерти наследодателя. другая группа ученых считает, что наследник имеет право ступить в корпоративные права и приобрести статус участника компании только после внесения соответствующей записи в реестр [10].

В связи с существованием указанного спорного момента в приобретении наследником статуса «участника компании» компания на локальном уровне правового регулирования (то есть в своих уставных документах) предусматривают порядок перехода доли к законным наследникам умершего участника. Компании включают в свои учредительные документы условия о необходимости получения согласия на вхождение в состав участников компании, предусматривают запрет на переход доли компании в порядке наследования, а также компенсации такой доли наследнику [11].

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что компании самостоятельно в учредительных документах прописывают порядок приобретения

доли в компании наследником и если они допускают вхождение в компанию наследника, то имущественные права у него возникают с момента открытия наследства, а организационно-управленческие намного позже, после занесения сведений в реестр и одобрения вхождения наследника в качестве участника и занесения всех сведений в реестр участников компании.

Китайские специалисты в сфере наследственного права предлагают участникам компании заблаговременно продумать наследование корпоративных прав, согласовывать фигуру наследника корпоративных прав со всеми иными участниками, а также привлечь доверительного управляющего, чтобы он после смерти наследодателя смог учесть, как интересы наследника, так и интересы компании, дабы возникшие наследственные правоотношения не мешали эффективному развитию бизнеса [12].

Говоря словами А.В. Бегичева, отметим, что наследственное право в первую очередь, призвано не только обеспечивать устойчивость семейных, родственных отношений и постоянство социальных функций наследственного имущества, но и поддерживать интересы нормального гражданского и торгового оборота [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Li F. The orientation and characteristics of the inheritance agreement in China and Russia: comparative legal research / F. Li // Юридическая наука в Китае и России. – 2021. – № 4. – С. 26-34.

2. Закон КНР «О компаниях» (принят 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 29 декабря 1993 г.). [Электронный ресурс] URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-11/05/content_2065671.htm.

3. Ли Фэй. Гражданский кодекс и осуществление прав участника компании сонаследниками // Журнал Уханьского университета (Философия и общественная наука). 2021. (74). № 4. С. 161 – 171.

4. Обзор Верховного народного суда КНР «По некоторым вопросам, связанным с рассмотрением дел по корпоративным спорам» 2004. URL: <https://www.fx-gongzheng.eom/news/html/p/1995.htm>.

5. Чжан Дахай Исследование правовых вопросов наследования долей в уставном капитале компаний с ограниченной ответственностью: обзор статьи 76 Закона КНР о компаниях // Правоприменение. 2018 (98). № 4. С. 103 – 112.

6. Зайпулаева Т.М. Особенности наследования корпоративных прав в Китайской Народной Республике // Наследственное право. 2023. № 1. С. 30-33.

7. Тянь Цзиньхуа. Анализ наследования долей в уставном капитале компаний с ограниченной ответственностью // China Business. 2021. № 22. С. 69 – 71

8. Новикова Н.А. Новеллы наследственного права Китайской Народной Республики (анализ норм о наследовании по закону и принятии наследства) // Основные положения ГК КНР: сравнительно-правовой анализ: Сб. статей / Под ред. П.В. Крашенинникова, Л.Ю. Михеевой; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. М.: Статут, 2022. С. 157 – 177.

9. Тянь Цзиньхуа. Анализ наследования долей в уставном капитале компаний с ограниченной ответственностью // China Business. 2021. № 22. С. 69 – 71.

10. Сюй Цяньшэн. Логика положений статьи 75 Закона о компаниях // Журнал Хэнаньского университета экономики и права. 2020. № 2. С. 58 – 65.

11. Зайпулаева Т.М. Особенности наследования корпоративных прав в Китайской Народной Республике // Наследственное право. 2023. № 1. С. 30-33.

12. Тихомирова, Е. А. Наследование долей в уставном капитале юридического лица России и Китая / Е. А. Тихомирова // Проблемы управления социальными и экономическими системами в современной России: Сборник

научных статей. – Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В. (издательство "Зебра"), 2024. – С. 248-251. – EDN ETZKUO.

13. Бегичев А.В. Современное состояние наследственного права зарубежных стран // Нотариальный вестник. 2013. № 2. С. 38 – 44.

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF HEREDITARY RELATIONS IN THE LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Tikhomirova E.A.

Considering the trends in the development of hereditary legal relations in China, it should be mentioned that recently such a category of inheritance law as an inheritance contract has been reflected in the legislation of this state. In the national law of the People's Republic of China, the general rules on contracts apply to the inheritance agreement. An inheritance agreement, by its legal nature, refers to an agreement on identity relations, the rules of which are contained in the General Book of the Civil Code of China and they are of a proprietary nature. When concluding an inheritance agreement, which in China is most often referred to as a testamentary gift, the testator is required to transfer the property to a specific person, and this person, in turn, is responsible for organizing his burial and caring for the burial site. The inheritance agreement may provide for the obligation to maintain the testator during his lifetime. The testator has the right to conclude an inheritance agreement both with the future heir, who also acts as an heir by law, and with a person with whom he is not related in any way. The testator may conclude this type of contract on his provision and burial during his lifetime with a legal entity.

Keywords: inheritance, hereditary share, participant's rights, society, transfer procedure, participant's status, Civil Code, corporate law, legitimate heirs, participant's status.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.34

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алибекова Эльмира Александровна
Магистрант,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
Москва, Россия

Научный руководитель: Фоменко Елена Владимировна
Доктор юридических наук, доцент

Идеология терроризма на сегодняшний день, является одним из опаснейших угроз как отдельным государствам, так и всему человечеству. Познавшая ужас террористических атак Российская Федерация принимает все меры по противодействию террористическим угрозам. С этой целью в нашей стране создана система организационных и нормативно-правовых мер по противодействию и профилактике терроризма.

В статье делается обзор содержания основных нормативных правовых актов и документов перспективного стратегического планирования, направленных на противодействие и профилактику террористических проявлений.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, противодействие терроризму, Концепция противодействия терроризму, правовая основа противодействия терроризму, принципы противодействия терроризму.

Противодействие террористическим угрозам и проникновению идеологии терроризма на сегодняшний день является одной из первостепенных задач как органов государственной власти, так и общественных институтов.

Преступления террористической направленности, в частности террористический акт, влекут за собой комплекс негативных последствий как для отдельного человека, так и для государства в целом [1, с. 12].

Одним из важных направлений в организации противодействия терроризму является совершенствование правовых и организационных основ данной деятельности.

Основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации определены Концепцией противодействия терроризму (далее по тексту – Концепция), утвержденной Президентом Российской Федерации 2009 году [2].

Именно данный стратегический документ долгосрочного планирования указывает на основные тенденции современного терроризма, его исторические предпосылки и причины. Кроме того, Концепция определяет необходимость формирования общегосударственной системы противодействия терроризму, которая по замыслу авторов «представляет собой совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма» [2].

В силу требований Концепции устанавливаются основные требования к правому, информационно-аналитическому, научному, материально-техническому, финансовому и кадровому обеспечению противодействия терроризму.

Так, например, по замыслу авторов Концепции нормативно-правовая база противодействия терроризму должна соответствовать следующим требованиям: «гибко и адекватно реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности; учитывать международный опыт, реальные социально-политические, национальные, этноконфессиональные и другие факторы; определять компетенцию субъектов противодействия терроризму, адекватную угрозам террористических актов; устанавливать ответственность физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области противодействия терроризму; определять адекватные угрозам террористических актов меры стимулирования и социальной защиты лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму; обеспечивать эффективность уголовного преследования за террористическую деятельность» [2].

Наряду с указанной Концепцией, важно отметить, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее Стратегия), среди угроз национальной безопасности называет угрозу террористических проявлений и проявление террористической идеологии в нашей стране [11].

Кроме того, Стратегия определяет, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, на решение задач, среди которых одной из важнейших является «предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц...»

Анализируя положения Стратегии, исследователи отмечают, что «приоритетом в обеспечении безопасности государства становится личность, человек, его права и свободы, духовные и нравственные приоритеты, правовая и социальная защищенность, уровень жизни и благополучие граждан [3, с. 89-90].

А ведь именно идеология терроризма направлена на создание угроз самому существованию человека, формирование неуверенности в завтрашнем дне, расшатывание моральных устоев общества, подрыв государственных устоев.

В данной связи нужно отметить, что терроризм как угроза национальной безопасности уже в течение длительного времени остается предметом пристального внимания российских спецслужб. Н. П. Патрушев еще в декабре 2013 года отмечал: «Традиционные угрозы безопасности России сохраняются. При этом

к ним добавились новые вызовы и стратегические риски. Это международный терроризм в различных его формах, рост экстремистских проявлений на межэтнической и межконфессиональной почве, незаконная миграция, кибертерроризм, пиратство» [4].

В Российской Федерации так же принят целый комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов государственной власти по противодействию терроризму.

Так, Федеральный закон «О безопасности», являясь основополагающим нормативным актом в сфере обеспечения безопасности, устанавливая предмет регулирования в области безопасности, закрепляет, что им являются «основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законом» [13].

Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» (ст. 9.1) среди основных направлений деятельности органов Федеральной службы безопасности выделяет борьбу с терроризмом, определяя ее как «...деятельность, осуществляемая органами федеральной службы безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий» [14].

Среди важнейших нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в исследуемой сфере правового регулирования – Федеральный закон «О противодействии терроризму» (далее по тексту – Закон о противодействии терроризму) [12].

Данный нормативный правовой акт (ст. 1) и закрепляет правовую основу противодействия терроризму, которую составляют «Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти» [12].

Кроме того, отметим, что в рамках реализации Концепции противодействию терроризму и положений Федерального закона «О противодействии терроризму». Президентом Российской Федерации подписаны указы «О мерах по противодействию терроризму» и «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» [7-11]. Правительством Российской Федерации принято Постановление «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму» [6].

В данной связи отметим, что Концепция стала основополагающим доктринальным долгосрочным документом, создавшим основу для построения и совершенствования деятельности органов власти всех уровней по противодействию терроризму.

В документе определены понятия «общегосударственная система противодействия терроризму», «субъекты террористической деятельности», «способы террористической деятельности»; выделены основные внутренние и внешние факторы, обуславливающие возникновение и распространение терроризма, объекты террористической деятельности, средства террористической деятельности, раскрыто содержание деятельности по противодействию терроризму (профилактика терроризма, борьба с терроризмом, минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма) [2].

Кроме того, в Федеральном законе «О противодействии терроризму» законодателем установлены принципы организации антитеррористической деятельности в Российской Федерации, позволившие начать формирование

общегосударственной системы противодействия терроризму, отвечающей реалиям обстановки, складывающейся в стране и в мире в целом.

Так же Законом о противодействии терроризму установлены основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Важно отметить, что анализируемые нами Концепция и Федеральный закон «О противодействии терроризму» находятся в тесном правовом и организационном единстве, что безусловно положительно сказывается на решении поставленных данными документами задач.

Так, в силу Концепции (п. 8) «Координацию деятельности по противодействию терроризму, организацию планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также управление контртеррористическими операциями обеспечивают Национальный антитеррористический комитет, Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации» [2, 10].

В свою очередь Федеральный Закон «О противодействии терроризму» (ч. 4 ст. 5) закрепляет: «По решению Президента Российской Федерации на федеральном уровне формируется коллегиальный орган, координирующий и организующий деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительных органов федеральных территорий и органов местного самоуправления по противодействию терроризму. Функции указанного органа реализуются в соответствии с положением о нем, утверждаемым Президентом Российской Федерации» [12].

Решения данного органа, принятые в пределах его компетенции, обязательны для исполнения государственными органами, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления, организациями, должностными лицами и гражданами.

В соответствии с указанной выше нормой, Указом Президента Российской Федерации создан коллегиальный орган, координирующий и организующий деятельность по противодействию терроризму в Российской Федерации – Национальный антитеррористический комитет (НАК) [10].

Кроме того, опять же в силу приведенной выше нормы закона, Президентом Российской Федерации утверждено Положение о Национальном антитеррористическом комитете [10].

В целях конкретизации возложенной на Комитет задачи по организации деятельности по противодействию терроризму НАК наделен полномочием по контролю за исполнением собственных решений и решений Федерального оперативного штаба, правом организации проверок их исполнения. Закрепляется обязанность доведения решений Комитета до сведения общественности путем их опубликования на его официальном сайте. Организация контроля за исполнением решений Комитета в соответствии с решением председателя НАК возлагается на аппарат Комитета.

Отметим, что Законом О противодействии терроризму (п. 5. ст. 5), закреплено, что «В целях своевременного информирования населения о возникновении угрозы террористического акта и организации деятельности по противодействию его совершению, осуществляемой федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации... могут устанавливаться уровни террористической опасности, предусматривающие принятие не ограничивающих прав и свобод человека и гражданина дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Порядок установления уровней террористической опасности и содержание дополнительных мер по обеспечению безопасности

личности, общества и государства определяются Президентом Российской Федерации» [12].

Во исполнение данного требования, в целях усовершенствования порядка своевременного информирования населения о возникновении угрозы террористического акта и организации деятельности по противодействию его совершению Президентом Российской Федерации определен Порядок установления уровней террористической опасности [9].

Кроме того, в целях обеспечения координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений решением Президента Российской Федерации могут формироваться органы в составе представителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных лиц (антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации) (ч. 4.1 ст. 5 Закона о противодействии терроризму) [12].

Для реализации решений указанных органов могут издаваться акты (совместные акты) указанных органов, представители которых входят в состав соответствующего органа. Неисполнение или нарушение указанных решений влечет ответственность, предусмотренную федеральными законами или законами субъектов Российской Федерации.

В данной связи важно отметить, что в случае, если административная ответственность за указанные действия не установлена федеральным законом, она может быть установлена законом субъекта Российской Федерации.

Так, в частности Закон о противодействии терроризму (ст. 5.1) устанавливает полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области противодействия терроризму, в числе которых: «организация реализации государственной политики в области противодействия терроризму; координация деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации по профилактике терроризма; осуществление полномочий по профилактике терроризма и в минимизации и (или) ликвидации последствий его проявлений; принятие мер по выявлению и устранению факторов, способствующих возникновению и распространению идеологии терроризма» и т.п. [12].

Важным обстоятельством в вопросах противодействия терроризму является нормативное закрепление применения вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Закон О противодействии терроризму (ст. 6) определяет, что в борьбе с терроризмом Вооруженные Силы Российской Федерации могут применяться для:

«- пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами;

- пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства;

- участия в проведении контртеррористической операции в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом;

- пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации» [12].

Реализуя положения закона, Правительством Российской Федерации в свою очередь принят ряд постановлений, утверждающих Положения о применении оружия и боевой техники в рамках реализации антитеррористических мероприятий [5].

Знаковым моментом, в рамках противодействия проявлениям терроризма, является нормативное закрепление правового режима контртеррористической операции.

В силу Закона О противодействии терроризму (ст. 11), «в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства... в пределах территории ее проведения может вводиться правовой режим контртеррористической операции на период ее проведения» [12].

Контртеррористическая операция проводится для пресечения террористического акта и преступлений террористической направленности в случае принятия решения о ее проведении в порядке, предусмотренном законом.

Законом о противодействии терроризму (ч. 2 ст. 12) «...решения о проведении контртеррористической операции и о ее прекращении принимает руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо по его указанию иное должностное лицо федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо руководитель территориального органа федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности» [12].

Лицо, принявшее решение о проведении контртеррористической операции, является руководителем контртеррористической операции и несет персональную ответственность за ее проведение.

Наряду с организационными положениями как исследуемого федерального закона, так и Концепции противодействия терроризму, важно отметить, что оба документа важнейшее внимание уделяют вопросам ответственности как физических лиц, так и организаций за причастность к террористической деятельности.

Так, Концепция, среди мер по профилактике (предупреждению) терроризма выделяет «правовые (реализация принципа неотвратимости наказания за преступления террористического характера, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, радиоактивных материалов, опасных биологических веществ и химических реагентов, финансирование терроризма, а также регулирование миграционных процессов и порядка использования информационно-коммуникационных систем)» [2].

Достаточно жестко Закон (ст. 22) регламентирует и вопрос правомерного причинения вреда лицам осуществляющим террористическую деятельность: «Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными» [12].

В свою очередь, указанный нормативный акт (ст. 24) устанавливает, что «В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1-282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации» [12].

В силу уголовного закона (ст. 205.4 УК РФ) организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора. Террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы – ликвидации), также признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества [7].

Таким образом, делаем вывод о том, что еще одной важнейшей составляющей системы организационно-правовых мер, направленных на противодействие терроризму, является уголовное законодательство. Уголовный кодекс Российской Федерации не только устанавливает ответственность за преступления против общественной безопасности, к которым мы безусловно относим террористическую деятельность, но и позволяет квалифицировать данные преступные деяния.

В силу УК РФ «террористическим актом» признается «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [7].

К «содействию террористической деятельности» относят – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205.2, частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой – третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» [7].

Под «пропагандой терроризма» понимается «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», а под «террористической деятельностью» понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ.

Таким образом, уголовное законодательство, наряду с остальным массивом нормативно-правового регулирования противодействия терроризму в Российской Федерации является важной составляющей комплекса организационных мероприятий противодействия идеологии терроризма и экстремизма в нашей стране.

Подводя итог, отметим, что нормативно-правовое установление форм и методов противодействия террористическим проявлениям не является статичным и находится в постоянном совершенствовании. Это касается и регулярных дополнений в действующее законодательство, так и принятие новых правовых актов, направленных на обеспечение мирной жизни, здоровья и безопасности российских граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горячкин А. Ю. О проблемах правового регулирования деятельности по противодействию терроризму в Российской Федерации / А. Ю. Горячкин // Юридическая гносеология. 2024. № 2. – С. 12-18.

2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // <https://www.garant.ru/> (дата обращения 17.01.2025 г.).

3. Неверов А. Я. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации как политический приоритет / А. Я. Неверов // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 88-93;

4. Патрушев Н. П. Безопасность России в современном мире / Н.П. Патрушев: интервью «Российской газете». 2013. <http://www.scrf.gov.ru/>(дата обращения 17.01.2025 г.);

5. Постановление Правительства РФ от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июня 2007 г. № 24 ст. 2921;

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2008 г. № 333 «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 19 ст. 2172.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954;

8. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 8 ст. 897;

9. Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 июня 2012 г. № 25 ст. 3315;

10. Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 52 (часть I) ст. 7591;

11. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351;

12. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 11 ст. 1146.

13. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2;

14. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 апреля 1995 г. № 15 ст. 1269.

REGULATORY AND ORGANIZATIONAL COUNTERACTION TO TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alibekova E.A.

The ideology of terrorism is currently one of the most dangerous threats to individual States and to the whole of humanity. Having experienced the horror of terrorist attacks, the Russian Federation is taking all measures to counter terrorist threats. To this end, our country has created a system of organizational and regulatory measures to combat and prevent terrorism. The article provides an overview of the content of the main regulatory legal acts and documents of long-term strategic planning aimed at countering and preventing terrorist manifestations.

Keywords: terrorism, terrorist activity, terrorist act, counteraction to terrorism, the concept of counteraction to terrorism, the legal basis of counteraction to terrorism, principles of counteraction to terrorism.

УДК 343.288

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 150 УК РФ

Андрюхин Николай Григорьевич

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана
международно-правового факультета МГИМО МИД России

Садовников Олег Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
международно-правового факультета МГИМО МИД России

С развитием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») стали проявляться негативные тенденции, связанные с ростом количества вовлечений несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность, а также в сферу незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Законодателем в конце 2024 г. были внесены изменения и дополнения в ст.ст. 150, 151 УК РФ, которые существенно ужесточили ответственность за посягательства лиц, достигших совершеннолетия, на нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних.

В целом положительно оценивая новеллы, в статье отмечается на необходимость дальнейшего развития дифференциации уголовной ответственности на основе более тонкой законодательной оценки виктимологических свойств личности несовершеннолетних, обусловленных особенностями их возрастного развития в различные периоды становления субъектности.

Ключевые слова: вовлечение, возраст, преступление, уголовная ответственность, наказание, несовершеннолетние, ст. 150 УК РФ, дифференциация, подросток, группа.

На первый взгляд современное состояние преступности несовершеннолетних в абсолютных количественных показателях не должно вызывать больших опасений у законодательной власти и правоохранительных органов, однако ее системно-структурный анализ показывает, что негативные тенденции в подростков среде не только не затухают, но и напротив все более четко проявляются. В этой связи в современных исследованиях не без оснований отмечается, что несовершеннолетние по-прежнему остаются одной из наиболее

криминально порождённых возрастных категорий. На это указывают данные официальной статистики, где доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, имеет устойчивую тенденцию к увеличению на протяжении длительного времени. Так, например, «удельный вес указанных категорий преступлений в общей структуре преступности несовершеннолетних за последнее десятилетие вырос с 22,6% до 30,5%. В указанный период уровень повторной преступности, включая ее наиболее опасную рецидивную форму, также возрос с 19,6% до почти 25%.

В возрастном контингенте несовершеннолетних также отмечается негативная диспропорция между 14-15-летними правонарушителями и 16-17-летними лицами, признанными виновными в совершении преступных посягательств. Так, удельный вес лиц, преступивших уголовно-правые запреты до достижения 16-летнего возраста, составляет 33%, в то время как в предыдущие периоды он определялся в интервале 30-31%» [1].

Еще с большей очевидностью проявляется тенденция на омоложение преступности несовершеннолетних при анализе правонарушающего поведения лиц, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста с которого наступает уголовная ответственность. Уже сейчас можно сделать неутешительный прогноз о том, что именно этой категорией правонарушителей закладываются будущие негативные показатели преступности в целом, включая такие ее опасные формы как корыстная, корыстно-насильственная и рецидивная. О том, что данный прогноз, к сожалению, имеет веское обоснование указывает тот факт, что доля лиц младшего подросткового возраста, совершивших общественно опасные деяния до достижения минимального возраста, с которого возможно привлечение их к уголовной ответственности, является самой многочисленной группой, в отношении которой органы внутренних дел осуществляют индивидуально-воспитательную работу [2]. Так, например, «в 2022 году удельный вес «негодных» субъектов преступления превысил 60% от общего числа профилактируемых несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. При этом доля несовершеннолетних в возрасте 12 лет и младше, состоящих на профилактическом учете, стабильно увеличивается и достигает почти 26% от общего числа несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации» [3].

Проблема ранней криминализации несовершеннолетних актуализируется еще и тем обстоятельством, что у современного российского общества в силу целого ряда причин нет достаточных материальных, организационных и правовых ресурсов для повешения профилактического насыщения основных институтов социализации несовершеннолетних. «В этой связи необходима их концентрация в отношении несовершеннолетних, подвергнутых криминальному поражению на ранней стадии формирования личности. Поскольку, на начальном этапе процесс их асоциализации может быть прерван мерами индивидуально-профилактического воздействия с пониженным принуждением и вне уголовных правоотношений. В свою очередь, прицельное использование арсенала правовых мер воздействия к правонарушителям из числа ранних подростков способно привести к нейтрализации негативных тенденций преступного поведения старших возрастных контингентов, включая и тех, которые находятся за пределами несовершеннолетия» [4]. О том, что данная проблема должна находиться в центре внимания всех субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и общества указывает также и то обстоятельство, что активное усвоение асоциальных форм поведения подрастающим поколением идет на фоне катастрофической депопуляции населения Российской Федерации.

На протяжении длительного времени отечественные ученые-криминалисты указывали на потребность в дальнейшем совершенствовании законодательной дифференциации наказания за преступные посягательства на несовершеннолетних. Исследователи отмечают, что «темпы роста групповых преступлений несовершеннолетних, совершенных совместно со взрослыми,

значительно опережают темпы роста преступности чисто подростковых групп. Большую роль в таких группах играют взрослые, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности. Так, 50% несовершеннолетних, впервые судимых за грабеж и разбой, были вовлечены в эти преступления рецидивистами, судимыми по три и более раза. Велика доля вовлечения несовершеннолетних в совершение наиболее опасных преступных посягательств. Например, лицами мужского пола, достигшими совершеннолетия, совместно с подростками совершается 94% рецидивных убийств. Всего же за последние годы число случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность возросло более чем в 25 раз» [5].

В последнее время ситуация, связанная с ранней криминализацией подростков, стала еще более нетерпимой, «поскольку с развитием информационно-телекоммуникационных технологий стало возможным их вовлечение без непосредственного контакта со взрослыми вовлекателями в экстремистскую и террористическую деятельность [6], а также в сферу незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» [7]. «Так, например, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. число фактов сбыта наркотических средств с участием подростков увеличилось на 52,3% (с 1,4 тыс. до 2,1 тыс. фактов). При этом вовлечение несовершеннолетних в совершение указанных деяний в подавляющем большинстве случаев было осуществлено посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей» [8].

Очевидно, что определённые резервы противодействия раннему вовлечению несовершеннолетних в криминальную сферу скрыты в повышении эффективности уголовно-правовых средств [9]. К сожалению, длительное время отечественный законодатель видел существенные резервы в противодействии преступности несовершеннолетних исключительно в регулировании (понижении) минимального возрастного порога уголовной ответственности, т.е. ужесточение режима уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, «анализ изменений УК РФ в части регулирования минимального возраста ответственности показывает, что за время его действия законодатель перманентно увеличивал перечень деяний, содержащихся в ч. 2 ст. 20 УК РФ и предусматривающих минимальный 14-летний возраст субъекта преступления. Напомним, что в первоначальной редакции перечень включал всего 20 статей, и это при том, что в него впервые вошли вымогательство (ст. 163 УК РФ), неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), а также вандализм (ст. 214), являющийся для несовершеннолетних «статусным» общественно опасным деянием. Действующая редакция ч. 2 ст. 20 УК РФ уже включает 32 статьи с пониженным 14-летним минимальным возрастным порогом» [10].

В сложившейся ситуации следует признать чрезвычайно актуальным ужесточение уголовной ответственности совершеннолетних лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественные действия, осуществленной путем внесения изменений и дополнения в ст. ст. 150, 151 УК РФ Федеральным законом от 29.05.2024 N 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации» [11], а также Федеральным законом от 28.12.2024 N 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [12]. Формально-логический анализ внесенных изменений в ст. 150 УК РФ показал, что законодатель ввел в ч. 2 квалифицирующий признак, связанный с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). При этом за совершение деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 150 УК РФ, шестилетний максимальный размер наказания в виде лишения свободы оставлен прежним, однако при этом минимальный порог наказания поднят до 3 лет в то время как в старой редакции он определялся в том же размере без установления минимального порога. В такой ситуации судебное усмотрение по данной категории дел не имело четких законодательных ориентиров и в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ не исключались ситуации, когда суды могли назначать взрослым вовлекателям минимальное наказание, начиная с двух месяцев лишения свободы.

В ч. 3 ст. 150 УК РФ законодатель ввел два особо квалифицирующих признака, связанные с вовлечением в преступление двух или более несовершеннолетних, а также вовлечение в преступление лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, подняв при этом верхний предел наказания в виде лишения свободы до максимально возможного для деяний, относящихся к категории тяжких. Также в санкции данной нормы удвоен до четырех лет минимальный размер наказания в виде лишения свободы, что особенно важно для коррекции судебного усмотрения, поскольку суды при разрешении уголовных дел в большей мере ориентируются на минимальный, чем на максимальный размер наказания, особенно в ситуациях, когда лишение свободы назначается реально.

Оценивая положительно указанные новации, отметим что законодатель упустил возможность реализовать более тонкую оценку виктимологических особенностей различных контингентов несовершеннолетних потерпевших, хотя подобный подход им был уже реализован в конце 2009 г., когда была градуирована и существенно ужесточена ответственность насильственных преступников, за совершение деяний, посягающих на половую неприкосновенность потерпевших, не достигших соответственно двенадцати, четырнадцати и шестнадцати лет.

В этой связи не лишним будет напомнить также о том, что в ч.6 ст. 88 УК РФ содержится положение, в котором ограничен максимальный срок наказания в виде лишения свободы шестью годами, которое может быть назначено несовершеннолетним осужденным, совершив преступления, не относящиеся к категории особо тяжких, в возрасте до шестнадцати лет. Им же также не может быть назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести впервые. Для несовершеннолетних же осужденных, совершивших преступления по достижению 16-летнего возраста максимальный размер наказания в виде лишения свободы определен десятью годами, как и для 14-15-летних лиц, виновных в совершении особо тяжких преступлений. Это указывает на то обстоятельство, что законодатель придает дифференцирующее значение возрастным особенностям несовершеннолетних как в вопросах уголовно-правовой защиты от преступных посягательств, так и при определении пределов наказуемости подростков.

В тоже время наблюдается наличие системно-структурного рассогласования действующего уголовного законодательства в части единообразного учета виктимологических особенностей различных возрастных групп потерпевших в пределах несовершеннолетия и их влияния на пределы наказуемости за деяния, посягающие на нормальное нравственное и физическое развитие подростков.

На наш взгляд в ч. 4 ст. 150 УК РФ необходимо отказаться от понятия «преступная группа», поскольку его нет в ст. 35 УК РФ, а вместо него следовало бы рассматривать как «пассивное» вовлечение несовершеннолетнего сам факт совместно совершения преступления с подростком лицом, достигшим совершеннолетия. В частности, именно в таком аспекте законодатель предписывает правоприменителю учесть влияние старших по возрасту лиц при назначении наказания несовершеннолетнему виновному в совершении преступления (ч. 1 ст. 89 УК РФ). Считаем, что его уголовно-правовое значение следует распространить и на случаи «простого» без признаков вовлечения участия несовершеннолетнего в совершении преступления совместно со взрослым. По мнению И.С. Кона, «неравенство отношений взрослых и детей проявляется в том, что «взрослый – это всегда субъект, учитель, наставник, ребенок – объект, продукт и результат деятельности взрослого» [13]. В этой связи О.Л. Дубовик отмечает, что «влияние групповых факторов часто «забывает» воздействия иных факторов, влияющих на принятие решения, снижает критичность мышления субъекта, принимающего решение, его самоконтроль, сужает представления о возможных вариантах поведения, они способствуют образованию специфических конформистских мотивов поведения» [14]. Исследователями выявлена повышенная предрасположенность несовершеннолетних к такому поведению. Так, Ю.М. Антонян и В.В. Юстицкий «установили, что 35% несовершеннолетних,

содержащихся в воспитательных колониях, в момент совершения преступления руководствовались преимущественно конформистскими мотивами» [15]. Это позволяет сделать вывод о том, что активность несовершеннолетних в преступлениях, совершаемых совместно с взрослыми, как правило, организована последними, а сами они предусмотрительно остаются «в тени». Поэтому следует поддержать достаточно распространенное мнение о том, что наказание взрослых соисполнителей должно быть более суровым, чем иных соучастников применительно к ситуациям совершения «смешанных» групповых преступлений.

Также нуждается в корректировке название ст. 150 УК РФ поскольку ее название «Вовлечение несовершеннолетнего в преступление» не согласуется с формирующейся судебно-следственной практикой, где взрослые вовлекатели привлекаются к ответственности в ситуациях, когда общественно опасные деяния, совершаются лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, т.е. отсутствуют субъективные основания признания деяния преступлением. Указание в названии статьи, а также в диспозиции уголовно-правовой нормы правовых ситуаций, связанных с общественно опасными деяниями «несубъектов» позволит не только преодолеть рассогласование между соответствующим правовым предписанием и практикой его применения, но и помимо прочего позволит вывести из «юридического забвения» многочисленную категорию несовершеннолетних правонарушителей, нарушивших уголовно-правовые запреты до достижения возраста уголовной ответственности и выпавших из поля зрения законодателя.

Резюмируя изложенное следует сделать вывод о том, законодателю необходимо продолжить совершенствование уголовно-правовых средств, направленных на более эффективную защиту несовершеннолетних от криминальных угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления: Сборник по России за 2012–2022 гг. // ГИАЦ МВД России: официальный сайт. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 11.02.2025).
2. Шестакова Е.В. Криминологическое противодействие общественно опасному поведению несовершеннолетних специализированными учреждениями органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2024. С. 3-4.
3. О результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Сборник по России за январь–декабрь 2012–2022 гг. // ГИАЦ МВД России: официальный сайт. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Андрюхин Н.Г., Мишота В.А., Новосельцева Е.А. Ранняя криминализация несовершеннолетних: состояние и проблемы предупреждения. М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 189 с.
5. Лелеков В.А. Молодежная преступность: проблемы и опыт региональных исследований. Воронеж, 1998. С. 19.
6. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность// Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 3.
7. Паспорт проекта Федерального закона N 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за отдельные преступления против несовершеннолетних и против здоровья населения)// СПС Консультант плюс
8. Долгова С.И. Отдельные аспекты организации деятельности органов внутренних дел государств – участников СНГ по противодействию вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет//Административное право и процесс. 2021. № 6.

9. Андрюхин Н.Г. Дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: состояние и перспективы развития: Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 153 с. С. 131 и др.
10. Андрюхин Н.Г. Проблемные аспекты реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних// Уголовное право. 2017. № 4. С. 9.
11. «Российская газета», № 119, 03.06.2024.
12. «Российская газета», № 3, 10.01.2025.
13. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 43.
14. Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения. М., 1977. С. 65.
15. Антонян Ю.М., Юстицкий В.В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. М., 1993. С. 42.

**ON THE ISSUE OF IMPROVING RESPONSIBILITY FOR ACTS PROVIDED FOR IN
ARTICLE 150 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Andryukhin N.G., Sadovnikov O.N.

With the development of information and telecommunication networks (including the Internet), negative trends began to manifest themselves, associated with an increase in the number of involvement of minors in extremist and terrorist activities, as well as in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. At the end of 2024, the legislator introduced amendments and additions to Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, which significantly tightened the responsibility for attacks by persons who have reached the age of majority on the normal moral and physical development of minors. In general, positively assessing the novels, the article notes the need for further development of the differentiation of criminal responsibility based on a more subtle legislative assessment of the victimological personality traits of minors, due to the peculiarities of their age development in different periods of subjectivity formation.

Keywords: involvement, age, crime, criminal responsibility, punishment, minors, Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, differentiation, teenager, group

УДК 343.72

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баранов Алексей Владимирович

Магистрант,

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
Москва, Россия

Научный руководитель: Фоменко Елена Владимировна,
доктор юридических наук, доцент

В представленном исследовании анализируются проблемы, возникающие при квалификации мошенничества в России. Значительное внимание уделяется вопросам сложности определения данного вида преступления и отличия его от иных составов преступлений (кража, подделка документов) и гражданско-правовых нарушений, особенно в условиях цифровизации преступных схем. Через призму судебных precedентов продемонстрирована эволюция подходов к трактовке умысла и способов хищения при использовании поддельных платёжных карт, социальной инженерии и автоматизированных систем. Особое внимание уделено противоречиям в оценке значительного ущерба: сочетанию фиксированных суммовых порогов (5 000 руб. для физлиц, 25 000 руб. для ИП) с субъективными критериями имущественного положения потерпевших. Раскрыты методические сложности доказывания прямого умысла в IT-мошенничестве, где психологическое манипулирование через нейросети и фишинговые атаки (150 млрд руб. ущерба в 2023 г.) трансформирует традиционные признаки обмана.

Ключевые слова: квалификация мошенничества, уголовно-правовая дифференциация, судебная практика, значительный ущерб, IT-мошенничество, цифровые технологии, социальная инженерия, состав преступления, обман и злоупотребление доверием, поддельные платёжные карты, криптовалютные транзакции, фишинговые атаки.

Квалификация мошенничества в российской правовой системе сталкивается с принципиальными сложностями при дифференциации от смежных составов, что обусловлено пересечением объективных и субъективных признаков преступлений. Центральной проблемой выступает конкуренция норм между ст. 159 УК РФ и специальными составами (ст. 159.1-159.6, 186, 187) [1], требующая тщательного анализа фактических обстоятельств каждого дела.

Ярким примером служат случаи с использованием поддельных платёжных карт, где судебная практика демонстрирует эволюцию подходов. Если ранее действия устанавливались по ст. 159 УК РФ как мошенничество, то введение ст. 187.1 УК РФ позволило чётче отделить изготовление и введение в оборот фальшивых карт от хищения имущества. Однако сохраняется необходимость

доказывать прямой умысел на завладение средствами при автоматизированных атаках, что актуализирует вопросы применения ст. 159.6 УК РФ. [2, С.123]

В качестве примера можно привести дело № 22-1703/2018 [3], рассмотренное Калининградским областным судом. В этом деле Сергей К. был осужден за использование чужой банковской карты. С карты оплачивались покупки и игры онлайн в сумме на 15 000 рублей. В суде первой инстанции было установлено, что действия обвиняемого являются кражей. Но по решению апелляционной инстанции действия были расценены как мошенничество с использованием платежных карт (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ). Согласно выводам суда, обвиняемый использовал карту и действовал таким образом, что у продавцов не могло возникнуть сомнений в правомерности его действий. Таким образом обвиняемый вводил в заблуждение третьих лиц, за что и был лишен свободы сроком на 1 год и 8 месяцев.

Этот случай демонстрирует эволюцию подходов в судебной практике: от первоначальной квалификации действий как кражи к более точному определению состава преступления в рамках мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Как отмечает С. М. Кочои «Особую сложность представляет разграничение с гражданско-правовыми нарушениями. Суды руководствуются «правилом трёх О», анализируя уровень обмана, изначально невозможность исполнения обязательств и экономическую нецелесообразность сделки» [4, С.61]. Квалифицируя действия в соответствии со ст. 159.4 УК РФ, необходимо установить факт осуществления предпринимательской деятельности, а также факт преднамеренного характера неисполнения договора.

Существенную роль играет дифференциация с составами о подделке документов (ст. 327 УК РФ). Верховный Суд РФ указывает, что использование подложного документа для хищения охватывается составом мошенничества без дополнительной квалификации, если обман выступает основным способом завладения имуществом. Однако изготовление фальшивок без последующего использования требует отдельной оценки по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Проблема усугубляется развитием IT-мошенничества, где традиционные критерии обмана трансформируются. Современные схемы с социальной инженерией и подменой идентификационных данных требуют переосмысления объекта преступного посягательства, особенно при автоматизированном сборе персональной информации. Судебная практика постепенно адаптируется к новым реалиям, что находит отражение в решениях о квалификации действий с использованием шпионского ПО и NFC-технологий. [5, С. 24 - 26]

По делу № 1-153/2019 от 05.12.2019 [6] рассматривалась аналогичная схема социальной инженерии: преступники выдавали себя за сотрудников банка и использовали психологические манипуляции для получения доступа к банковским данным потерпевших. Суд квалифицировал действия обвиняемых как мошенничество в крупном размере, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Это дело демонстрирует необходимость переосмысления подходов к квалификации преступлений, связанных с автоматизированным сбором и использованием персональных данных через современные технологии, таких как NFC и шпионское ПО.

Проблема определения значительного ущерба при квалификации мошенничества остаётся одной из наиболее дискуссионных в российской правоприменительной практике. Юридическая неопределённость возникает из-за двойственности критериев оценки: сочетания фиксированного денежного порога и субъективных факторов имущественного положения потерпевшего.

Современное законодательство устанавливает минимальный порог в 5 000 рублей для признания ущерба значительным применительно к физическим лицам. Однако эта сумма выступает лишь нижней границей, за которой начинается уголовно-правовая оценка. Решающее значение приобретает анализ материального благосостояния потерпевшего – учитываются размер заработной платы, наличие

иждивенцев, совокупный доход семьи и значимость утраченного имущества. Подход порождает противоречивую судебную практику: идентичные суммы хищения в разных регионах могут получать противоположную квалификацию в зависимости от трактовки «имущественного положения» [7].

Особую сложность представляет дифференциация подходов к предпринимателям и обычным гражданам. Для коммерческих организаций и ИП порог значительного ущерба с 2022 года повышен до 25 000 рублей, тогда как в общих составах мошенничества сохраняется планка в 5 000 рублей. Законодательные инициативы 2024 года предполагают дальнейший рост этих показателей до 250 000 рублей для экономических преступлений, что усиливает дисбаланс в защите прав различных категорий потерпевших.

Методические расхождения проявляются при оценке упущенной выгоды и нематериальных активов. Согласно разъяснениям Верховного Суда, размер ущерба от мошенничества с недвижимостью определяется рыночной стоимостью объекта, а не балансовой [8]. В делах о фиктивном кредитовании учитывается сумма неисполненных обязательств по договору, тогда как при страховом мошенничестве – размер возмещения, указанный в полисе. Предлагаемая учёными модель пропорционального расчёта (50% от месячного дохода семьи) могла бы унифицировать подход, но требует законодательного закрепления механизма подтверждения доходов. Проблема усугубляется цифровизацией преступных схем – при автоматизированном хищении средств через платёжные системы установление субъективной значимости ущерба становится практически невозможным.

По мнению М. Ю. Подваркова разграничение мошенничества и гражданско-правовых нарушений в предпринимательской деятельности остаётся одной из наиболее сложных задач современной юриспруденции. Сложность обусловлена принципиальным сходством внешних проявлений: в обоих случаях присутствует факт неисполнения договорных обязательств, однако уголовная квалификация требует доказательства прямого умысла на хищение имущества [9, С.79]. Ключевым критерием выступает «правило трёх О» – уровень обмана, изначальная невозможность исполнения и отсутствие экономической целесообразности сделки.

Судебная практика демонстрирует, что установление умысла часто базируется на анализе преддоговорных обстоятельств. Например, если контрагент при заключении сделки скрыл информацию о своей неплатёжеспособности или использовал подложные документы, такие действия формируют состав мошенничества [10, С.132]. При этом частичное исполнение обязательств не исключает уголовной ответственности – ненадлежащее выполнение условий договора (несоблюдение сроков, объёмов, спецификаций) может свидетельствовать о хищении, если доказано, что изначальный умысел был направлен на незаконное обогащение.

Особую проблему представляет доказательная база. Согласно доводам Верховного Суда РФ, чтобы действия были определены в соответствии со ст. 159 УК РФ, необходимо установить, что лицо не просто не выполнило обязательства, но изначально не планировало их исполнять. Это подтверждается такими факторами, как сокрытие реальных активов, создание фиктивных юридических лиц или использование анонимных каналов связи (например, интернет-платформ). В случаях, когда неисполнение вызвано форс-мажором или ошибками в бизнес-планировании, речь идёт о гражданско-правовом споре. Законодательные новации 2016 года, введшие специальные составы для предпринимательского мошенничества (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), ужесточили требования к размеру ущерба – от 10 тыс. рублей. Однако на практике сохраняется дисбаланс: аналогичные суммы в сделках между физическими лицами часто остаются в рамках гражданского права. Это порождает риски злоупотребления уголовными механизмами для давления на контрагентов, особенно в конкурентной среде.

Экономическая целесообразность сделки анализируется через призму рыночных условий. Если обязательства заведомо невыполнимы из-за завышенных

обязательств или отсутствия ресурсов, это свидетельствует о мошенничестве. Например, заключение договора на поставку товара, которого у продавца никогда не было, при одновременном получении аванса, квалифицируется как хищение. Напротив, банкротство компании из-за рыночных колебаний не образует состава преступления, даже если контрагенты понесли убытки.

Развитие цифровых технологий усложнило доказывание. Использование криптовалют, офшорных схем и автоматизированных платёжных систем позволяет мошенникам маскировать хищения под гражданские споры. В таких случаях суды ориентируются на косвенные признаки умысла: отсутствие попыток урегулирования конфликта, сокрытие активов, частую смену юридических лиц. Дифференциация мошенничества и гражданских правонарушений требует комплексного анализа не только условий договора, но и контекста его заключения. Сегодня формируются прецеденты, где ключевым аргументом становится не сам факт неисполнения, а доказательства систематического обмана, направленного на незаконное присвоение имущества.

Квалификация IT-мошенничества в российской правовой системе сталкивается с принципиальными сложностями, обусловленными стремительной цифровизацией преступных схем. Массовое использование социальной инженерии (20 млн звонков ежедневно) трансформирует традиционные признаки хищения: объектом обмана всё чаще выступают алгоритмы автоматизированных систем, а не конкретные физические лица.

Современные схемы базируются на гибридных технологиях, сочетающих психологическое манипулирование с автоматизацией атак. Например, подмена номеров через Telegram-боты позволяет имитировать звонки от банков и госорганов, тогда как ИИ-синтезированные голоса копируют тембр руководителей [11]. Такие методы ставят под сомнение применимость традиционных критериев прямого умысла, закреплённых в ст. 159.6 УК РФ.

Практика демонстрирует двойственность подходов к квалификации. С одной стороны, действия по взлому аккаунтов через фишинговые ссылки (70 тыс. заблокированных сайтов в 2024 г.) однозначно подпадают под ст. 159.6 УК РФ. С другой – автоматизированные рассылки с использованием криптовалютных кошельков и анонимных SIM-карт требуют доказывания цепочки «человеческого участия», что проблематично при работе ботов [12, С.115].

Законодательные пробелы проявляются в двух аспектах:

1. Технологический разрыв – нормы ст. 159.6 УК РФ не учитывают нейросетевые алгоритмы, генерирующие персонифицированный контент для каждой жертвы.

2. Доказательная база – 63,7% IT-преступлений связаны с анонимными транзакциями через платёжные агрегаторы, что исключает традиционные методы установления ущерба.

Предлагаемые пути адаптации включают:

- Введение презумпции умысла для операций с использованием подменных идентификаторов;

- Расширение понятия «компьютерная информация» в ст. 159.6 УК РФ за счёт API-интерфейсов;

- Обязательную фиксацию цифровых следов (логи звонков, метаданные мессенджеров) как самостоятельных доказательств.

Как пишет Н. Р. Шевко «Статистика 2023 года подтверждает актуальность проблемы: ущерб от IT-мошенничества превысил 150 млрд рублей, при этом 48,1% преступлений относятся к категории тяжких. Судебная практика постепенно формирует прецеденты, где ключевым критерием выступает алгоритмическая модель обмана, а не личность злоумышленника. Однако системное реформирование уголовных норм остаётся необходимым условием противодействия цифровым угрозам» [13, С.281].

В заключение, анализ квалификации мошенничества в российской правовой системе демонстрирует сложность и многогранность этой проблемы,

обусловленную пересечением традиционных уголовно-правовых подходов с новыми вызовами цифровой эпохи. Центральным аспектом остаётся необходимость чёткого разграничения мошенничества от смежных составов преступлений, таких как кража, подделка документов или гражданско-правовые нарушения. Эта задача осложняется не только разнообразием объективных и субъективных признаков, но и стремительным развитием технологий, которые трансформируют сами способы совершения преступлений.

Судебная практика показывает эволюцию подходов к квалификации преступлений, связанных с использованием поддельных платёжных карт, социальной инженерией и автоматизированными системами. Примеры дел, таких как дело № 22-1703/2018 или дело № 1-153/2019, иллюстрируют необходимость детального анализа обстоятельств каждого случая для установления умысла и точного определения состава преступления. Однако даже при наличии таких прецедентов сохраняются значительные пробелы в законодательстве, особенно в отношении IT-мошенничества. Современные схемы хищений всё чаще основываются на гибридных технологиях, где психологическое манипулирование сочетается с автоматизацией атак, что ставит под сомнение применимость традиционных критериев уголовной ответственности.

Особое внимание следует уделить вопросу значительного ущерба. Здесь наблюдается явная юридическая неопределённость: фиксированные денежные пороги часто вступают в противоречие с субъективными факторами имущественного положения потерпевшего. Это приводит к неоднородности судебной практики и дисбалансу в защите прав различных категорий граждан и предпринимателей. Кроме того, дифференциация между мошенничеством и гражданско-правовыми нарушениями остаётся одной из наиболее сложных задач для правоприменителей. Ключевым критерием здесь выступает доказательство прямого умысла на хищение имущества, что требует комплексного анализа преддоговорных обстоятельств и контекста заключения сделки.

Цифровизация преступных схем усиливает вызовы для правоприменительной системы. Массовое использование криптовалют, анонимных платёжных систем и нейросетевых технологий затрудняет установление умысла и причинно-следственной связи между действиями злоумышленника и наступившими последствиями. В этом контексте необходимы законодательные реформы, направленные на адаптацию норм УК РФ к современным реалиям. Например, введение презумпции умысла для операций с использованием подменных идентификаторов или обязательная фиксация цифровых следов могли бы существенно упростить процесс доказывания.

Таким образом, проблема квалификации мошенничества требует системного переосмысления как на уровне законодательства, так и в рамках судебной практики. Необходимы новые подходы к оценке ущерба, адаптация уголовно-правовых норм к цифровым технологиям и унификация критериев разграничения смежных составов преступлений. Только комплексный подход позволит эффективно противостоять вызовам современной криминальной среды и обеспечить справедливую защиту прав потерпевших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024): [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // КонсультантПлюс.
2. Рускевич Е. А. Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) от смежных составов преступлений // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2022. – №. 10 (98). – С. 118-126.
3. Об апелляции определении судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда от 15.02.2025 по делу № 22-1703/2018: апелляционное определение / Калининградский областной суд.

4. Кочои С. М. Мошенничество: теория и практика квалификации //Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №. 9 (118). – С. 59-66.
5. Вишнякова Н. В. Использование поддельного и подложного документа: проблема разграничения предметов преступлений, предусмотренных частями 3 и 5 статьи 327 УК РФ //Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – №. 2 (43). – С. 20-29.
6. Решение по делу № 1-153/2019 от 05.12.2019. – Текст: электронный // Sudact.ru. – 2019.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: постановление / Пленум Верховного Суда РФ. – Текст: электронный // КонсультантПлюс.
8. Определение размера причиненного вреда: статья / Прокуратура Спасского района. – Текст: электронный // Сайт Прокуратуры Спасского района. – URL: <https://spasskd.ru/index.php/organizatsii-goroda/prokuratura/8788-old-8788> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Толочанова А. П. К вопросу о разграничении мошенничества и гражданско-правовых отношений //НАУЧНЫЙ ЛИДЕР Учредители: Общество с ограниченной ответственностью Международный издательский дом "ВОРЛДСАЙПАБЛ". – 2021. – №. 38. – С. 131-133.
10. Сазонова М. Телефонное мошенничество: как противодействовать обману //Информационно-правовой портал Гарант.
11. Абдульмянова Т. В. Анализ состава преступления, предусмотренного статьи 159.6 УК РФ «мошенничество в сфере компьютерной информации» //Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – №. 4 (46). – С. 114-119.
12. Подваркова М. Ю. Некоторые проблемы разграничения гражданско-правовых отношений и уголовно наказуемого деяния, разграничения мошенничества со смежными составами преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием //Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – №. 7 (214). – С. 76-82.
13. Шевко Н. Р. Мошенничество в киберпространстве: реальный ущерб в виртуальном мире //Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – №. 3 (106). – С. 276-284.

THE MAIN DIFFICULTIES IN QUALIFYING FRAUD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Baranov A.V.

Research supervisor: Fomenko E.V.

The study is devoted to a comprehensive analysis of the problems of fraud qualification in Russian law enforcement practice. The emphasis is placed on the difficulties of differentiation with related crimes (theft, forgery of documents) and civil law violations, especially in the conditions of digitalization of criminal schemes. Through the prism of judicial precedents, the evolution of approaches to the interpretation of intent and methods of theft when using counterfeit payment cards, social engineering and automated systems is demonstrated. Special attention is paid to the contradictions in the assessment of significant damage: the combination of fixed amount thresholds (5,000 rubles for individuals, 25,000 rubles for sole proprietorships) with subjective criteria of the victims' property status. Methodological difficulties in proving direct intent in IT fraud, where psychological manipulation through neural networks and phishing attacks (150 billion rubles of damage in 2023) transforms the traditional signs of deception, are revealed.

Keywords: fraud qualification, criminal law differentiation, judicial practice, significant damage, IT-fraud, digital technologies, social engineering, corpus delicti, deceit and breach of trust, counterfeit payment cards, cryptocurrency transactions, phishing attacks.

УДК 343.76

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫХ С ПОДЖОГОМ

Бруевич Марина Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева;
SPIN-код: 4132-9967

Раянова Эльвира Талгатовна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
SPIN-код: 3956-8839

Платонов Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
SPIN-код: 1527-1203

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова; доцент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
SPIN-код: 5203-1404

Преступления, связанные с поджогом, представляют собой одну из самых серьезных угроз, как для имущества, так и для жизни человека. В статье приводится комплексное изучение проблемных моментов использования специальных знаний по преступлениям, связанных с поджогом. Подчеркивается особая роль специальных знаний при расследовании дел по поджогам. Описываются объекты исследования в процессе использования специальных знаний и детально рассматриваются виды экспертиз, проводимые по делам данной категории. Обращается особое внимание на важность правильного формулирования вопросов эксперту и соответствие их правовым требованиям. Делается вывод, что проблемные моменты, связанные с использованием специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с поджогом, являются многогранными и

требуют всестороннего подхода. Необходимость в квалифицированных специалистах, а также доскональном изучении всех обстоятельств дела подчеркивает важность комплексного подхода к расследованию таких преступлений.

Ключевые слова: специальные знания, доказательственная информация, поджог, специалист, эксперт, экспертиза, экспертное исследование, криминалистическая экспертиза, объекты исследования по делам о пожарах; формулировка вопросов, выносимых на разрешение эксперта.

Преступления, связанные с поджогом, представляют собой одну из самых серьезных угроз, как для имущества, так и для жизни человека. Эти действия могут вызывать значительные социальные и экономические последствия, включая жертвы среди людей и имущественные потери. Важно отметить, что для эффективного расследования таких преступлений требуется использование специальных знаний. Однако, несмотря на необходимость применения этих знаний, возникают определенные проблемные моменты, влияющие на качество и достоверность результатов расследования.

Доказательственная информация, получаемая в процессе использования специальных знаний, играет особую роль при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории, поскольку практически всегда пожары происходят в условиях неочевидности [3].

Одной из ключевых задач расследования поджогов чужого имущества является установление обстоятельств возникновения и развития горения. Это, как правило, невозможно без проведения ряда сложных экспертиз. Результат экспертного исследования механизма возникновения пожара служит основанием для правовой оценки доказательств [1]. Только после этого органом, проводящим расследование, устанавливаются причинные связи между указанными обстоятельствами и действиями людей.

Организация и порядок производства судебных экспертиз осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, Федеральным законом Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [10], Инструкцией по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы (утвержденной Приказом МЧС России от 19 августа 2005 года № 640), Приказом МВД России от 29 июня 2005 года № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», Приказом МВД России от 11 января 2009 года № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России». В УПК Российской Федерации производство судебной экспертизы регламентировано статьями 195–207 главы 27 УПК Российской Федерации [9].

Поскольку для пожара свойственны скрытность протекания процессов (особенно на начальной стадии), неоднозначность восприятия его признаков, первостепенное внимание необходимо уделять материальным следам пожара, составляющим наиболее объективную часть доказательственной базы [5].

По мнению Зернова С. И. объектами исследования по делам о пожарах (в частности, по поджогам) являются:

- деформированные и разрушенные строительные конструкции, поврежденные транспортные средства, обгоревшие предметы интерьера и строительные конструкции, следы копоти, следы прогара, пробы материала с участков под прогаром, противопожарный инвентарь, остатки сгоревших веществ;
- предметы, не обгоревшие и обгоревшие с сохранившимися следами взлома, пальцев рук, ног и т.д.;

- трупы и их останки;
- обгоревшие одежда и обувь на пострадавших;
- устройства пожарной сигнализации, средства пожаротушения, электронагревательные и отопительные приборы и устройства;
- предметы и материалы со следами горючих жидкостей;
- следы неисправной работы электрооборудования;
- документы, деньги, ценные бумаги [6, с. 99-100].

Расследование преступлений, связанных с пожаром, представляет собой сложный процесс, который требует применения специальных знаний из различных областей. Необходимость применения специальных знаний для выяснения обстоятельств в каждом конкретном случае решают суд или органы расследования, кроме тех случаев, когда проведение экспертизы обязательно по закону (статья 196 УПК Российской Федерации). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что назначение экспертизы зависит не от субъективного усмотрения, а от объективного характера устанавливаемых событий и каждый раз вытекает из материалов дела.

Важным моментом при назначении экспертизы является формулировка вопросов эксперту, так как она обуславливает направление, объем, характер, и пределы экспертного исследования. Поэтому они должны соответствовать некоторым требованиям: не могут быть разрешены без специальных познаний; не должны выходить за рамки компетенции эксперта; должны лежать в пределах возможностей его специальности; должны быть конкретно, четко и ясно сформулированы для уяснения целей исследования.

Изучение практики показало, что по делам о поджогах в основном проводятся пожарно-технические, электротехнические, криминалистические, судебно-химические, судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы.

Пожарно-техническая экспертиза проводится в целях «установления обстоятельств возникновения и развития горения, что является одной из ключевых задач при расследовании уголовных дел о пожарах» [2, с. 60].

Изучение следственной и судебной практики показывает, что в основном по каждому уголовному делу о поджоге чужого имущества назначалась пожарно-техническая экспертиза.

Это связано с тем, что заключение данной экспертизы оказывает определяющее влияние на решение вопроса о причине пожара, а в частности, о наличии поджога или его отсутствии [8, с. 38].

Криминалистическая экспертиза назначается для исследования различного рода следов и предметов с целью установления личности поджигателя и обстоятельств происшедшего пожара. Объектами исследования могут быть следы рук, ног, обуви (при установлении личности поджигателя), пули, гильзы, части различных предметов (при установлении целого по частям), бумага, ветошь, фитили и т.п. (при установлении групповой, родовой и видовой принадлежности предметов) и др.

Криминалистическая экспертиза при расследовании поджогов представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, включающий в себя исследование места происшествия, сбор улик, лабораторные анализы и психологические исследования. Комплексный подход, соединяющий все эти компоненты, позволяет не только установить личность поджигателя, но и выяснить обстоятельства, предшествовавшие преступлению. Значение такой экспертизы невозможно переоценить, так как она способствует не только раскрытию дел и привлечению виновных к ответственности, но и профилактике повторных преступлений в будущем.

Дактилоскопическая экспертиза позволяет «выявить на представленных объектах потожировые отпечатки папиллярных линий, установить их пригодность для идентификации и принадлежность конкретному лицу» [2, с. 61].

Данной экспертизой чаще всего решаются следующие вопросы: имеются ли на представленном объекте следы рук, пригодны ли они для идентификации; какой рукой

и какими пальцами (участком ладони) оставлены следы на данном предмете; как давно оставлены следы рук; принадлежат ли следы рук одному или нескольким лицам; не оставлены ли следы рук конкретным лицом (лицами) и т.д.

Судебно-баллистическая экспертиза назначается в случаях, когда при осмотре места пожара, обнаруживают огнестрельные повреждения на теле и одежде живых лиц или трупа. Исследования в таких случаях проводятся с целью установления групповой принадлежности и идентификации оружия и боеприпасов, а также выяснения условий, при которых было нанесено огнестрельное повреждение.

Указанная экспертиза позволяет ответить на следующие вопросы: является ли повреждение на пораженном объекте огнестрельным, образовано ли оно пулей (дробью, картечью и т.д.); выстрелом из оружия какого вида и образца (модели) образовано повреждение; с какого расстояния был произведен выстрел в данный объект; к какому виду, типу, образцу относится патрон и в каком оружии он может быть использован для стрельбы; из оружия какого вида, системы, образца выпущена данная пуля (гильза) и т.д.

Судебно-баллистическая экспертиза при расследовании пожаров с огнестрельными повреждениями представляет собой сложное и многогранное направление криминалистики. Она играет ключевую роль в установлении обстоятельств преступления, способствует генерации правовых подтверждений и выявлению фактической связи между огнестрельными повреждениями и поджогом.

Путем проведения почвоведческой экспертизы устанавливается родовая принадлежность исследуемых почвенных наслоений конкретному участку местности. Совершенствование методов анализа и расширение базы знаний в области почвоведения повышают эффективность экспертизы.

Такое исследование осуществляется в лабораторных условиях биологическими методами (анализируется температура и влажность почвы, выявляются специфические микроорганизмы). Почвоведческая экспертиза является может стать важным инструментом в расследовании пожаров, позволяющим установить принадлежность почвы данной местности. Однако, по исследуемым делам данная экспертиза проводится в единичных случаях.

Судебно-химическая экспертиза назначается тогда, когда возникают вопросы, касающиеся качественного и количественного состава горючей жидкости, вещества сгоревшего предмета, названия и свойства какого-либо вещества, содержания горючих жидкостей в вещественных доказательствах, золе, пепле, возможности самовозгорания тех или иных веществ. Объектами исследования чаще всего бывают вещества неизвестного происхождения, обнаруженные в очаге возникновения пожара, предметы со следами горючей жидкости, зола, пепел и т.д.

Данной экспертизой чаще всего решаются следующие вопросы: есть ли горючие жидкости на представленных объектах, и каков состав этих жидкостей; что из себя представляют вещество или сгоревший объект, обнаруженные на месте пожара; относится ли представленная жидкость к группе легковоспламеняющихся жидкостей, каковы ее химический состав и марка и т.д.

Назначение судебно-медицинской экспертизы для установления причин смерти и характера телесных повреждений является обязательным при наличии жертв и пострадавших на месте пожара. Посредством ее проведения разрешаются следующие вопросы: когда и по какой причине наступила смерть; наступила ли она от ожогов или других причин; подвергался воздействию огня живой человек или труп и др.

Такая экспертиза может назначаться и для освидетельствования живых лиц (чаще всего подозреваемых в поджоге).

В тех случаях, когда у следователя (дознавателя), возникает сомнение в психической полноценности подозреваемого или обвиняемого, он обязан направить его на судебно-психиатрическую экспертизу (амбулаторную или стационарную). Амбулаторная экспертиза дает заключение о психическом

состоянии на основании изучения материалов уголовного дела, истории болезни и однократного обследования лица, а стационарная производится в психоневрологическом учреждении на основании продолжительного наблюдения за поведением испытуемого.

На разрешение экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

- не является ли испытуемый душевнобольным и не нуждается ли он в связи с этим в применении к нему мер медицинского характера;
- было ли обследуемое лицо вменяемо в момент совершения поджога и могло ли оно оценивать свои действия или руководить ими;
- соответствует ли психическое состояние лица, данным о его заболевании, содержащимся в истории болезни, заведенной до совершения им преступления (при наличии сведений о симуляции обвиняемым психического заболевания)?

Здесь следует привести характерный пример. Некий гражданин Я. неоднократно, с помощью принесенной бутылки с бензином, поджигал дверь квартиры бывшей сослуживицы И. В очередной раз он был задержан на месте преступления соседями потерпевшей. Гражданин Я. объяснял мотивы совершенного преступления тем, что И., когда они вместе работали, «подливала ему в чай клофелин, после чего у него начались галлюцинации».

В отношении Я. была произведена судебно-психиатрическая экспертиза, на которую были поставлены следующие вопросы:

- 1) страдает ли Я. хроническим или временным психическим расстройством, либо болезненным состоянием психики;
- 2) нуждается ли в применении принудительных мер медицинского характера;
- 3) каковы индивидуальные психологические особенности Я.;
- 4) оказали ли они существенное влияние на его поведение в момент инкриминируемых деяний?

В результате полученного заключения было установлено, что Я. страдает хроническим психическим расстройством в форме шизофрении галлюцинозно-параноидной [8].

Некоторое количество поджогов совершается так называемыми пироманами. Здесь необходимо отметить тот факт, что судебно-психиатрическая оценка действий такого лица определяется не наличием факта влечения к поджогам без цели нанесения ущерба, а наличием или отсутствием у него психического заболевания.

Поэтому в ходе исследования были выявлены случаи, когда конкретное лицо признавалось на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы вменяемым с формулировкой о том, что «его влечение к поджогам носило хоть и навязчивый, но все же преодолимый характер».

В таких случаях судебно-медицинская экспертиза приобретает особую важность, так как она обеспечивает глубокое понимание причин возгорания и помогает установить факты, имеющие юридическую значимость.

Электротехническая экспертиза играет ключевую роль в установлении причин возгорания, особенно когда пожар мог быть вызван неосторожным обращением с электрическим оборудованием или преднамеренными действиями. Электротехническая экспертиза назначается «в целях установления причин и обстоятельств возникновения аварийных режимов работы, причастности объектов сети и включенного в нее оборудования к возникновению пожара» [2, с. 64].

Объектами экспертизы являются электрооборудование, электроприборы, их части, фрагменты электропроводов и кабелей, устройства электрозащиты (плавкие предохранители, автоматические выключатели и др.), светотехнические и электротехнические изделия.

Посредством данной экспертизы решаются следующие вопросы диагностического характера: находится ли электроустановка, электроприбор в исправном состоянии, если нет, то каковы причины неисправности; возникли ли неисправности в результате нарушения технологии изготовления, неправильной эксплуатации либо по иным причинам; имеются ли следы изменений, переделок в

узлах и деталях устройства электрозащиты, и если имеются, то каким образом это отразилось на ее характеристиках; имеются ли на представленных объектах или вещественных доказательствах следы и признаки аварийных явлений и т.п.

В заключение статьи необходимо отметить, что успешные проблемные моменты, связанные с использованием специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с поджогом, являются многогранными и требуют всестороннего подхода. Необходимость в квалифицированных специалистах, а также доскональном изучении всех обстоятельств дела подчеркивает важность комплексного подхода к расследованию таких преступлений. Для повышения эффективности работы органов, проводящих расследование, важным является не только профессиональная подготовка специалистов, но также развитие научной базы и практических навыков в области расследования преступлений, связанных с поджогом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруевич, М. Ю. Особенности построения и проверки следственных версий при планировании расследования по преступлениям, связанным с пожаром / М. Ю. Бруевич, А. В. Зуев, А. В. Платонов // Российский следователь. – 2022. – № 3. – С. 3-8.

2. Бруевич, М. Ю. Получение доказательственной информации в процессе использования специальных знаний по преступлениям, связанным с поджогом / М. Ю. Бруевич // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября – 01 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 58-66.

3. Галишев М.А. и др. Пожарно-техническая экспертиза. СПб., 2014. 352 с.

4. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics/> (Дата обращения: 14.02.2025)

5. Зеленский В.Д. Роль следственных органов организации по расследованию / В.Д. Зеленский // Вклад Л.Я. Драпкина в криминалистическую науку: Материалы Всероссийского научно-практического круглого стола (г. Екатеринбург, 1 ноября 2019 г.): сборник научных статей / ответственный редактор Д.В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 128-133.

6. Зернов С. И. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. С. 99–100.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 года № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем».

8. Уголовное дело № 382623. Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

9. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=m8jq4jwpug859036976 (Дата обращения: 28.02.2025)

10. Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/?ysclid=m8jqeqftlw216185546 (Дата обращения: 21.02.2025)

**PROBLEMATIC ASPECTS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE
ON CRIMES RELATED TO ARSON**

Bruevich M.Yu., Rayanova E.T., Platonov A.V., Zuev A.V.

Arson crimes pose one of the most serious threats to both property and human life. The article provides a comprehensive study of the problematic aspects of using specialized knowledge in arson crimes. The special role of specialized knowledge in investigating arson cases is emphasized. The objects of study in the process of using specialized knowledge are described and the types of examinations conducted in cases of this category are considered in detail. Particular attention is paid to the importance of correctly formulating questions to the expert and their compliance with legal requirements. It is concluded that the problematic aspects associated with the use of specialized knowledge in investigating arson crimes are multifaceted and require a comprehensive approach. The need for qualified specialists, as well as a thorough study of all the circumstances of the case, emphasizes the importance of a comprehensive approach to the investigation of such crimes.

Keywords: special knowledge, evidentiary information, arson, specialist, expert, examination, expert research, forensic examination, objects of research in fire cases; formulation of questions submitted for resolution by the expert.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ганиева Ирада Аллахвердиевна

Майор полиции, преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института МВД России

Обеспечение защиты прав и свобод граждан, особенно в отношении которых применены меры пресечения, является одной из важнейших задач государства. Высокий уровень преступности требует частого использования мер уголовно-процессуального принуждения, что делает совершенствование правовой базы в этой области весьма актуальным. Проблемы правовой регламентации института мер пресечения напрямую влияют на правоприменительную практику и степень защиты прав граждан.

Социально-экономические изменения в стране требуют переосмысления некоторых аспектов законодательства. Автор приходит к выводу, что правовая регламентация мер пресечения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ требует уточнений. Комплексный подход, включающий в себя законодательные изменения и совершенствование правоприменительной практики, позволит обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, досудебная стадия, преступность, подозреваемый, обвиняемый, залог, домашний арест.

Меры пресечения в уголовном процессе – это средства процессуального принуждения, применяемые к обвиняемому, подозреваемому или даже подсудимому для обеспечения надлежащего судопроизводства. Они призваны предотвратить совершение новых преступлений, воспрепятствовать сокрытию доказательств, обеспечить явку обвиняемого в суд и гарантировать безопасность для свидетелей и других участников судопроизводства.

Важно понимать, что меры пресечения, применяемые к подозреваемым и обвиняемым, носят предупредительный характер и не являются наказанием. Меры пресечения, в отличие от наказаний, представляют собой превентивные принудительные меры, применяемые уполномоченными лицами (следователем, дознавателем или судом) на основе строгого соблюдения закона.

Практика применения мер пресечения на досудебной стадии уголовного процесса сопряжена с рядом проблем.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет основания избрания мер пресечения, их виды, порядок отмены, однако само определение мер пресечения в нем не закреплено. Отсутствие законодательного определения понятия «меры пресечения» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ приводит к неоднозначной трактовке и применению данного института, что негативно отражается на правоприменительной деятельности. Неясность правовой регламентации влечет за собой сложности в понимании закона и, как следствие, нарушение прав обвиняемых (подозреваемых).

Для устранения существующей правовой неопределенности предлагается дополнить статью 5 УПК РФ следующим определением: «Меры пресечения – это принудительные меры, применяемые к обвиняемому (подозреваемому) следователем (дознавателем) или судом на основании и в порядке, установленном УПК РФ, с целью предотвратить его уклонение от следствия (дознания) или суда, продолжение преступной деятельности, создание препятствий для расследования, а также обеспечить исполнение приговора».

Существующие проблемы обусловлены не только несовершенством правового регулирования, но и недостаточной дифференциацией подходов к их применению в зависимости от стадии уголовного процесса и категории обвиняемых. Например, меры пресечения, эффективные в отношении одного лица, могут быть нерезультативны для другого.

Отсутствие ясных и исчерпывающих критериев для выбора конкретной меры пресечения, а также нечеткая регламентация порядка их применения, способствуют произволу и злоупотреблениям. Возникают ситуации, когда принудительные меры, призванные обеспечить надлежащее поведение участников процесса, фактически становятся инструментом давления и ограничения прав.

Одна из мер пресечения, при избрании которой возникают спорные моменты – залог (ст. 106 УПК РФ). Отличительной чертой залога является его имущественный характер, сопряженный с риском отрицательных финансовых последствий для обвиняемого (подозреваемого). Несмотря на установленный законодателем минимальный размер, на практике возникают сложности в определении адекватной суммы залога, что порождает вопросы о справедливости и обоснованности его применения [11, с.101].

Субъективный характер оценки имущества влечет за собой коррупционные риски, что объясняет меньшую популярность залога в виде имущества по сравнению с внесением денежных средств. Кроме того, минимальный размер залога часто непосилен для обвиняемого (подозреваемого). Некоторые граждане не могут внести залог даже в минимальном размере, что ставит под сомнение справедливость заключения под стражу только из-за неспособности внести залог [6, с.99]. Правоприменителем не всегда учитывается реальное имущественное положение обвиняемого (подозреваемого), что может привести к несоразмерности меры пресечения тяжести инкриминируемого деяния.

Полагаем необходимо более детальное законодательное регулирование, устанавливающее объективные критерии определения размера залога дабы избежать возможных злоупотреблений и обеспечить соблюдение прав обвиняемых (подозреваемых).

Предлагаем изменить ч. 3 ст. 106 УПК РФ, включив в данную норму в качестве критерия определения размера залога имущественное положение обвиняемого (подозреваемого) с возможностью снижения минимальной суммы в обоснованных случаях. Кроме того, целесообразно исключить применение залога в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, из-за их высокой общественной опасности, оставив данную меру пресечения преимущественно для экономических преступлений.

Следующая мера пресечения – заключение под стражу – наиболее строгая и требующая тщательного обоснования, выходящего за рамки простого подозрения в совершении преступного деяния. Для ее применения необходимо наличие дополнительных достоверных сведений, подтверждающих необходимость именно этой меры. Суд обязан убедиться в наличии реальной угрозы, а не просто потенциальной вероятности ненадлежащего поведения обвиняемого.

Основная проблема – объективная оценка рисков сокрытия от следствия/суда, воспрепятствования расследованию и продолжения преступной деятельности. Так, наличие у лица загранпаспорта не может свидетельствовать о его намерении скрыться от следствия, но объективно позволяет это сделать. Следует установить наличие реальных планов обвиняемого (подозреваемого) скрыться: билеты на самолет, наличие денежных средств, проживание

родственников за рубежом, попытки продажи имущества и т.п. Следователь должен обосновать вероятность того, что обвиняемый может покинуть пределы страны.

Оценка риска препятствования расследованию (уничтожение доказательств, угрозы) должна основываться на конкретных фактах. Например, показания свидетелей об угрозах, наличие информации о предпринятых попытках уничтожения доказательств (попытки связаться со свидетелями с целью их запугивания, обнаружение попыток уничтожить улики), данных о контактах обвиняемого с другими лицами, которые могут содействовать уничтожению доказательств. Обоснование должно строиться на объективных доказательствах, а не на предположениях.

Оценка вероятности продолжения преступной деятельности требует комплексного анализа личности обвиняемого, его социальных связей и взаимодействия с криминальными структурами. Следователь должен оценить следующую информацию:

- характер преступления (является ли оно частью более масштабной преступной деятельности);
- социальные связи (имеет ли обвиняемый связи с криминальными структурами, существуют ли основания полагать, что он может вовлечь других лиц в преступную деятельность);
- личность обвиняемого (какова его криминальная история, намерения и мотивация);
- факторы риска рецидива (существуют ли данные, указывающие на вероятность совершения им новых преступлений).

Защитник, в свою очередь, должен активно собирать и предоставлять информацию, опровергающую наличие этих рисков: характеристики с места работы или жительства, свидетельства о социальной адаптации, информацию о его семейном положении и т.д. [3, с.58].

Необходимость заключения лица под стражу должно быть обосновано не абстрактными опасениями, а конкретными доказательствами наличия реальных рисков. Отсутствие таких доказательств делает применение этой меры незаконным.

Применение заключения под стражу без достаточных оснований нарушает презумпцию невиновности и права человека на свободу [5, с.374]. Для решения этой проблемы необходимы более четкие критерии оценки рисков, учитывающие индивидуальные обстоятельства каждого дела и исключающие предвзятость. Следует разработать и внедрить методические рекомендации по применению заключения под стражу, акцентируя внимание на необходимости обоснования каждого конкретного случая и привлечения дополнительных доказательств, что обеспечит более справедливое применение мер пресечения.

При решении вопроса о применении мер пресечения важно помнить об исключительности исследования в судебном заседании вопросов обоснованности избрания меры пресечения, не затрагивая информацию, исследуемую при производстве в суде первой инстанции.

В качестве альтернативы заключению под стражу уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого) домашнего ареста. Данная мера пресечения призванная сократить переполненность СИЗО, пока не стала полноценной альтернативой заключению под стражу, несмотря на усилия законодателя и разъяснения Верховного Суда.

Одной из проблем при применении меры пресечения в виде домашнего ареста является выбор места его исполнения, а именно определение соответствия места регистрации и проживания обвиняемого (подозреваемого), срока действия договора аренды, а также соответствия места жительства потребностям следствия.

Определенные сложности возникают в связи с необходимостью учета удаленности места жительства от органов следствия и суда, а также получения согласия от совместно проживающих лиц. Не все сожители готовы к контролю со стороны уголовно-исполнительных инспекций, что ставит под сомнение

эффективность данной меры пресечения. Кроме того, возможность посещения родственников и других лиц может быть использована обвиняемым (подозреваемым) для неправомерных действий.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ необходимо изложить четкий перечень требований к месту исполнения домашнего ареста, предусмотрев процедуру получения письменного согласия собственника на применение данной меры пресечения в его жилом помещении. Следует разработать типовую форму заявления/согласия для всех заинтересованных лиц, а также унифицировать список необходимых документов. Кроме того, важно уточнить порядок контроля за посещениями и контактами с третьими лицами.

В качестве альтернативного варианта рассмотреть возможность использования других мест для исполнения домашнего ареста, например, специально оборудованных помещений под контролем соответствующих органов, в случаях, когда выбор жилья обвиняемого невозможен или нежелателен [1, с.486].

Обратим внимание, что в 2018 году в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, которые ужесточили режим домашнего ареста, фактически запретив подозреваемым (обвиняемым) покидать жилое помещение. Данное нововведение противоречит статье 41 Конституции РФ, гарантирующей право на охрану здоровья, поскольку полная изоляция отрицательно влияет на физическое и психологическое состояние человека. Даже осужденные к пожизненному лишению свободы имеют право на ежедневные прогулки (ст. 127 УИК РФ), в то время как лица, находящиеся под домашним арестом, лишены такой возможности.

Полный запрет на выход из помещения при домашнем аресте является чрезмерно жесткой мерой, не учитывающей необходимость физической активности для поддержания здоровья. В связи с чем для достижения баланса между необходимостью обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и соблюдения его конституционных прав, предлагается внести дополнение в статью 107 УПК РФ, предусмотрев право на ежедневную прогулку в течение двух часов для лиц, находящихся под домашним арестом. Это позволит смягчить режим домашнего ареста, не снижая при этом его эффективности в предотвращении возможных нарушений со стороны обвиняемого [2, с.247].

Совершенствование законодательства призвано улучшить защиту прав граждан, однако данный процесс порождает новые вопросы в правоприменительной практике. В качестве примера следует выделить принятую относительно недавно статью 105.1 УПК РФ, предусматривающую введение такой меры пресечения как запрет определенных действий. Введение запрета определённых действий как менее строгой меры, чем домашний арест, создало коллизию в иерархии мер пресечения. Запрет, по своему содержанию (ч. 7 ст. 107 УПК РФ отсылает к ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), фактически шире, чем домашний арест, что нарушает логическую последовательность (запрет предшествует заложу, а не следует за домашним арестом). Более логичным было бы изменить порядок следования мер пресечения, расположив запрет определённых действий после домашнего ареста.

Если говорить о практике применения запрета определённых действий, то стоит отметить проблему, связанную с нежеланием правоохранительных структур применять данную меру. Лица, проводящие предварительное расследование по уголовному делу, считают её неэффективной для обеспечения нормального хода уголовного процесса и не гарантирующей безопасность потерпевших и свидетелей [10, с.131]. Кроме того, существует недоверие к качеству контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций за соблюдением наложенных запретов.

В конечном счете, преобладают более строгие меры – домашний арест и заключение под стражу, несмотря на государственную политику, направленную на снижение числа ограничивающих конституционные права мер пресечения. Высокий процент рецидивистов среди преступников также способствует выбору мер с обязательной изоляцией [8, с.173].

Очевидна необходимость усиления ресурсов и возможностей уголовно-исполнительных инспекций, включая активное использование современных технологий мониторинга, повышение квалификации сотрудников и усиление ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей.

Разработка строгих критериев применения запрета определенных действий, учитывающих специфику преступлений и личности обвиняемого позволит повысить эффективность применения данной меры пресечения [7, с.54].

Разнообразие мер пресечения обеспечивает индивидуальный подход к каждому обвиняемому, позволяя выбирать наиболее эффективную меру для достижения целей уголовного судопроизводства. Однако несмотря на потенциальную гибкость системы мер пресечения, некоторые из них практически не применяются из-за организационных сложностей и неоднозначного законодательного определения, например, личное поручительство (ст. 103 УПК РФ).

Личное поручительство предполагает ответственность поручителя за явку обвиняемого и не препятствование осуществлению правосудия. При этом правоприменитель сталкивается с проблемой определения критериев, которым должно соответствовать «доверенное лицо». Поручитель находится в особых отношениях с обвиняемым (подозреваемым), но одновременно должен вызывать доверие у правоохранительных органов, что требует тщательной оценки его личности (характеристика, социальный статус, трудовая деятельность). Необходимо законодательно закрепить требования к поручителю (дееспособность, совершеннолетие, независимость от обвиняемого), а также активнее использовать эту меру пресечения, особенно когда подписка о невыезде и надлежащем поведении неприменима [4, с.95].

В рамках рассмотрения проблем применения мер пресечения стоит затронуть вопрос их эффективности в условиях военного положения, введенного в настоящее время в ряде субъектов РФ.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает восемь мер пресечения, которые, согласно Федеральному закону от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ, должны применяться и в условиях военного положения. Однако, эффективность этих мер вызывает серьезные сомнения поскольку меры пресечения, применяемые в мирное время, могут быть недействительны и даже опасны в условиях боевых действий. Так, например, контроль за соблюдением подписки о невыезде и надлежащем поведении практически невозможен в зоне боевых действий из-за разрушенной инфраструктуры, отсутствия стабильной связи и реальной угрозы жизни и здоровью как обвиняемого (подозреваемого), так и контролирующих органов.

Найти лиц, которые в условиях военного положения могут взять на себя поручительство и одновременно гарантировать явку обвиняемого (подозреваемого) в суд, крайне сложно.

Обеспечение безопасности и контроля за несовершеннолетним обвиняемым в условиях военного положения практически невозможно из-за общей нестабильной обстановки и риска для жизни и здоровья.

Применение запрета определённых действий также проблематично в условиях военного положения из-за ограниченных возможностей контроля и повышенного риска для обвиняемого (подозреваемого). Кроме того, вынесение судебного решения по данной мере может быть затянута из-за сложности функционирования судебной системы в условиях военного положения [9, с.194].

В целом, применение стандартных мер пресечения в условиях военного положения может повлечь за собой:

- снижение эффективности расследования (из-за сложностей контроля за обвиняемым, он может скрыться, продолжить преступную деятельность или воспрепятствовать расследованию);

- угрозу безопасности (нахождение обвиняемого в населенном пункте под действием меры пресечения может представлять опасность для его жизни и здоровья из-за боевых действий);

- перегрузку правоохранительных органов (контроль за соблюдением мер пресечения в сложных условиях требует значительных ресурсов и отвлекает силы правоохранительных органов от более важных задач).

Следовательно, необходимо пересмотреть подход к выбору мер пресечения в условиях военного положения. Нужны новые механизмы, адаптированные к специфике экстремальной ситуации, которые бы гарантировали эффективность уголовного судопроизводства, соблюдение прав человека и безопасность участников процесса. Возможно, потребуется временное изменение или дополнение УПК РФ, позволяющее использовать альтернативные, более эффективные в данных условиях механизмы.

Помимо обозначенных проблем при применении мер пресечения на досудебных стадиях уголовного процесса можно также выделить следующие проблемы общего характера:

- частое применение мер, ограничивающих свободу обвиняемого (подозреваемого), несопоставимые с тяжестью инкриминируемого преступления и риском его сокрытия;
- затягивание сроков содержания под стражей без достаточных на то оснований;
- недостаточный контроль за законностью и обоснованностью применения мер пресечения, приводящий к злоупотреблениям;
- неравные возможности обвиняемых (подозреваемых) в получении квалифицированной юридической помощи;
- сложности и неэффективность процедуры обжалования незаконных мер пресечения.

Для решения проблем полагаем необходимо:

- разработать более четкие и конкретные критерии, позволяющие объективно оценить необходимость и соразмерность применения тех или иных мер пресечения;
- повысить роль суда в контроле за законностью применения мер пресечения, обеспечив более оперативное рассмотрение жалоб;
- обеспечить обвиняемым (подозреваемым) равный доступ к квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной;
- упростить и ускорить процедуру обжалования незаконных мер пресечения, обеспечив возможность быстрого и эффективного реагирования на нарушения прав обвиняемых (подозреваемых);
- усилить ответственность должностных лиц за незаконное применение мер пресечения.

Таким образом, необходимо совершенствовать правовое регулирование мер пресечения в УПК РФ, обеспечив четкие критерии применения каждой из них с учетом конкретных обстоятельств дела. Только комплексный подход к решению этих проблем позволит повысить эффективность уголовного судопроизводства и обеспечить соблюдение прав и свобод всех его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксалова, А.М. отдельные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста / А. М. Баксалова, М. Д. Гурова // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 9(72). – С. 485-489.

2. Бутакова, Е.С. Мера пресечения в виде домашнего ареста: проблемы теории и практики применения / Е. С. Бутакова // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 2. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – С. 246-249.

3. Заморева, И. С. Заключение под стражу: проблемы и перспективы / И. С. Заморева // Научные высказывания. – 2023. – № 13(37). – С. 57-59.

4. Коновалова, М. А. К вопросу избрания и применения меры пресечения в виде личного поручительства / М. А. Коновалова // Эпомен. – 2022. – № 74. – С. 91-99.
5. Лябаева, Н.А. Характеристика мер пресечения, избираемых по судебному решению, виды и проблемы применения / Н. А. Лябаева // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 11(68). – С. 373-384.
6. Маколдин, Т.А. залог как мера пресечения / Т.А. Маколдин, Л.Р. Амичба // Моя профессиональная карьера. – 2024. – Т. 1, № 66. – С. 98-103.
7. Осколков, А.В. Запрет определенных действий: актуальные проблемы применения / А. В. Осколков // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98-4. – С. 53-57.
8. Рамазанов, Т.Б., Керимова, А.Р. Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе / Т.Б. Рамазанов, А.Р. Керимова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 42. № 2. – С. 172-176.
9. Сафронов, Д.М. Правовое регулирование применения мер пресечения в условиях военного положения: вопросы и проблемы / Д. М. Сафронов // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 193-197.
10. Тимошкина, В.А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения / В.А. Тимошкина // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4 (50). – С. 130-134.
11. Цимбалюк, К. В. Проблемы применения залога как меры пресечения / К. В. Цимбалюк, Е. Ф. Лукьянчикова // Приднепровский научный вестник. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 98-102.

PROBLEMS OF APPLYING PREVENTIVE MEASURES IN THE CRIMINAL PROCESS

Irada Ganieva

Ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens, especially those against whom preventive measures have been applied, is one of the most important tasks of the state. The high crime rate requires frequent use of measures of criminal procedural coercion, which makes the improvement of the legal framework in this area very relevant. The problems of legal regulation of the institution of preventive measures directly affect law enforcement practice and the degree of protection of citizens' rights.

Socio-economic changes in the country require a rethink of some aspects of legislation. The author concludes that the legal regulation of preventive measures in the criminal procedure code of the Russian federation requires clarification. An integrated approach, including legislative changes and improvement of law enforcement practice, will ensure effective protection of citizens' rights and freedoms at the pre-trial stages of the criminal process.

Keywords: criminal proceedings, preventive measures, pre-trial stage, crime, suspect, accused, bail, house arrest.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Игушева Анна Алексеевна

Студент,

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
город Новокузнецк, Российская Федерация
SPIN-код 1714-4502

Липунова Лариса Викторовна

Заместитель декана по учебной работе, кандидат исторических наук,
доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
город Новокузнецк, Российская Федерация
SPIN-код 1714-4502

Данная статья посвящена вопросу о правовом обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних. В связи с динамично развивающимися информационными технологиями стали возникать проблемы, касающиеся возникновения антиобщественной и непристойной информации, которая, в свою очередь, оказывает негативное влияние на лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Исследуются нормы международного права в области защиты прав детей в информационном обществе и имплементация данных положений в российскую правовую систему. Анализируются существующие нормативно-правовые акты, регулирующие защиту детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, распространяемой в средствах массовой информации, социальных сетях общего пользования и сети Интернет. Автор выделяет основные правовые и практические способы, направленные на предотвращение распространения информации, содержащей в себе насилие, жестокость, неуважение к семье, элементы суицидального, аморального, криминального поведения. Предлагаются рекомендации по повышению правовой грамотности несовершеннолетних с помощью эффективного участия их родителей и педагогов образовательных учреждений. Подчеркивается необходимость дальнейшего комплексного, научного и практического изучения рассматриваемых проблем для обеспечения безопасной цифровой среды несовершеннолетним.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, защита, информация, информационная безопасность, органы государственной власти, родители, ответственность.

В современном мире информационно-коммуникативные процессы являются не только способом познания окружающего мира, но и способствуют развитию личности. Телевидение, радио, социальные сети, сайты в сети «Интернет» существенно влияют на человека. В связи с отсутствием территориальных границ и анонимностью размещения информации в информационном пространстве существует множество непристойной и негативной информационной продукции.

Скрытая и явная реклама алкоголя, табачной продукции, наркотических и психотропных веществ, распространение порнографии, информации, содержащей в себе насилие, жестокость, неуважение к семье, ведёт к неосознанному желанию несовершеннолетних подражать этому, появлению вредных привычек, отсутствию страха и безнаказанности. Пропаганда суицидального, аморального, криминального поведения способствует совершению общественно-опасных деяний и наносит вред духовному и нравственному развитию детей.

В связи с этим, стоит острая проблема в защите несовершеннолетних от тех видов информации, которая распространяется с использованием СМИ, социальных сетей общего пользования, при обороте рекламной продукции, компьютерных игр, видео- и аудио- сообщений и материалов и все чаще оказывает на детей психотравмирующее воздействие, побуждает к агрессивному и антиобщественному поведению [1, С. 30]. Нам стало интересно узнать, как осуществляется защита детей от вредной информации законодателем и правоприменителем.

В конце 80-х годов двадцатого века в рамках института защиты прав и свобод человека была принята Конвенция о правах ребёнка резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи. Данный документ в статье 13 провозглашает, что каждый ребёнок может свободно искать, получать и передавать информацию независимо от формы её выражения. Согласно статье 17 данной Конвенции Государства-участники поощряют разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию [2].

Нельзя не сказать, что данная Конвенция оказала большое влияние на формирование права несовершеннолетних на защиту от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию как в международном праве, так и в национальных законодательствах.

Так, Конституция Российской Федерации (РФ) от 12.12.1993 года в части 4 статьи 29 провозглашает, что каждый имеет право свободно искать, получать и распространять информацию любыми законными способами. Однако, в статье 38 закреплено, что детство находится под защитой государства [3]. Данные положения Основного закона РФ подтверждают прогрессивные тенденции развития правового государства и особую ценность несовершеннолетних.

Право детей на защиту от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию впервые закрепляется в статье 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 года. Данная статья указывает, что органы государственной власти обязаны принимать меры по защите детей от информации, которая наносит им вред [4]. Положения вышеупомянутой статьи способствовали развитию и закреплению основных норм и мер ответственности в сфере защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью, духовному и нравственному развитию.

Существенным шагом вперёд явилось принятие Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 года. Данный закон является отражением того, что государство как гарант защиты прав ребенка начинает предпринимать конкретные шаги в такой важнейшей области, как защита несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Положения данного закона закрепляют виды информации, запрещённой для распространения среди детей и ограниченной для определённых возрастных категорий. Устанавливает общие требования к обороту информационной продукции, порядок надзора за

соблюдением законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью или развитию, а также ответственность в данной сфере [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что установленные нормы учитывают современное состояние общества и способствуют организации и проведению эффективных мер со стороны органов государственной власти.

Так, согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 года в целях ограничения доступа к сайтам в сети "Интернет", содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" [6].

Согласно пункту 32 Указа Президента РФ «О стратегии комплексной безопасности детей в РФ на период до 2030 года» от 17.05.2023 года органы государственной власти, органы местного самоуправления, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченный по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и институты гражданского общества обязаны выявлять и пресекать угрозы информационной безопасности детей, реализовывать мероприятия в сфере информационной безопасности для детей и их родителей (законных представителей), педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, способствовать формированию у детей навыков самостоятельного, осознанного и ответственного использования информационной продукции и другое [7].

На основании Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», утверждённый постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 года устанавливается порядок и осуществление федерального государственного контроля. Органы проводят такие профилактические мероприятия, как информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование и профилактический визит. Государственный контроль (надзор) осуществляется посредством проведения документарных и выездных проверок [8].

В соответствии с пунктом 2.1.2. Приказа Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» от 13.12.2021 года органам прокуратуры необходимо осуществлять системный надзор за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, добиваясь ограничения в установленном порядке доступа к такой информации и привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответственности [9].

Стоит отметить, что Рекомендации Роскомнадзора по применению ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» от 04.09.2012 года устанавливают необходимость указывания знаков информационной продукции для детей, достигших возраста 6 лет, 12 лет и 16 лет. В данном законе определён перечень информационной продукции, которая не подлежит распространению с 7 часов до 21 часа и с 4 часов до 23 часов [10].

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что данные положения устанавливают стандарты оборота информационной продукции, регулируют механизм реализации права детей на защиту от информации, причиняющей им вред со стороны органов государственной власти.

Наконец, необходимо рассмотреть вопрос о практической реализации законодательной базы в сфере информационной защиты детей.

Так, статья 6.17 Кодекса об Административных правонарушениях РФ устанавливает ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или)

развитию [11]. Например, прокуратурой Михайловского района Рязанской области проведена проверка, в ходе которой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» выявлен сайт, на котором находится информация, формирующая позитивное отношение несовершеннолетних к субкультуре под названием «руфинг». Руферы – современная городская субкультура, приверженцы которой посещают крыши различных зданий и сооружений. Наличие на Интернет-странице, указанной выше информации, порождает условия для пропаганды действия, которое создает реальную угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц, формирует у несовершеннолетних легкомысленное отношение к собственной жизни и здоровью, и жизни, и здоровью окружающих лиц. Суд решил административное исковое заявление прокурора Михайловского района Рязанской области удовлетворить полностью. Включить Интернет-сайт в Единый реестр запрещенной информации [12].

В соответствии со статьёй 242 Уголовного Кодекса РФ уголовной ответственности подлежат лица, осуществляющие незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов [13]. К примеру, подсудимого ФИО2 признали виновным в совершении преступления, предусмотренного п. б ч. 3 ст. 242 УК РФ и назначили наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года [14]. Данная информация могла оказать влияние на детей и нанести вред психическому и нравственному развитию.

Согласно статье 205.2 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма [13]. Так, Кипкеев К.Т. совершил публичное оправдание терроризма. Суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, и назначил наказание в виде лишения свободы сроком в 2 года [15]. Терроризм всегда сопровождается насилием и жестокостью. Пропаганда данной деятельности или публичное оправдание может сформировать у несовершеннолетних неправильное отношение к терроризму и привести к антиобщественному поведению.

Подобные примеры иллюстрируют, что нарушения лицами законодательства в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию влечёт за собой ответственность.

Результаты проведённого исследования привели нас к следующим выводам: правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в настоящее время эффективно, правовые акты охватывают все виды информационной продукции, которая наносит вред нравственному и духовному развитию детей. Необходимо отметить, что с прогрессом информационных технологий, государство всеми способами старается защитить несовершеннолетних от вредоносной информации. Законодатель в данной сфере создал специальные механизмы реализации существующих правовых положений и предусмотрел более серьёзную ответственность за нарушение данных норм. Правоприменитель всеми доступными законными способами устраняет вредоносную информацию и привлекает к ответственности лиц, нарушивших нормы о защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию.

Однако, в виду большого количества информации, органы государственной власти не успевают осуществлять защиту в полной мере. В связи с этим, на наш взгляд, как близким, так и педагогам образовательных организаций следует проявлять инициативные действия, способствующие защите детей от влияния вредной информации. Так родители или законные представители могут ограничить детей в использовании запрещённой информации и проводить беседы, чтобы повысить правовую грамотность в информационной среде. Педагогам образовательных организаций в ходе учебного процесса стоит использовать только полезную и безопасную информацию для формирования высокой информационной культуры, а также научить детей приёмам и методам управления информацией.

Данные обстоятельства прямо говорят о необходимости дальнейшего комплексного, научного и практического изучения рассматриваемых проблем,

чтобы обеспечить несовершеннолетним безопасное информационное пространство и исключить возможность совершения противоправных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов С. А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 05.13.19 : защищена 28.12.06 : / Буданов Сергей Александрович. – Воронеж: ин-т МВД России., 2006. – 220 с.

2. Конвенция о правах ребёнка [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

3. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст] : [принята 12.12.1994, в ред. от 14.03.2020] // Рос.газ. – 1993. – 25 дек.; 2020. – 16 март.

4. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Текст] : закон : [от 24.07.1998 № 124-ФЗ, в ред. от 23.11.2024] // Рос.газ. – 1998. – 5 авг.; 2024. – 27 ноября.

5. Российская Федерация. Законы. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Текст] : закон : [от 29.12.2010 № 436-ФЗ, в ред. от 23.11.2024] // Рос.газ. – 2010. – 31 дек.; 2024. – 27 ноября.

6. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Текст] : закон : [от 27.07.2006 № 149-ФЗ, в ред. от 23.11.2024] // Рос.газ. – 2006. – 29 июля; 2024. – 27 ноября.

7. Российская Федерация. Президент. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [Текст] : указ : [от 17.05.2023 № 358] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

8. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию [Текст] : постановление : [от 25.06.2021 № 1019, в ред. от 20.12.2021] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28. Ст. 5502; 2021. № 52 (ч. 2). Ст. 9190.

9. Российская Федерация. Генеральная прокуратура. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов [Электронный ресурс] : приказ : [от 13.12.2021 № 744] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403147264/#review>

10. Российская Федерация. Роскомнадзор. Рекомендации Роскомнадзора по применению Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Текст] : рекомендации : [от 04.09.2012 № 744] // Рос.газ. – 2012. – 04 сент.

11. Российская Федерация. Законы. Кодекс об административных правонарушениях [Текст] : закон : [от 30.12.2001 № 195-ФЗ, в ред. от 03.02.2025] // Рос.газ. – 2001. – 31 дек.; 2025. – 5 февр.

12. Судебное решение Михайловского районного суда от 27 октября 2023 г. по делу № 2а – 1068/2023 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа : mihailovsky.riz.sudrf.ru (дата обращения: 01.02.2025).

13. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс [Текст] : закон : [от 13.06.1996 № 63-ФЗ, в ред. от 28.12.2024] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 53 (Ч. 1). Ст. 8525.

14. Приговор Ртищевского районного суда от 18 мая 2017 г. по делу № 1-60(1)/2017(239216) [Электронный ресурс] : Режим доступа : https://rtishevsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=info_court

15. Приговор Карачаевского городского суда от 10 февраля 2015 г. по делу №1-33/2014 [Электронный ресурс] : Режим доступа : karachaevskygor.kchr.sudrf.ru

ON THE ISSUE OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY FOR MINORS**Igusheva A.A., Lipunova L.V.**

This article is devoted to the issue of legal provision of information security for minors. Due to the dynamically developing information technologies, problems have begun to arise regarding the emergence of antisocial and obscene information, which, in turn, has a negative impact on people under the age of eighteen. The article examines the norms of international law in the field of protection of children's rights in the information society and the implementation of these provisions in the Russian legal system. The article analyzes the existing regulatory legal acts regulating the protection of children from information harmful to their health, moral and spiritual development, disseminated in the mass media, public social networks and the Internet. The author identifies the main legal and practical ways aimed at preventing the dissemination of information containing violence, cruelty, disrespect for the family, elements of suicidal, immoral, and criminal behavior. Recommendations are offered on improving the legal literacy of minors through the effective participation of their parents and teachers of educational institutions. The need for further comprehensive, scientific and practical study of the issues under consideration is emphasized in order to ensure a safe digital environment for minors.

Keywords: minors, children, protection, information, information security, public authorities, parents, responsibility.

УДК 343.1, 343.21

К ВОПРОСУ О ЯВКЕ С ПОВИННОЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Карев Евгений Анатольевич

Преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
юридического факультета Владимирского юридического института
ФСИН России
SPIN-код 6964-5101

В статье рассматриваются вопросы закрепления и применения положений о явке с повинной в нормативно-правовых актах советского исторического периода. Предметом изучения выступили отдельные нормативно-правовые акты РСФСР и СССР в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, затрагивающие вопросы добровольного признания лица в совершенном преступлении. Цель работы – обосновать нахождение института явки с повинной на протяжении советского исторического периода в статическом положении. В результате проведенной работы сделаны обоснованные выводы о том, что явка с повинной в советский исторический период до 1960-х годов применялась только в качестве повода к возбуждению уголовного дела, при этом ни один из изученных нами нормативно-правовых актов не раскрывал понятия явки с повинной.

Ключевые слова: явка с повинной, советское право, кодекс, уголовное право, уголовный процесс, судопроизводство, правонарушение, правовая система, законодательство.

Февральская революция 1917 года, а затем и последовавшая за ней Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменили привычный уклад граждан, проживавших на территории Российской империи. Повлияла революция и на отечественное законодательство, изменив задачи и основы построения правовой системы государства. С момента образования советского государства правовая система в своем развитии стала приобретать черты целостности и последовательности

Как отмечает И.К. Шабанова, право советского периода (1917-1991 гг.) не было однородным; оно прошло несколько этапов формирования, связанных с политическими и социально-экономическими преобразованиями в стране. Основные изменения в праве произошли в первые два десятилетия упрочения советской власти и развития советской государственности (1917-середина 1930-х гг.), значительные корректировки были произведены в середине 1950-х гг., в дальнейшем уже устоявшаяся система советского права не претерпевала принципиальных изменений. [1, с. 79].

Право советского периода внесло свои коррективы и в общественные отношения, связанные с добровольной явкой лица и признанием им вины в совершенном преступлении (явку с повинной). В связи с тем, что действующая на 2025 год отечественная правовая система является «наследницей» правовой системы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) и Советского союза (далее – СССР), то, по нашему мнению, следует уделить ей пристальное внимание в контексте правовых норм, связанных явкой с повинной.

Важным шагом по созданию предпосылок к появлению института явки с повинной в РСФСР послужило принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее – Руководящие начала 1919 года) в форме постановления Наркомюста РСФСР от 12.12.1919. Как указано во введении Руководящих начал 1919 года, пролетариат сломал не только ранее действовавший (буржуазный) государственный аппарат, но и правовую систему, построенную для поддержания интересов господствующих классов. Фактически Руководящие начала 1919 года стали одной из основ новой правовой системы в сфере внутренних дел.

Как справедливо указывает И.Я. Козаченко, руководящие начала закрепили базовые положения, которые долгие годы служили своеобразными ориентирами для других нормативных актов и в первую очередь для УК РСФСР 1922 г. [2, с. 32].

Руководящие начала 1919 года обозначили стадии совершения преступления (гл. IV), установили широкий перечень наказаний (гл. VI), не связанных с лишением свободы и жизни виновного, и предусмотрели основания для освобождения от наказания (гл. III). Важным, по нашему мнению, является одно из таких оснований, предусматривающих освобождение от наказания лица в связи с исчезновением условий, в которых деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя.

Дискуссионным является мнение А.А. Ключева о том, что в качестве последнего непроступного деяния, которое предусматривалось нормами Руководящих начал, выступало «исчезновение условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя», фактически законодатель регламентировал такое обстоятельство, как изменение обстановки [3, с. 70].

Широкое толкование данной нормы, по нашему мнению, предполагает распространение данного основания и на ситуации, связанные с добровольным сообщением лица о совершенном преступлении, когда лицо своим позитивным поведением устранило последствия совершенного деяния. Например, в ситуации, когда лицо, совершившее хищение колхозной лошади во время сбора урожая, вернуло ее обратно.

Отдельно следует отметить декрет Совета Народных Комиссаров от 10.07.1919 «Об утверждении и введении в действие положения о полковых судах», согласно которому учреждались полковые суды для рассмотрения дел о правонарушениях, совершенных военнослужащими, а в качестве одного из законных поводов к возбуждению уголовного дела выступала явка с повинной (п. «в» ст. 25). Признание законодателем уголовно-процессуального характера явки с повинной и использование её в уголовно-процессуальной деятельности, по нашему мнению, свидетельствует о разумной степени преемственности по отношению к «имперской» правовой системе, а также об актуальности института явки с повинной.

Развивая идеи Руководящих начал 1919 года, с 01.06.1922 года на территории РСФСР постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) введен в действие Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР 1922 года), который следовало применять ко всем нерассмотренным в судебном порядке преступным деяниям, в том числе к совершенным до его введения. С принятием УК РСФСР 1922 года утратили силу и иные применяемые ранее нормы, устанавливающие основания и размер уголовных наказаний.

Общая часть УК РСФСР 1922 г., охватывавшая почти четверть всех статей кодекса (главы I-V; ст. 1-56), в концентрированном виде отражала результаты

пятилетней судебно-следственной практики и основы советской уголовной политики, со всей спецификой ее задач, методов и средств осуществления, а также новой системы охраняемых ценностей [4, с. 901].

УК РСФСР 1922 года, как и Руководящие начала 1919 года, не содержал положений со словосочетанием «явка с повинной», однако затрагивал отдельные ситуации, связанные с добровольными действиями, совершенными до и после преступного деяния и влиявшими на наказания. Слово «добровольно» в тексте кодекса упоминается только три раза и используется в примечаниях к двум статьям Особенной части. Так при совершении преступлений, связанных с получением должностным лицом взятки (ст. 114) и дачей взятки (ст. 114а), правонарушитель может быть освобожден судом от наказания только в тех случаях, когда он добровольно и незамедлительно заявит о вымогательстве взятки и своими активными действиями окажет содействие раскрытию преступления. Учитывалась добровольная явка и при самовольном оставлении военнослужащим своей части или службы (ст. 204) на срок менее шести суток. В такой ситуации военнослужащий привлекался к дисциплинарной, а не к уголовной ответственности. Таким образом, мы можем сделать обоснованный вывод, что институт явки с повинной в уголовном праве снова рассматривался законодателем в качестве позитивного и эффективного механизма регулирования отдельных, важных для государственной власти, отношений, связанных с деятельностью представителей власти и военнослужащих.

С 01.07.1922 года постановлением ВЦИК введен в действие Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1922 года), который определил порядок производства по уголовным делам и урегулировал общественные отношения, связанные с отправлением правосудия.

Как указал С.Б. Россинский, УПК РСФСР, напротив, подразумевал существование самостоятельной отрасли права, был автономным законодательным актом, содержащим хорошо систематизированную и находящуюся в достаточно удобном для изучения и использования порядке совокупность правовых норм, определяющих порядок производства по уголовным делам [5].

Явка с повинной в УПК РСФСР 1922 года (п. 3 ст. 96), наравне с заявлением граждан, различных объединений и организаций, сообщением правительственных учреждений и должностных лиц, предложением прокурора и непосредственным усмотрением органов дознания, следователя или суда, выступает в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела. При этом кодекс не затрагивает вопросы ее принятия и оформления, что с одной стороны дает возможность лицу заявить о совершенном преступлении в любой момент времени, а с другой – создает сложности для правоприменителя в понимании формы и содержания явки с повинной. Положения кодекса не содержат ответа и на вопрос, а что именно считать явкой с повинной, должна ли она быть добровольной, и может иметь место явка с повинной уже после начала производства дознания или предварительного следствия. Не исключаем того, что ответы на поставленные вопросы могут содержаться в ведомственных актах, но о них нам не известно.

Дискуссионным является и вопрос о признании явки с повинной в качестве доказательства по делу. Согласно ст. 62 УПК РСФСР 1922 года, доказательствами являются, в том числе иные письменные документы, к которым можно отнести и явку с повинной, заявленную в письменной форме. Вместе с тем, согласно ст. 61 кодекса, суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам, допустить те или иные доказательства, из чего следует, что явка с повинной может быть признана доказательством по усмотрению суда.

Важное замечание делает В.В. Терехин, указывая, что критериями допустимости доказательств по УПК РСФСР 1922 года следует считать предусмотренные законом источники и способы собирания доказательств, а также установленная законом форма их фиксации – протоколирование в соответствии с требованиями Кодекса [6, с. 12].

Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 утвержден новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1923 года), который представлял собой переработанный УПК РСФСР 1922 года. Правовые нормы о явке с повинной по УПК РСФСР 1923 года по сравнению с УПК РСФСР 1922 года не претерпели изменений, явка с повинной указана только в качестве одного из поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 91)

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (далее – Основные начала уголовного законодательства 1924 года), утвержденных постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924, каких-либо положений о явке с повинной не содержится. Одновременно с принятием Основных начал уголовного законодательства 1924 года постановлением ЦИК СССР принято Положение о воинских преступлениях (далее – Положение о воинских преступлениях 1924 года), в котором продублированы нормы УК РСФСР 1922 года, связанные с добровольной явкой военнослужащего, самовольно оставившего место службы, обратно в течение 6 суток (ст. 5). За такие действия военнослужащий привлекался только к дисциплинарной ответственности.

Основные начала уголовного законодательства 1924 года послужили идейной основой для Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР 1926 года), принятого постановлением ВЦИК от 22.11.1926. Как указывает В.П. Коняхин, общая часть УК РСФСР 1926 года не копировала механически Основные начала 1924 года, а во многих случаях в структурном и содержательном планах модернизировала их [7, с. 191].

УК РСФСР 1926 года не содержит положений о явке с повинной, однако, следует отметить, что кодекс отразил стремление законодателя, как и в УК РСФСР 1922 года, всеми способами противодействовать коррупционным проявлениям. В ситуациях, когда взяткодатель или посредник во взяточничестве немедленно после противоправного деяния заявят о случившемся, они освобождаются от привлечения к ответственности. Такой порядок предусмотрен только в примечании к ст. 118, предусматривающей ответственность за дачу взятки и посредничество во взяточничестве. Положения УК РСФСР 1926 года больше не предусматривали для взяткополучателя (ст. 117) возможности освобождения от ответственности в связи с заявлением о случившемся.

С целью охраны советского общественного и государственного строя 25.12.1958 Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы уголовного законодательства 1958 года) и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы уголовного судопроизводства 1958 года).

Основы уголовного судопроизводства 1958 года закрепляли задачи и принципы судопроизводства, права и обязанности участников, а также отдельные вопросы производства следственных действий. Вопросы возбуждения уголовного дела и явки с повинной Основы уголовного судопроизводства 1958 года не затрагивали.

Как отмечает И.В. Упоров, нельзя не указать и на то обстоятельство, что обсуждение и разработка проекта Основ проходила в обстановке реальной гласности и с широким привлечением юридической общественности, в частности, журнал «Советское государство и право» ввел специальную рубрику под следующим названием: «Обсуждение вопросов уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [8, с. 224].

В Основы уголовного законодательства 1958 года институт явки с повинной становится доступным механизмом, как для правоприменителя, так и для правонарушителя. Теперь официально явка с повинной: при назначении наказания признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 8 ст. 33); является основанием для возобновления течения давности (сроков давности) привлечения к уголовной ответственности, если ранее течение давности (сроков давности) было приостановлено в связи с тем, что лицо скрылось от следствия или суда (ст. 41).

По мнению В.И. Михайлова, при принятии Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958 г. произошел окончательный нормативный отказ от концепции «опасного состояния лица» и «мер социальной защиты». Законодатель в качестве базовой при построении основания уголовной ответственности использовал только концепцию классической школы уголовного права. [9, с. 61].

Продолжением уголовной политики государства, закрепленной в Основах уголовного законодательства 1958 года, стало закономерное принятие 27.10.1960 нового Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР 1960 года), который повторно закрепил принципы и общие положения уголовного законодательства, а также подтвердил, что явка с повинной признается обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 9 ст. 38), и учитывается для возобновления сроков давности привлечения к уголовной ответственности при их приостановлении (ст. 48).

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1960 года), принятый 27.10.1960, сохранил явку с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела (ст. 108). Особенностью кодекса в контексте явки с повинной стало наличие отдельной статьи, в которой законодатель предпринял попытку в общих чертах описать процедуру получения явки с повинной и установить минимальный набор требований к явке с повинной. В соответствии с указанной статьей теперь должностным лицам правоохранительных органов следовало установить личность явившегося, составить протокол с подробным изложением сделанного заявления, а также подписать протокол вместе с явившимся. Указанные положения, по нашему мнению, были направлены на выработку для правоприменителя единообразного подхода к оформлению явки с повинной. Сам факт введения в кодекс отдельной статьи, посвященной явке с повинной, по нашему мнению, свидетельствовал о стремлении законодателя дать новый импульс институту явки с повинной.

Во второй половине XX в. изменение политической и экономической ситуации внутри государства создало предпосылки для реформирования законодательства. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. стал последним российским уголовным законом в советском государстве [10, с. 112].

УК РСФСР 1960 года и УПК РСФСР 1960 года утратили свою силу в связи с принятием в 1996 году УК РФ и в 2001 году УПК РФ соответственно.

Подводя итог, мы можем указать, что институт явки с повинной в законодательстве советского исторического периода находился в статическом положении. Явка с повинной применялась исключительно в качестве повода к возбуждению уголовного дела, а также в качестве специальных оснований для освобождения от ответственности по коррупционным преступлениям и преступлениям военнослужащих. Лишь в 1960-е годы явка с повинной стала применяться в качестве обстоятельства, смягчающего наказания, и учитываться при возобновлении сроков давности, при этом ни один из изученных нами правовых актов не раскрывал понятия явки с повинной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабанова, И. К. От права пролетарского к праву социалистическому: метаморфоза советских правовых установок / И. К. Шабанова // Академический вестник. – 2013. – № 1(23). – С. 78-87. – EDN PVBXDX.

2. Козаченко, И. Я. Исторический опыт криминализации: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР И. Я. Козаченко // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2(110). – С. 31-35. – DOI 10.34076/2410-2709-2019-2-31-35. – EDN BWFKBT.

3. Клюев, А. А. Непреступные деяния, предусмотренные в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года / А. А. Клюев // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 67-70. – EDN TMVBWK.

4. Трикоз, Е. Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности / Е. Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 890-920. – DOI 10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920. – EDN FWUJL.

5. Россинский, С. Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) / С. Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 3(23). – С. 229-238. – DOI 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022. – EDN SSJYNE.

6. Терехин, В. В. Допустимость доказательств на начальном этапе исторического развития советского уголовно-процессуального законодательства / В. В. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 9-13. – EDN QZBSOZ.

7. Коняхин, В. П. Уголовный кодекс РСФСР 1926 Г. Как итог четвертой кодификации советского уголовного законодательства / В. П. Коняхин // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28–29 июня 2021 года / Отв. редакторы В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова.

8. Упоров, И. В. Гуманизация советского уголовного процесса после смерти Сталина / И. В. Упоров // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14, № 10. – С. 221-227. – EDN XLABEW.

9. Михайлов, В. И. Отражение некоторых теоретико-правовых основ УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. в современном уголовном законодательстве Российской Федерации / В. И. Михайлов // Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений : Сборник научных статей по итогам II Всероссийского форума историков права, приуроченного к 135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова, Санкт-Петербург, 08-10 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. – С. 52-68. – EDN XYXMBU.

10. Голенко, Д. В. Структура особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года / Д. В. Голенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4(60). – С. 112-119. – EDN BHJZVX.

ON THE QUESTION OF COMMITMENT IN THE LEGISLATION OF THE SOVIET HISTORICAL PERIOD

Karev E.A.

The article examines the issues of consolidation and application of provisions on self-incrimination in the normative legal acts of the Soviet historical period. The subject of the study were individual normative legal acts of the RSFSR and the USSR in the field of criminal and criminal procedural legislation, affecting the issues of voluntary confession of a person to a crime committed. The purpose of the work is to substantiate the presence of the institute of self-incrimination throughout the Soviet historical period in a static position. As a result of the work, reasonable conclusions were made that self-incrimination in the Soviet historical period before the 1960s was used only as a pretext for initiating a criminal case, while none of the normative legal acts we studied disclosed the concept of self-incrimination.

Keywords: confession, soviet law, code, criminal law, criminal procedure, legal proceedings, offense, legal system, legislation.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УЧЕНИЯ О СЛЕДАХ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Карепанов Николай Васильевич

Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева,
Российская Федерация, г. Екатеринбург
ORCID: 0000-0002-6234-8614

Статья посвящена анализу состояния частного криминалистического учения о следах. С этой целью определены наиболее вероятные критерии оценки этого явления, факторы и методы, указывающие на содержание характеристики теории следов в определённый отрезок времени. К таким мерилам можно отнести ряд факторов. Первым, самым важным следует назвать результативность научных рекомендаций этой частной науки. Степень её влияния на практическую деятельность по расследованию преступлений, поиск и обнаружение следов лучший критерий состояния теоретической науки. Другим критерием достижения науки следует считать использование эффективных методов привлечения новейших знаний других наук (математики и кибернетики). На состояние науки достоверно указывает интенсивность её деятельности и прогнозные возможности её развития в будущем.

Анализ указанных критериев оценки позволяет сделать следующие выводы. В современной криминалистике в России успешно разработано цельное научное учение о трасологических следах, доведённое до высшей степени научного обобщения. Вместе с тем малоизученными остались иные физические, химические и биологические следы преступлений. В то время как в этом направлении уже накоплено достаточное количество знаний для системного обобщения. Сделано много открытий в судебной медицине, нейробиологии, энтомологии, антропологии, дактилоскопии, серологии, токсикологии, баллистике, генной идентификации, реконструкции лица и других областях научного знания.

Кроме того, современные парадигмы требуют сегодня совершенно другого подхода к изучению следов событий, связанных с преступлением. В первую очередь отвергается пассивная научная деятельность в использовании новых знаний иных наук. Сегодня требуется активность в побуждении добывания таких знаний, выставление заказов практики на конкретные проблемы.

Ключевые слова: научные знания, учение о следах, теория познания, теория следов, нейробиология, энтомология, антропология, оценка состояния, критерии, эмпирические знания, частная методика, количество и качество знаний, этапы развития.

Актуальность темы связана с развитием теории следов в криминалистике. Современное состояние теоретических положений о видах следов, их особенностях образования и методах обнаружения не может быть признано

удовлетворительным. Мы исходим из того, что оценка состояния научного знания «представляет собой разновидность достаточно сложной научной деятельности по определению состояния покоя или динамики эволюционных процессов» [1, с. 158-164]. Эта мысль подчёркивается представлением об общем направлении развития знаний в виде некой касательной по отношению к кривой динамике развития науки [2, с. 63-64]. Эта сложность в развитии частной теории следов в криминалистике сегодня ещё не преодолена.

Изученность проблемы характеризуется как обобщением теоретических положений, так и реальным состоянием учения на момент исследования. Поэтому важны современные критерии оценки применения научных знаний. А также, ценность методологии теории познания, и философские подходы к проблеме с точки зрения технических наук и языка (понимание самого термина «проблемы»). Исследования такого уровня проведены известными учёными В. Н. Карагодиным, Б. Г. Кузнецовым, А. С. Майдановым, С. А., Ушаковым Е. В., Colyvan M., Кураевым, В. М. Карповичем, В. П. Филатовым, И. Т. Касавиным, А. Ю. Антоновским, Г.И. Рузавиным [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Затем, при изучении проблемы выясняется действительное состояние положений теории следов на сегодняшний день: количество и качество имеющихся знаний. Причём количество имеющихся знаний выявляется достаточно просто. Оценка же качества имеющихся на сегодня знаний связана с их значимостью как в теории, так и в практической деятельности, о чем писал в своей статье В. Н. Карагодин [1, с. 165]. При этом мы понимаем, что речь, идет именно о новых возможностях их применения. Так, уже сегодня мы видим прорывной прогресс в исследованиях В. Н. Карагодина, А. К. Шеметова, Р. Г. Ардашева в изучения методов поиска трупов [10, 11, 12], А. М. Багмета, С. Ю. Скобелина, А. А. Стрелкова, В. К. Дадабаева и других – в исследовании методов обнаружения следов с помощью электронных мобильных устройств, инновационных возможностей идентификации человека методом компьютерной томографии [13, 14]. Впечатляют открытия в судебной медицине В. Л. Попова, В. Б. Шигеева, В. Макдермида [15, с. 43; 16, с. 102-103]; антропологии, ДНК – Roxana Ferlini, Silent Witness, Neil Fetherstonhaugh & Tony McCullagh, Э. Турви Брента, П. Уйн [17, 18, 19]; Разработаны эффективные меры идентификации человека по голосу и запаху, [20, с. 46-53]. Вместе с тем обнажаются и некоторые серьёзные проблемы в практике применения положений учения о следах: дактилоскопии, баллистики, исследований ДНК, о чём писали К. Е. Дёмин, Я. С. Карпов, В. Х. Каримов [21, 22, 23]. Неразрешимыми пока по мнению И. М. Комарова и В. А. Мещерякова остаются проблемы, связанные с исследованием понимания терминов «киберпреступность», «цифровая криминалистика» [24, 25].

Целесообразность разработки представляемой темы продиктована необходимостью расширения закономерностей образования, поиска и выявления следов, связанных с преступлениями. Видов следов преступлений открыто сегодня много. Осознание их разнообразных сочетаний и комплексности порождают совсем иные подходы к их обнаружению и исследованию. Определение объективного и точного состояния развития учения о следах позволит преодолеть целый ряд проблем: изыскать современные возможности исследования огромного объема накопленных сведений; в том числе, сведений труднодоступных, находящихся в постоянном динамическом развитии. Для этого необходимо выбрать наиболее эффективные способы такого познания. Одним из таких способов является путь замены методов статистики на приёмы мыслительной деятельности: например, выделение этапов познания (определение проблемы, формирование идеи, выбор цели, подбор методов исследования, получение результатов [3, с. 287-296].

Научная новизна состоит в том, что определяются оригинальные критерии и факторы оценки современного состояния теории следов в криминалистике. Самым распространенным можно назвать влияние научных рекомендаций на результативность деятельности по обнаружению, исследованию и использованию следов преступлений. Новизна состоит и в том, что обращается внимание на

сложный характер внедрения теоретических знаний в практическую деятельность. Далеко не всегда это происходит в обозримое время, иногда откладывается и надолго. Иногда просто трудно понять, какие рекомендации повлияли на тот или иной процесс.

Важным фактором для оценки современного состояния учения о следах является прогноз возможных достижений в будущем. А также такие данные, как интенсивность исследований, разнообразие используемых теоретических представлений разного уровня общности и степени фундаментальности. Не исключаются для использования оценки и разные образные критерии [1, с. 157].

Целью исследования является определение современного состояния теории следов в криминалистике, а именно, степень системности выявленных новых следов, достаточность их исследования, достоверность используемых результатов некоторых видов. Влияние новых тенденций на выбор направлений развития учения о следах. Задачами этой деятельности при констатации серьёзных успехов в систематизации трасологии, как учения о механических следах, являются, установление критериев оценки состояния науки; выяснение степени исследованности новых видов физических, химических и биологических следов; обозначение неразрешенных теоретических вопросов понятийного и методологического характера; выявление проблем в применении положений теории следов в следственной практике.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что меняется парадигма отношения к работе со следами преступлений, в том числе о закономерностях их возникновения, процесса поиска и обнаружения (прослеживается некая общая универсальность).

В настоящее время накоплено достаточное количество самых разнообразных теоретических знаний о новых современных следах, связанных с преступлениями. Однако, в связи с тем, что этот научный багаж не удалось пока систематизировать и надлежаще обобщить, он значительно затрудняет эффективное использование его в теоретической деятельности. Объективное, точное и подробное определение современного состояния развития учения о следах в криминалистике позволит успешно решить эту задачу. Оригинальным следует считать постановку новой задачи, задачи комплексности подхода к выявлению и исследованию следов.

Точно также, понимание современного понятия следа, делает возможным поднять его уровень до философской категории наряду с категориями бытия, материи, движения, изменения и отражения. Далеко не убедительны утверждения некоторых учёных о том, что понятие следа связано со всем тем, что может быть воспринято человеком. Это широкое понятие, но не полное. Оказывается, следами являются и объекты, которые человек своими органами чувств воспринимать не в состоянии. Кроме того, комплексный механизм образования следов требует и такого же подхода к вопросам их выявления. И такое видение проблем требует поиска свежих, новых парадигм.

Практическая значимость статьи проявляется в новом подходе к влиянию теоретических знаний на практическую деятельность. В этой области требуется длительное воздействие положений научных рекомендаций для изменения существующего негативного или малоэффективного опыта. Суждения о состоянии учения о следах в криминалистике показывают пробелы и в практической следственной деятельности, принуждают практиков формулировать заказы науке, понуждают учёных к развитию теоретических знаний. Только такое взаимодействие сможет повлиять на качество следствия.

Методология и методика настоящего изложения основаны на положениях философии и логики. В частности, на таких общих методах как наблюдение, синтез и анализ и другие. К методам исследования относится и метод сравнительного анализа двух видов важных объектов: теоретических положений о способах обнаружения криминалистических следов и практического воплощения их при расследовании преступлений. Кроме того, для достижения задач исследования

вопросов предлагаемой темы важным можно назвать и обратный метод логического сопоставления возникающих проблем практики и способов их решения в теории.

Анализ современного состояние учения о следах в криминалистике основывается на сравнении с теоретическими постулатами, характеризующими понимания науки вообще. Структура любой науки имеет сложное построение и несколько уровней знаний, которые, собственно, и определяют особенности содержания и методы познания [4, с. 120; 5, с. 84]. Признанным считается развитие знаний, основанных на вертикальной структуре науки, состоящей из четырех уровней. два из них достаточно известные, это – познания чувственные и эмпирические. Но сегодня популярными стали, творческое осознание и метатеоретическое знание [6, с. 153]. О сущности научной теории вообще, как системе знаний написано достаточно много [7 с. 180; 8, с. 106-107]. С нашей точки зрения, наиболее лаконичен и убедителен Г. И. Рузавин, известный ученый философ, Он определил *научную теорию как систему абстрактных понятий и утверждений, представляющих собой идеализированное отображение действительности.* [9, с. 142-156.]. Именно такие парадигмы и лежат в основе исследования состояния развитие представлений о частной криминалистической научной теории о следах. Достоинством этой науки является то, что она не только порождает абстрактные представления о реальных фактах действительности, появляющихся в самых разнообразных видах науки, но и материализует их в конкретные практические действия.

Так, сегодня уверенно можно констатировать, что ученые-криминалисты и практические следственные работники успешно смогли использовать целый ряд открытий в судебной медицине, нейробиологии, энтомологии, антропологии, дактилоскопии, серологии, токсикологии, судебной баллистике, генной идентификации, исследовании следов пожаров, реконструкции лица и других областях научного знания.

Открытия в судебной медицине сегодня позволяют обнаруживать следы преступлений в самых сложных условиях, проникать в человеческий организм, сканировать мельчайшие детали тканей, фиксировать разрывы и кровоизлияния, создавать компьютерную модель 3D из сканов органов мертвого тела, по изменениям состояния кожных покровов определять точное время смерти и др. [15, с. 43; 16, с. 102-103].

Исследование современного состояние учения о следах в криминалистике позволяет обратить внимание и на современные работы с ДНК-профилями. Национальные базы ДНК в основном разработаны в зарубежных странах (Великобритании – 10% населения; США – 40% и др.). Но более важным, на наш взгляд, является создание методик определения по ДНК внешних элементов носителей и особенностей их организма. Развитие этого направления позволит следственным органам производить эффективно поисковые действия причастных к преступлению лиц [16, с. 183-188].

Сегодня при расследовании преступлений успешно используются во многих странах мира разработки судебной антропологии [17], криминального профилирования, исследования в области образования следов преступлений в результате химических реакций [18].

В настоящее время для отождествления преступников по признакам внешности стали разрабатываться цифровые программные продукты для изготовления субъективных портретов. Использование современных IT технологий способствовало быстрому развитию в криминалистике антропологических знаний и реконструкции лица по черепу. Интересные разработки представлены сегодня по реконструкции лица по черепу. Эти же исследования в сочетании с экспертизой ДНК позволяют установить цвет глаз и волос, а трехмерное сканирование дает возможность яснее увидеть травмы черепа. Через точное моделирование раны и оружия можно воспроизвести не только лицо, но и само событие. [19, с. 233-234]. Больших успехов удалось достичь в исследованиях идентификации человека по

самым различным признакам (следам): разработаны эффективные меры идентификации человека по голосу и запаху, [20, с. 46-53].

Серьезные исследования проводятся в области исследования запаховых следов: присутствие в воздухе трупного запаха (комбинация газов аммиака и серы); обнаружения по запаху определенных химических средств, используемых для поджогов. Проводятся и более экзотические исследования в области следов преступления. Например, найти преступника также может помочь палинология – наука о пыльце и спорах, которые часто можно обнаружить на одежде виновного.

Вместе с тем анализ современного состояния учения о следах в криминалистике показывает и негативные примеры, казалось бы, устоявшихся практик при обнаружении и исследовании следов, связанных с преступлениями. Так, нельзя назвать непогрешимыми дактилоскопические исследования, как они нам представляются. Такой же результат у баллистических исследований (они не всегда надёжны) [21, с. 88-92]. Очень много сложностей и ошибок при проведении исследований ДНК. Особенно много вопросов возникает в вопросах теоретического и практического исследования цифровых следов IT технологий. Несмотря на то, что эти технологии в механизме современных преступлений стали использоваться на постоянной основе (так в 2018 году такие технологии и системы использовались с приростом 92,8% (170 тыс.), в 2019 году – более 68,5% (294 тыс.), в 2020 – более 77% (363 тыс.); увеличился и удельный вес таких преступлений среди других: в 2018 году – 8,8%, в 2019 году – 14,5%, в 2020 более 23,6%) [22, с. 174-181], нераскрытыми остаются три четверти киберпреступлений [23, с. 66-72]. В России в 2024 году IT-преступлений достигли пика за последние пять лет, с января по декабрь прошлого года было зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений (Москва, 27 января 2025 года/ТАСС/.

В международный обиход прочно входят термины «киберпреступность». «цифровая криминалистика» [24, с. 161-171]. Появляются отдельные исследования по разным направлениям цифровых следов [25, с. 87-92]. Вместе с тем современные исследования необоснованно ограничиваются только рамками киберпреступлений, не включая в сферу научных познаний иные преступления, тесно связанные с таким инструментом как компьютерные технологии.

Большую проблему составляет сложность разделения знаний профессиональных IT технологий и криминалистические знания о цифровых следах (их механизм образования, методы обнаружения и исследования). На наш взгляд это очень тонкая грань, и найти параметры принадлежности к той или иной группе знаний задача будущего. Трудно определить, что входит в компетенцию криминалиста, а что IT специалиста. Компьютерные данные являются только дополнительными следами, материально фиксированные следы остаются в своей основе [16, с. 252-259].

Настоящая статья представляет собой некоторый срез важных, с точки зрения автора, положений о современном состоянии криминалистического учения о следах. В статье представлена обеспокоенность об отсутствии должной систематизации следов, связанных с преступлениями, о слабой теоретической базе основных понятий, о медленной смене парадигм. Информация об этом, на наш взгляд, позволит обратить внимание учёных на эти вопросы. Результаты и достижения могут быть разными, но сам процесс уже неостановим.

В итоге следует заметить, что достаточно высокий уровень развития учения о следах обусловлен историческим эволюционным процессом. Достижения этой отрасли науки неразрывно связаны с успехами естественных и других наук, положительными тенденциями эмпирических и теоретических разработок в разных странах мира, небывалым скачком научно-технического прогресса. И главное, сегодня в теории следов открываются небывалые ранее перспективы ее совершенствования. Выходя за рамки вопросов, рассмотренных в настоящей статье, можно, тем не менее выделить некоторые направления научной «модернизации» учения. Прежде всего, усиление методологической базы, теоретическое развитие понятия следов преступлений; разработка новых методов обнаружения следов;

исследование закономерностей комплексного существования и взаимного влияния материальных, идеальных и цифровых следов и некоторые другие шаги по совершенствованию теории следов в криминалистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карагодин В. Н. Современные подходы и критерии оценки состояния Российской криминалистики /Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей/ под общ. ред. проф. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2020. С.158 -164.
2. Кузнецов Б. Г. Ценность познания: очерки современной науки. 2-е изд. М., издательство «Ленанд». 2019. С. 63 -64.
3. Майданов А. С. Методология научного творчества. 2-е изд. М., Издательство «Либроком». 2019. С. 287–296.
4. Ушаков Е. В. Философия и методология науки. – М.: Юрайт, 2017. – 392 с. – ISBN 978-5-534-02637-5
5. Colyvan M. An Introduction to the Philosophy of Mathematics. – Cambridge, 2012. – 224 с.
6. Лебедев, С. А. Методология научного познания. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 153 с. ISBN 978-5-534-00588-2. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/414243> (дата обращения: 01.10.2019) С. 36.
7. Кураев В. И. Формализация языка науки и философские исследования//Вопросы философии, 2012, № 12, С. 180;
8. Карпович В. М. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск, // Сибирский философский журнал: 2022. – Т. 20, № 1. – С. 106–107. – ISSN 2541-7517.
9. Филатов В.П., Касавин И.Т., Антоновский А.Ю., Рузавин Г.И. Обсуждаем статьи о конструктивизме //Журнал Эпистемология & философия науки=Epistemology & Philosophy of science, издательство Кнорус (М.),2019, том 20, № 2, с. 142-156.
10. Карагодин В. Н., Шеметов А. К. Технические средства поиска трупа в ситуациях безвестного исчезновения потерпевшего / /Противодействия преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Международной науч.-практич. конф. (Москва, 20 марта 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 113–118.
11. Ардашев Р. Г. Розыск трупов людей в водоемах. Иркутск, 2013. 85 с.
12. Ардашев Р. Г. Организация проверки сообщений о преступлении и расследования уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением граждан. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 120 с.
13. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED). М., 2013. 240 с.
14. Стрелков А. А., Дадабаев В. К. Инновационные возможности идентификации человека методом компьютерной томографии // Противодействия преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Международной науч.-практич. конф. (Москва, 20 марта 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 194–197.
15. Попов В. Л., Шигеев В. Б., Кузнецов Л. Е. Судебно-медицинская баллистика – СПб.: Издательство Гипократ, 2002. – 656 с. С. 43.
16. Макдермид В. Анатомия преступления: что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК / Вэл Макдермид; Пер. с англ. – М. Издательство ООО «Альпина нон-фикшн», 2016. – 344 с. ISBN 978-5-91671-591-0. С.102-103.
17. Roxana Ferllini, Silent Witness: How Forensic Anthropology is Used to Solve the World’s Toughest Crimes (Willowdale, Ont.: Firefly Books, 2014). P.46.
18. Fiona Raitt, Evidence: Principles, Policy and Practice (Edinburgh: Thomson W. Green, 2018). P. 113-118.

19. Брент Э. Турви, Уйн Петрик. Судебная виктимология, криминальное профилирование: Введение в поведенческую науку (Амстердам; Оксфорд: Академическая пресса, 2014). 240 с.
20. Бастрыкин А. И. История криминалистики за рубежом /под ред. А. И. Бастрыкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 46-53.
21. Дёмин К. Е. Об исторических аспектах становления и развития судебной баллистики как области научных знаний /Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей/ под общ. ред. проф. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2020. С. 88-92.
22. Карпов Я. С. О концепции прекурсоров в криминалистике/Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей/ под общ. ред. проф. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2020. С.174 -181.
23. Каримов В. Х. О развитии системы криминалистического обеспечения борьбы с преступностью в информационно-телекоммуникационной сфере /Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей/ под общ. ред. проф. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2020. С.66-72.
24. Комаров И. М. «Цифровая» криминалистика – давно назревшая проблема // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 161–171.
25. Мещеряков В. А. Особенности специальных знаний, используемых в цифровой криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Т. 4–2. С. 87–92.

THE CURRENT STATE OF THE THEORY OF TRACES IN CRIMINALISTICS

Karepanov N.V.

The article is devoted to the analysis of the state of the particular criminalistic doctrine of traces. For this purpose, the most probable criteria for assessing this phenomenon, factors and methods indicating the content of the characteristics of the theory of traces in a certain period of time are determined. A number of factors can be attributed to such measures. The first, most important should be called the effectiveness of scientific recommendations of this particular science. The degree of its influence on the practical activity of investigating crimes, the search for and discovery of traces is the best criterion for the state of theoretical science. Another criterion for achieving science should be considered the use of effective methods of attracting the latest knowledge of other sciences (mathematics and cybernetics). The state of science is reliably indicated by the intensity of its activity and the predicted possibilities of its development in the future.

The analysis of these evaluation criteria allows us to draw the following conclusions. In modern criminalistics in Russia, an integral scientific doctrine of trace traces has been successfully developed, brought to the highest degree of scientific generalization. At the same time, other physical, chemical and biological traces of crimes have remained poorly studied. At the same time, a sufficient amount of knowledge has already been accumulated in this direction for a systematic generalization. in forensic medicine, neurobiology, entomology, anthropology, fingerprinting, serology, toxicology, ballistics, gene identification, facial reconstruction and other fields of scientific knowledge.

In addition, modern paradigms today require a completely different approach to the study of traces of events related to crime. First of all, passive scientific activity in the use of new knowledge of other sciences is rejected. Today, it is necessary to be active in encouraging the acquisition of such knowledge, to place orders for practice on specific problems.

Keywords: scientific knowledge, the doctrine of traces, theory of knowledge, trace theory, neurobiology, entomology, anthropology, assessment of the state, criteria, empirical knowledge, particular methodology, quantity and quality of knowledge, stages of development.

УДК 343.231

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Леонов Николай Владимирович

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия

Саратов, Российская Федерация

SPIN-код: 5519-2352

Научный руководитель: Наталья Александровна Лопашенко,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор
Саратов, Российская Федерация

В статье рассматривается составное преступление как видовое проявление сложного единичного преступления. Автор формулирует собственную позицию относительно единичной природы такого преступления через призму функциональной, субъективной и причинно-следственной связи. Подвергается критике мнение о тождестве составного преступления и сложного состава преступления.

Выдвигается и подтверждается довод о причинении составными преступлениями комплексного вреда одному объекту уголовно-правовой охраны. В совокупности с наличием взаимосвязи между элементами (системы деяний; деяния и последствий), входящих в составное преступление, а также сложного состава преступления, охватывающего его признаки, делается вывод о единичном характере такого вида сложного единичного преступления. Итоговым результатом исследования является собственное определение составного преступления как уголовно-правовой категории.

Автор считает, что подобный подход к составному преступлению позволит более точно разграничить его с множественностью преступлений.

Ключевые слова: составное преступление, сложный состав преступления, комплексный вред, объект уголовно-правовой охраны, сложное единичное преступление.

Составное преступление, по мнению большинства ученых, относится к наиболее распространенному виду единичного сложного преступления, но его легальное понятие, несмотря на острую необходимость, так и не было сформировано ни в тексте уголовного закона, ни в доктрине, что ведет к непрекращающимся дискуссиям относительно его единичной природы.

Например, В.В. Питецкий и А.П. Козлов не рассматривают составное преступление в качестве вида единичного сложного преступления, доказывая его искусственную (законодательную) природу. Авторами утверждается, что составное преступление суть сложный состав, созданный для объединения признаков наиболее часто совместно совершаемых преступлений [1, С. 106–107], [2, С. 164–167]. Кроме того, ими либо полностью отрицается единство деяний (деяния и последствий) на уровне преступления, либо хотя и говорится о наличии единства, но только на уровне состава преступления [1, С. 96], [2, С. 164].

Думается, что авторы не совсем правы в своих суждениях, поскольку в основе их выводов лежит только формальная сторона составного преступления. Говоря о сложном составе преступления (составной норме), коим, по их мнению, и является составное преступление, они опускают одну из материальных сторон преступления – степень общественной опасности. Более точно выражают позицию авторов слова А.П. Козлова, что «... проблемы составного преступления в целом – это проблема построения и классификации диспозиций, но не единичного преступления...» [3, С. 360]. Однако, как верно подмечает А.И. Коробеев, «... те или иные деяния запрещаются уголовным законом именно потому, что они общественно опасны, а отнюдь не становятся общественно опасными лишь потому, что запрещаются» [4, С. 63]. Ведь отличием составного преступления от иных видов сложных единичных преступлений выступает совершение его несколькими преступными деяниями (одним деянием, влекущим наступление одного или нескольких преступных последствий), что значительно повышает степень общественной опасности такого сложного преступления. Об этом говорила и Н.Ф. Кузнецова: «совокупной степенью общественной опасности объективных и субъективных признаков преступления образуется степень общественной опасности преступления в целом» [5, С. 438]. Поэтому многие авторы и выделяют составное преступление в качестве вида сложного единичного преступления, поскольку совокупная общественная опасность от каждого из деяний (последствий, вызванных одним деянием) значительным образом оказывает воздействие на объекты уголовно-правовой охраны. Тем более, что в ряде составных преступлений заложена системность действий, реализуемых для достижения преступной цели. Так что не столько «пустое» желание законодателя стоит в конструировании «составных норм», сколько повышенная общественная опасность такой сложной преступной деятельности.

Относительно единства элементов составного преступления вызывают сомнение следующие тезисы ученых: «... смущает внутреннее единство содеянного, но и оно не создает единого преступления...»; «... точнее говорить о тесной взаимосвязи составов преступлений, входящих в составную норму» [2, С.164], [1, С. 95]. Если следовать логике авторов, то выходит, что составные преступления абстрактная конструкция, объединяющая на уровне состава разрозненные преступления, совершенные в разных пространственно-временных промежутках и не связанные с психологическим отношением лица к содеянному. Думается, что В.В. Питецкий и А.П. Козлов игнорируют само преступление как категорию, отдавая в вопросе составного преступления дань учению о составе преступления. В этой связи справедливы слова В.П. Малкова: «... то обстоятельство, что содеянное подпадает под одну норму уголовного закона не может служить во всех случаях достаточным основанием для оценки его как единичного преступного деяния» [6, С. 64]. Это утверждал и А.М. Яковлев: «... для составного преступления ... недостаточно констатировать, что оно состоит из двух или более разнородных преступлений» [7, С. 81].

Представляется, что следует рассматривать взаимосвязь элементов как отдельный признак, присущий всем составным преступлениям, определяющий содержательную (естественно-предметную) сторону таких преступлений. Она, как видится, проявляется наличием функциональной, субъективной и причинно-следственной связи между элементами составного преступления. О наличии связей писал В.Н. Кудрявцев, говоря, что содержательная сторона единичного преступления, как правило, характеризуется «... рядом общих объективных и субъективных признаков, находящихся между собой в тесной взаимосвязи...» [8, С. 283]. На это указывают и другие авторы, утверждая об обязательном наличии взаимосвязи между деяниями или деянием и детерминированным им преступным результатом (последствием/последствиями) [9, С. 81], [10, С. 30–34].

Упомянул о взаимосвязи компонентов составного преступления А.А. Энгельгард, называя ее физической [11, С. 551]. Однако, на наш взгляд, следует определять единство не только через пространственно-временные критерии, но и

через другие виды связей в объективной реальности, учитывая субъективное отношение лица. Если же следовать доводам автора, то мы столкнемся с объективным вменением, чем неумолимо нарушим принцип вины (ст. 5 УК РФ).

Указанное вызывает к переосмыслению понимания составного преступления. Ниже будут выделены признаки, которые, по нашему мнению, свидетельствуют о наличии внутреннего единства в составных преступлениях. Ввиду того, что некоторые составные преступления имеют неодинаковую уголовно-правовую природу, требуется специальная оговорка: *первые два признака присущи всем составным преступлениям, без исключения; остальные два, поскольку описывают содержательное единство составных преступлений, должны применяться альтернативно* (признак под цифрой 3 определяет внутреннее единство составных преступлений, совершаемых системой деяний; признак под цифрой 4 – для тех, которые совершаются одним деянием, влекущим наступление нескольких последствий).

1. Причинение системой деяний или одним деянием, влекущим несколько последствий, комплексного вреда одному объекту уголовно-правовой охраны.

Некоторые авторы указывают, что особенностью составных преступлений выступает то, что они причиняют вред как минимум двум объектам уголовно-правовой охраны [12, С. 97], [13, С. 26], [14, С. 312]. Видится, что такой подход отождествляет составное преступление с совокупностью, где также наличествует причинение вреда двум и более объектам. Следовательно, ведет к выводу и о том, что составные преступления не более чем искусственная конструкция, существующая только на уровне состава, к чему приходит А.П. Козлов [1, С. 164].

На мысль о комплексном вреде одному объекту уголовно-правовой охраны наводят мысли Н.Ф. Кузнецовой о том, что вред в составных преступлениях должен быть единым, слагающимся из нескольких результатов сложной преступной деятельности [15, С. 70]. Говорил об этом и Н.И. Коржанский: если причинение вреда дополнительному непосредственному (сопутствующему) объекту выступает составной частью причинения вреда основному и иначе комплексный вред ему причинить невозможно, то следует признавать единство такого преступления [16, С. 220–223]. Утверждал это и Г.В. Тимейко, выделяя категорию «единого совокупного ущерба», образующегося при одновременном причинении вреда нескольким элементам объекта посягательства [17, С. 83]. В этой связи полагаем, что сложный характер составного преступления продиктован наступлением нескольких последствий (основного и сопутствующих) от сложной преступной деятельности лица, причиняющих таким образом комплексный вред одному объекту уголовно-правовой охраны. Причем связующим звеном между двумя элементами комплексного вреда выступает невозможность причинения вреда дополнительному объекту без первоначального или последующего преступного воздействия на основной объект. Кроме того, связывает два последствия как сложный состав, образующий форму составного преступления, и взаимосвязь элементов на уровне преступления. В противном случае единого преступного ущерба от такого преступления образовано не будет, а следовательно, и говорить о единичном сложном преступлении не приходится.

2. С формальной стороны элементы (деяние и детерминированные им последствия или система деяний), входящие в составное преступление, предусмотрены одним сложным составом преступления. На эту характерную черту (признак) указывают многие ученые в своих дефинициях составного преступления [18, С. 217], [19, С. 246], [20, С. 141]. Некоторые же и вовсе, как показано выше, отождествляют состав и составное преступление.

Как известно, любое преступление обладает признаком противоправности, поскольку иначе, при прочих равных, невозможен запуск механизма привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Сложный состав преступления выступает формальным (юридическим) основанием признания системы деяний (одного деяния, повлекшего наступление нескольких последствий) составным преступлением. Об этом также писал А.А. Энгельгардт: «вывод о наличии

единичного деяния ... во многих ситуациях должен дополняться проверкой наличия единичного деяния в уголовно-правовом смысле» [11, С. 550]. Ведь даже если элементы составного преступления и будут обладать внутренним единством, причинять комплексный вред одному объекту, но отсутствует соответствующий состав преступления, говорить о единичности в формальном смысле не приходится.

При формировании сложных составов преступлений, предусматривающих признаки составного преступления, законодатель учитывает комплексный вред от сложного посягательства. Например, разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ) причиняет комплексный вред отношениям собственности за счет того, что умысел лица направлен на открытое завладение вещью потерпевшего (ч. 1 ст. 161 УК РФ), и, для целей облегчения реализации умысла, виновный нападает, применяя насилие, опасное для жизни или здоровья (ст. ст. 112, 115 УК РФ). Здесь причинение вреда здоровью (здоровье – *дополнительный непосредственный объект в разбое*) является сопутствующим вредом, обладающим меньшей степенью общественной опасности, на пути достижения реализации посягательства на собственность. Это объясняется тем, что нападение по своему функциональному значению выполняет роль способа, влекущего физиологическую неспособность потерпевшего оказать сопротивление. Осуществление же психологического насилия путем высказывания применения насилия, опасного для жизни или здоровья (ст. 119 УК РФ), суть такой же способ. Однако, его функциональная значимость несколько отличается, поскольку она (угроза) направлена на вызывание у потерпевшего чувства страха применения опасного насилия, когда он «...уверен, что в случае сопротивления угроза будет реализована» [21, С. 185]. Следовательно, отсутствие противодействия является необходимым условием для воплощения в действительность общей корыстной цели, выраженной в последующем завладении имуществом. Иными словами, наличие единой цели и единой формы вины (субъективная связь) придает таким деяниям характер единичности и подчинение нападения хищению. Думается, что отсутствие такой соподчиненности не влекло бы отнесение разбоя к преступлениям против собственности (глава 21 УК) или к одной из форм хищения, а закрепление его, например, в преступлениях против жизни и здоровья (глава 16 УК), что, кстати, предлагает сделать ряд ученых [22, С. 317], [23, С. 15]. В целом, это характерно не только для разбоя, но и для других составных преступлений, где одно из деяний является способом, предшествующим совершению основного деяния.

Другой пример, показывающий комплексность вреда от совершения составного преступления. Часть 4 ст. 111 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Законодатель, усматривая возможность наступления смерти потерпевшего, берет дополнительный (сопутствующий) объект уголовно-правовой охраны (жизнь) под дополнительную охрану. Однако комплексный вред причиняется здоровью, поскольку деяние (нападение) первоначально наносит ущерб здоровью (влечет потерю органа, утрату органом своих функций и т.д.), вследствие чего и наступает смерть потерпевшего. Именно взаимосвязь, в данном случае, деяния (главная причина) и наступивших последствий легла в основу отражения такого преступления в сложном составе преступления.

3. Наличие функциональной и субъективной связи в системе деяний, образующих составное преступление. Эти виды взаимосвязи, во-первых, определяют содержательную сторону составного преступления, указывая таким образом на их единичность, а во-вторых, говорят о причинении комплексного вреда одному объекту уголовно-правовой охраны. Причем, как пишут К.В. Ображиев и Д.С. Чикин, функциональная и субъективная связь наличествуют только тогда, когда составное преступление совершается системой умышленных деяний [24, С. 116–117].

Показательным примером является кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Как видно, составное преступление здесь складывается из совершения двух преступных деяний, – проникновения в жилище (ст. 139 УК РФ) и кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), где первое

должно всегда предшествовать последнему. Системность этим деяниям придает их функциональная взаимосвязь, поскольку незаконное проникновение в жилище суть способ, направленный на устранение какого-либо препятствия (окна, двери и пр.) и вторжения в жилище. Относительно субъективной связи, то здесь необходимо установление единого умысла, направленного на хищение, и корыстного мотива, возникающих до незаконного проникновения в жилище [25]. Комплексный вред образуется здесь аналогичным образом, показанным выше на примере разбоя. Два деяния (проникновение в жилище и хищение) соподчинены корыстной цели лица, поскольку без осуществления первоначального деяния-способа, нарушающего неприкосновенность жилища, невозможно достичь желаемого преступного результата, выраженного в тайном завладении чужим имуществом. И именно в таком единстве, за счет наличия субъективной связи, два простых вреда причиняют комплексный ущерб отношениям собственности.

Немного иначе проявляет себя субъективная и функциональная связь между деяниями, когда они совершаются одновременно, в одном месте и в рамках единого умысла лица, т.е. когда два деяния представляют собой непрерывное преступное поведение. П.Ю. Предеин назвал такую систему деяний «сопряженными» преступлениями, поскольку они, по его мнению, совершаются одновременно и в одних и тех же пространственно-временных координатах [26, С. 117–118]. Об этом же говорила и Н.А. Лопашенко: в сопряженных преступлениях «... деяния не прерываются, они осуществляются как единое преступление» [27, С. 341].

Например, таким преступлением является похищение человека, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего (угрозы таким насилием), чьи признаки отражены в п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Особенность такого составного преступления заключается в том, что в процессе похищения потерпевшего (выполнения основного деяния) лицо совершает еще одно насильственное деяние, направленное на подавление возможности его сопротивления, влекущее опасный вред для здоровья (ст. ст. 111, 112, 115 УК РФ). Причем функциональная связь между указанными деяниями присутствует за счет того, что одно из деяний выполняет функцию способа, который применяется для облегчения похищения (например, для захвата или перемещения, либо последующего удержания), одновременно с ним. Для установления субъективной связи между деяниями, объединяющей их в единое преступление, необходимо установление единого умысла лица, направленного на лишение потерпевшего свободы передвижения.

Комплексный вред от такой системы деяний образуется таким же образом, как описанный нами ранее. Однако, в данном случае следует иметь в виду, что если вред от способа (насилия) превышает степень общественной опасности основного деяния (похищения) и повлек, например, причинение смерти потерпевшему, то содеянное следует квалифицировать по совокупности п. «в» ч. 2 ст. 126 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [28].

4. Наличие причинно-следственной и субъективной связи (или ее отсутствие) между деянием и детерминированными им последствиями. Стоит заметить, что не все виды связи присутствуют в некоторых разновидностях составных преступлений. Как правило, отсутствует функциональная связь между деянием и детерминированным им последствиями, что, как отмечает А.П. Козлов, вызывает некоторые сложности для установления единства в таких преступлениях [2, С. 160–161].

Показательным примером является убийство двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при условии, что одним деянием причиняется смерть двум потерпевшим (такое преступление будет в случае убийства из личной неприязни, когда лицо, используя огнестрельное оружие, причиняет смерть одновременно двум потерпевшим, находящимся в одном месте). Оговорка об условии важна, поскольку Пленум говорит о том, что для квалификации убийства по этому признаку не важен момент наступления каждой из смертей (одновременно или в

разное время), а также наличие единого умысла на убийство двух человек [28]. Необходимо установить только то, что каждое из убийств сохранило свое уголовно-правовое значение. Однако, наша позиция такова, что в случае отсутствия единого деяния и умысла, а также при одновременности убийств деяния должны образовать реальную совокупность преступлений.

Для определения единства следует выявить субъективную связь между деянием и наступившим последствием. Она проявляется наличием единого умысла, возникшего вследствие личной неприязни и направленного на причинение смерти двум конкретным потерпевшим. Относительно причинно-следственной связи необходимо определить, что одно деяние, в совокупности с применением средств его совершения (условие), повлекло причинение смерти двум лицам, т.е. является здесь главной причиной их наступления. Об этом упоминали И.Я. Козаченко, В.Н. Курченко, Я.М. Злоченко, оговаривая, что в таких случаях необходимо, чтобы в деянии была «... заложена возможность наступления следствия (смерти двух или более лиц)» [29, С. 22].

Касательно комплексного вреда, то здесь он приобретает такой характер за счет удвоения двух тождественных вредных результатов (смерть потерпевшего и смерть потерпевшего), что повышает общественную опасность такого единичного деяния.

Тем не менее, возможны случаи отсутствия субъективной связи, когда решающее значение для признания единичным такого составного преступления приобретает причинно-следственная связь между деянием и его результатами (последствиями). Примером такого составного преступления является изнасилование, повлекшее по неосторожности заражение потерпевшей ВИЧ-инфекцией и ее самоубийство (иные тяжкие последствия), чьи признаки установлены в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ. О единичности изнасилования, повлекшего заражение ВИЧ-инфекцией, говорится в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: в случае заражения лица ВИЧ-инфекцией с неосторожной формой вины в процессе изнасилования дополнительная квалификация по ст. 122 УК РФ не требуется [30]. Более подробно и применительно к необходимости установления причинной связи пишут Л.А. Андреева и С.Д. Цэнгэл, «... если смерть потерпевшей наступает от ее умышленных действий, направленных на самоубийство, вызванное изнасилованием ..., то независимо от того, произошло это в момент изнасилования или с разрывом во времени, при наличии причинной связи и неосторожной вины насильника к такому тяжкому последствию содеянное им должно квалифицироваться по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ» [31, С. 29-30].

Как видно, здесь одно деяние (изнасилование) детерминирует сразу два последствия, где возможно установить субъективную связь только по отношению к заражению ВИЧ-инфекцией, если виновный знал или хотя бы предполагал о наличии этой болезни. Однако по отношению к дальнейшему самоубийству потерпевшей отсутствует как функциональная, так и субъективная связь. Поэтому решающее значение для вменения лицу самоубийства потерпевшей приобретает причинно-следственная связь. Здесь важно будет установить, что а) ВИЧ-инфекция приобретена потерпевшей вследствие насильственного полового акта и б) ее самоубийство детерминировано ранее пережитой психической травмой, полученной в результате изнасилования, или в) самоубийство потерпевшей наступило в результате травмирующей ситуации, связанной с осознанием наличия у нее ВИЧ-инфекции, полученной в результате изнасилования [29, С. 81-82]. Иными словами, в подобных ситуациях главным условием признания такого преступления единичным, хотя последствия от деяния могут наступить позднее (не сразу после деяния), будет выявление причинной связи, где деяние должно выступать главной причиной, влекущей комплексный вред, и/или выступать созданием дополнительного условия для наступления последствия. Само же неосторожное отношение (здесь возможны оба вида неосторожности, как небрежность, так и

легкомыслие) лица к наступившим последствиям своего деяния вполне обосновано при условии, что деяние совершается умышленно.

Относительно комплексности вреда. На наш взгляд, он также имеет место, поскольку тут вред двум дополнительным объектам уголовно-правовой охраны (здоровье и жизнь) не мог быть причинен, если бы не причинение вреда основному объекту уголовно-правовой охраны (половая неприкосновенность) от основного деяния. Два вреда, таким образом, слагаются, ввиду их взаимообусловленности, и причиняют комплексный вред одному объекту уголовно-правовой охраны (половой неприкосновенности).

Таким образом, признаками составного преступления являются следующие:

1) деяние и детерминированные им последствия, а также система деяний охватываются одним сложным составом преступления, – форма составного преступления;

2) наличие функциональной и субъективной связи, придающей системность одновременно или разновременно совершенным умышленным деяниям *или*

3) наличие причинно-следственной и субъективной связи (либо ее отсутствие) между деянием и детерминированными им последствиями, – содержание составного преступления;

4) причинение системой деяний или одним деянием, влекущим несколько последствий, комплексного вреда одному объекту уголовно-правовой охраны.

Следовательно, под составным преступлением следует понимать систему деяний или одно деяние и детерминированные им последствия, каждое из которых (деяния; деяние и последствия), если рассматривать их изолированно, являются самостоятельными преступлениями, но в силу их взаимосвязи и направленности на причинение комплексного вреда одному объекту уголовно-правовой охраны признаются единым преступлением, признаки которых отражены в сложном составе преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Феоктистов М.В., Козлов А.П., Черненко Т.Г., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть. Преступление: Академический курс в 10 т. Т. VIII. Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 1. Множественность преступлений: коллективная монография / под. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: «Юрлитинформ», 2016. 528 с.

2. Питецкий В.В. Составные нормы в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. 230 с.

3. Козлов А.П. Юридическая природа составных и альтернативных «преступлений» // Вестник КрасГАУ, 2006. № 10. С. 358–362.

4. Коробеев А.И. Общественная опасность деяния как одно из юридико-криминологических оснований установления уголовно-правового запрета // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. – М.: Юрлитинформ, 2024. 560 с.

5. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды: сборник трудов / под ред. Н.В. Кудрявцева. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. 834 с.

6. Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания): монография. – Казань: Издательство Казанского университета, 1974. 307 с.

7. Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву: монография. – М.: «Госюриздат», 1960. 119 с.

8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: монография. – М.: «Юридическая литература», 1972. 352 с.

9. Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. 158 с.

10. Агаев И.Б. Проблема повторности в уголовном праве: монография / под ред. Ф.Ю. Самандарова. – М.: «Юристъ», 2004. 157 с.
11. Уголовное право: учебник. В 3 Т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Издательский дом «Городец», 2011. 864 с.
12. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. 191 с.
13. Калинина Т.А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. 159 с.
14. Гонтарь И.Я., Зинченко И.А., Козлов А.П., Кузнецова Н.Ф. и др. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления: коллективная монография / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 522 с.
15. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский дом «Городец», 2007. 336 с.
16. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны: монография. – М.: Издательство Академии МВД СССР, 1980. 248 с.
17. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления: монография. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977. 216 с.
18. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2017. 364 с.
19. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: монография. – Екатеринбург: Издательство «Cricket», 1994. 284 с.
20. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. – М.: «Проспект», 2025. 208 с.
21. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красиков. – Саратов: Издательство СЮИ МВД России, 1999. 672 с.
22. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. – М.: Инфра-М, 2012. 528 с.
23. Благоев Е.В. Преступления в сфере экономики: курс лекций. – М.: Юрлитинформ, 2010. 212 с.
24. Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: «Юрлитинформ», 2016. 184 с.
25. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2003 г. № 2.
26. Предеин П.Ю. Составные и сложные преступления: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. 188 с.
27. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. – М.: «Юрлитинформ», 2018. 656 с.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Библиотечка Российской газеты. 1999 г. № 8.
29. Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Проблемы причины и причинности в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики: коллективная монография. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. 791 с.
30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2015 г. № 2.

31. Андреева Л.А., Цэнгэл С.Д. Квалификация изнасилований: учебное пособие. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 68 с.

CONCEPT AND FEATURES OF A COMPOSITE CRIME

Leonov N.V.

Scientific supervisor: Natalia A.L.

The article examines a composite crime as a specific manifestation of a complex single crime. The author formulates his own position regarding the singular nature of such a crime through the prism of a functional, subjective and cause-and-effect relationship. The opinion on the identity of a composite crime and a complex corpus delicti is criticized.

The argument is put forward and confirmed about the infliction of complex harm to one object of criminal-legal protection by composite crimes. Together with the presence of a relationship between the elements (system of acts; act and consequences) included in a composite crime, as well as a complex corpus delicti covering its attributes, a conclusion is made about the singular nature of this type of complex single crime. The result of the study is his own definition of a composite crime as a criminal-legal category.

The author believes that such an approach to composite crime will make it possible to more accurately distinguish it from a multiplicity of crimes.

Keywords: composite crime, complex crime, complex harm, object of criminal protection, complex single crime.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО КОМПЬЮТЕРНОМУ И ТЕЛЕФОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ

Мамин Сергей Николаевич

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
юридический институт Белгородского государственного национального
исследовательского университета, кандидат технических наук

Жукова Наталья Алексеевна

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
юридический институт Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент

Подмоков Никита Сергеевич

Магистрант,
юридический институт Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Последнее десятилетие характеризуется не только бурным развитием цифровых технологий, но и качественными и количественными характеристиками мошенничеств. В рамках представленной статьи анализируются особенности возбуждения уголовных дел по компьютерному и телефонному мошенничеству. Авторами исследуются основные сложности, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам правоохранительных органов при возбуждении уголовных дел, а также способах их преодоления. Обращено внимание на научные подходы к определению компьютерных и телефонных мошенничеств, особенности их квалификации и криминалистической характеристики. Кроме того, особый акцент сделан на возможностях применения технологий на основе искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. Это позволит оптимизировать работу правоохранителей по обработке больших данных и обнаружить цифровые следы, которые, в последствии, станут доказательствами по уголовному делу.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, компьютерное мошенничество, телефонное мошенничество, цифровые следы преступления, искусственный интеллект

Рост преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий показывает, что наряду с реальной средой преступниками все активнее используется цифровая (виртуальная) среда, которая порождает новую преступную специализацию.

В Российской Федерации в 2023 году зарегистрировано 677 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7% больше, чем в 2022 году. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес с каждым годом увеличивается: 26,5% – 2022 год; 34,8% – 2023 год [1]; 40,% – 2024 год [2].

Представленный анализ статистических данных определяет актуальность выбранной темы исследования, которая обусловлена стремительным ростом преступлений, совершаемых с использованием современных технологий. Компьютерное и телефонное мошенничество является одной из наиболее распространенных форм преступной деятельности в условиях цифровизации общества, что создает значительные угрозы для имущественной безопасности граждан, организаций и государства. Высокая латентность таких правонарушений, сложности в их выявлении, доказательственной базе и специфике расследования подчеркивают необходимость изучения особенностей возбуждения уголовных дел данной категории. Дополнительную важность теме придает постоянное совершенствование методов мошенничества, использование преступниками анонимности в цифровой среде и различных международных площадок, что значительно усложняет процесс правоохранительной деятельности. Исследование этого вопроса имеет не только теоретическую, но и прикладную значимость, поскольку его результаты могут способствовать совершенствованию правоприменительной практики, разработке эффективных методик противодействия таким преступлениям и повышению уровня правовой защиты потерпевших.

Мошенничество – это состав преступления, предусмотренный ст. 159 УК РФ, и именно по этой статье квалифицируется телефонное мошенничество. Согласно закону, мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение прав на него путем обмана или злоупотребления доверием. Характерной особенностью телефонного мошенничества является использование средств связи, в частности мобильных или стационарных телефонов, с целью введения потерпевшего в заблуждение и завладения его имуществом, что, впрочем, квалифицирующим признаком не является. Что касается компьютерного мошенничества, то данный состав преступления квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ и представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, осуществленное с использованием информационно-коммуникационных технологий. Особенностью данного вида мошенничества является применение компьютеров, программного обеспечения, интернета и других цифровых инструментов для осуществления противоправных действий. Злоумышленники используют технические средства и программы, такие как фишинговые сайты, вредоносное ПО, поддельные онлайн-платформы и базовые методы обмана в цифровой среде, для получения доступа к личным данным, банковским счетам или финансовым средствам потерпевших.

Данное преступление характеризуется высоким уровнем профессионализма и организованности, так как зачастую совершается специалистами, обладающими глубокими техническими знаниями и навыками в области информационных технологий. Компьютерное мошенничество охватывает широкий спектр действий: от взлома учетных записей и кражи данных до создания виртуальных схем обмана, таких как ложные инвестиционные проекты или поддельные интернет-магазины. Основной целью преступников является завладение ресурсами жертв, при этом следы преступлений часто тщательно скрываются с использованием анонимности цифрового пространства, что усложняет их расследование.

В контексте рассматриваемого вопроса также отметим, что в научной литературе нет единого подхода к определению терминов «компьютерное мошенничество» и «телефонное мошенничество». Телефонное мошенничество, по мнению В.Н. Кудрявцева, представляет собой преступление, заключающееся в неправомерном завладении имуществом или иными материальными благами

граждан, используя психологическую манипуляцию посредством телефонной связи [3, С. 134]. Такое определение акцентирует внимание на психологической стороне преступления, связанной с обманом и злоупотреблением доверием жертвы, а также подчеркивает ключевую роль технологии, являющейся средством коммуникации. В.Н. Кудрявцев считает важным рассматривать это преступление через призму воздействия на личность жертвы, что делает данный подход актуальным при анализе современных угроз в условиях цифровизации.

А.В. Бриллиантов предлагает рассматривать телефонное мошенничество как форму киберпреступления, в котором телефон используется не только как средство связи, но и как инструмент доступа к электронным или банковским системам жертвы [4, С. 240]. Это определение подчеркивает технологическую природу мошенничества и его связь с финансовыми системами, акцентируя внимание на последствиях для имущественной безопасности. В отличие от подхода В.Н. Кудрявцева, здесь ключевым элементом становится не психологический аспект взаимодействия с жертвой, а использование телефонии для достижения экономических целей. Сравнивая оба определения, можно заметить, что подход В.Н. Кудрявцева глубже раскрывает механизмы взаимодействия преступника и пострадавшего, тогда как А.В. Бриллиантов больше уделяет внимание технической составляющей, раскрывающей связь телефонного мошенничества с киберпреступностью. Оба подхода обогащают научное понимание проблемы, подчеркивая разные аспекты ее многостороннего характера.

Что касается определения термина «компьютерное мошенничество», то согласно позиции А.А. Комарова, компьютерное мошенничество определяется как общественно опасное деяние, связанное с умышленным и неправомерным использованием компьютерных технологий или электронных систем для получения имущественной выгоды за счет обмана или злоупотребления доверием [5, С. 31]. Это определение акцентирует внимание на обманной сущности действий мошенника, а также подчеркивает связь преступления с высокими технологиями. А.А. Комаров делает особый акцент на умышленном характере действий преступника, что является ключевым признаком для квалификации преступного деяния в рамках уголовного права. Таким образом, его подход подчеркивает связь между киберпреступностью и вопросами нарушения имущественных прав.

Иную точку зрения представляет М.В. Базилевская, которая рассматривает компьютерное мошенничество как преступное использование современных информационно-коммуникационных технологий, включающее не только непосредственный обман, но и взлом цифровых платформ, подделку данных и незаконный доступ к системам хранения информации для достижения личной выгоды [6, С. 160]. В отличие от определения А.А. Комарова, подход М.В. Базилевской акцентирует внимание на технической стороне мошенничества, включая действия, связанные с нарушением информационной безопасности. Анализируя оба определения, можно отметить, что А.А. Комаров делает акцент на традиционном юридическом подходе к квалификации мошенничества, адаптируя его к новой среде – информационным технологиям. М.В. Базилевская же более детально раскрывает техническую сторону преступления, что делает его определение более современным и применимым для расследования конкретных эпизодов киберпреступности.

Как состав преступления, мошенничество обладает рядом особенностей, которые обуславливают наличие определенных сложностей при квалификации содеянного по данной статье. В частности, мы можем выделить:

1) высокую латентность. Как совершенно верно отмечает Т.Н. Семенихина, мошенничество нередко маскируется под вполне легальные сделки, что существенно усложняет выявление данного вида преступных деяний [7, С. 347];

2) разнообразие форм мошенничества. Мошенничество может проявляться в самых различных формах, включая финансовое мошенничество, интернет-мошенничество, банковское мошенничество, страховые и налоговые махинации.

Каждая форма имеет свои специфические признаки, которые требуют различного подхода в расследовании;

3) технологическую составляющую. Современные технологии предоставляют мошенникам широкий арсенал инструментов для манипуляции информацией и средствами. К примеру, с помощью интернет-технологий мошенники могут маскировать свои действия в глобальной сети, делая их труднодоступными для расследования.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемые составы преступления обладают определенными сложностями в своей квалификации, что в совокупности обуславливает наличие определенных особенностей на стадии возбуждения уголовного дела.

Рассмотрение вопроса начнем с того, что уголовное дело возбуждается в порядке, предусмотренном ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Как отмечает А.Е. Григорьева, наибольшие сложности в сфере возбуждения уголовных дел по делам о мошенничестве возникают в том случае, если имело место компьютерное или телефонное мошенничество [8, С.218]. Наличие сложностей в данном случае обусловлено несколькими факторами:

Во-первых, компьютерное и телефонное мошенничество подразумевает использование достаточно сложных технических приемов, компьютерных программ и пр., которые предназначены для анонимизации преступника. В качестве примера таких технологий можно привести VPN-программы, прокси-серверы и пр. В этом случае затрудняется поиск личности преступника. То есть, уголовное дело можно возбудить по факту совершения преступления, однако зачастую личность виновного так и остается неизвестной для следствия. Например, в приговоре Ковровского городского суда Владимирской области от 16 июня 2023 года по делу № 1-12/2023 осужденный Ф. совершил преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159.6 УК РФ, то есть компьютерное мошенничество с помощью сети «Интернет», а также посредством запуска самостоятельно разработанных вредоносных программ в компьютерные сети потерпевших, что позволило получить неправомерный доступ к их персональным компьютерам, в том числе и к банковским данным [9].

Во-вторых, нередко следователи сталкиваются с юрисдикционными проблемами. Компьютерные и телефонные мошенничества нередко совершаются или за границей, или с использованием серверов, находящихся за рубежом. При этом каждая страна имеет свои правила расследования таких преступлений, которые могут противоречить нормативным правилам, установленным в РФ. Кроме того, для совершения телефонного мошенничества нередко использовалась IP-телефония, что позволяло преступникам использовать подменные номера, по которым их было бы сложнее вычислить. Например, в постановлении Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 25 января 2024 года по делу № 1-180/2024 указано, что виновный Р. с помощью IP-телефонии действуя умышленно с корыстной целью совершил звонок на номер потерпевшей К. и сообщил, что ее дочь попала в ДТП, в котором пострадали другие лица, и стал убеждать ее передать денежные средства под предлогом освобождения дочери от уголовной ответственности. Потерпевшая передала деньги виновному, однако впоследствии дело было прекращено в связи с примирением сторон [10].

В-третьих, нельзя не согласиться с тем, что сбор и интерпретация доказательств по делам о компьютерном или телефонном мошенничестве требует наличия у сотрудника правоохранительных органов специальных знаний в области кибербезопасности и информационных технологий. Зачастую для возбуждения рассматриваемой категории дел необходимо изыскать цифровые следы преступления, что весьма проблематично, так как использование специальных компьютерных программ может позволить и вовсе не оставить никаких следов, что делает поимку преступника практически невозможной.

В-четвертых, высокая латентность данной категории преступлений. Как отмечает Н.И. Малыгина, зачастую жертвам телефонного или компьютерного

мошенничества настолько стыдно признаться в том, что в отношении него совершено преступление, что они просто не обращаются в правоохранительные органы [11, С. 240]. Соответственно, уголовные дела по факту совершения рассматриваемой категории преступлений не возбуждаются, а преступник и вовсе уходит от наказания.

Таким образом, можно констатировать, что сложности возбуждения уголовных дел по факту совершения телефонного или компьютерного мошенничества сопряжены по большей части со сложностями технического характера. При этом стоит отметить, что существуют объективные направления совершенствования действующего законодательства, направленные на устранение или минимизацию ранее рассмотренных сложностей при возбуждении уголовных дел.

Первое, на что необходимо обратить внимание – это совершенствование технологии анализа данных, в том числе внедрение в следственную и оперативную деятельности более сложных алгоритмов, в том числе с использованием искусственного интеллекта. В отличие от человека, машинный алгоритм может более детально исследовать предоставленные ему объекты в цифровом пространстве и выявить оставленные преступником цифровые следы преступления. Естественно, что внедрение подобной технологии должно иметь правовую регламентацию, так как в противном случае доказательства, полученные таким способом, будут ничтожными.

В целом, можно констатировать, что внедрение в следственную деятельность технологий на основе ИИ будет способствовать минимизации сложностей в рамках возбуждения уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений. Считаем, что это будет проявляться в следующем:

1. Искусственный интеллект может автоматически отслеживать различные транзакции и телефонные звонки, мгновенно отмечая возможные нарушения или подозрительные действия, что позволит сотрудникам правоохранительных органов реагировать более оперативно.

2. Искусственный интеллект обладает широкими возможностями по прогнозированию преступной деятельности, в том числе и в сфере компьютерного и телефонного мошенничества. На основе анализа больших массивов данных, он может предсказать мошенническое поведение, что будет играть явную превентивную функцию.

3. Искусственный интеллект может анализировать различные цифровые следы, оставленные злоумышленниками, такие как IP-адреса, местоположения, адреса серверов и пр. Кроме того, на основе искусственного интеллекта работают технологии распознавания лиц и голосов, которые могут быть использованы для идентификации лиц, виновных в совершении телефонного мошенничества.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что возбуждение уголовных дел по фактам совершения телефонного или компьютерного мошенничества сопряжено с рядом сложностей, в числе которых высокая латентность данной категории преступлений, трудности в поиске и изъятии цифровых следов преступлений, транснациональность такой преступности и пр. Полагаем, что все эти трудности способно преодолеть использование технологий на базе искусственного интеллекта, который в отличие от человека может не только анализировать большие массивы данных и более успешно обнаруживать цифровые следы преступлений, но также и выполнять прогностическую функцию, направленную на предотвращение совершения компьютерных и телефонных мошенничеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2023, – 63 с. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/media/sostoianie-prestupnosti-v-rossii>. ecggponnuxuy..pdf (дата обращения 11.12.2024).

2. Информационный интернет-портал «МВД МЕДИА»/- URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения 31.01.2025).
3. Кудрявцев В.Н. Российское уголовное право. Особенная часть. М., 2016. 401с.
4. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII. М., 2023. С. 240.
5. Комаров А.А. Исследование по вопросу определения объёма генеральной совокупности жертв мошенничества, совершённого посредством глобальной компьютерной сети Интернет // Юридические исследования. 2020. № 4. С. 29-45.
6. Базилевская М.В. Соотношение мошенничества в сфере компьютерной информации и определение его места в системе киберпреступности и компьютерных преступлений // FUNDAMENTAL SCIENCE AND TECHNOLOGY: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 07 декабря 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. С. 159-167.
7. Григорьева А.Е. Выявление и расследование интернет-мошенничества на первоначальном этапе // Аграрное и земельное право. 2022. № 12. С. 218-219.
8. Семенихина Т.Н. Порядок проверки факта дистанционного мошенничества, совершенного с использованием сети интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 346-350.
9. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 16 июня 2023 г. по делу № 1-12/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2dMsxJbKfhLR/> (дата обращения: 10.01.2025).
10. Постановление Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 25 января 2024 г. по делу № 1-180/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xUE8oaarFcgw/> (дата обращения: 10.01.2025).
11. Малыхина Н.И. Алгоритм действий следователя в типовых ситуациях расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети интернет // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 238-247.

PECULIARITIES OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON COMPUTER AND TELEPHONE FRAUD

Mamin S.N., Zhukova N.A., Podmokov N.S.

The last decade has been characterized not only by the rapid development of digital technologies, but also by the qualitative and quantitative characteristics of fraud. Within the framework of the presented article, the features of the initiation of criminal cases on computer and telephone fraud are analyzed. The authors investigate the main difficulties that law enforcement officers have to face when initiating criminal cases, as well as ways to overcome them. Attention is drawn to scientific approaches to the definition of computer and telephone frauds, the peculiarities of their qualification and criminalistic characteristics. In addition, special emphasis is placed on the possibilities of using artificial intelligence-based technologies in law enforcement. This will optimize the work of law enforcement agencies in processing big data and detect digital traces, which will later become evidence in a criminal case.

Keywords: criminal proceedings, computer fraud, telephone fraud, digital traces of crime, artificial intelligence

УДК 94(47)

КАТОРГА КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ

Упоров Иван Владимирович
Д.и.н., к.ю.н., профессор,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар

Институт наказаний, так или иначе связанных с лишением свободы в отношении преступников, стал формироваться в российском государстве, начиная с XVII в., когда в Соборном уложении 1649 г. появилось тюремное заключение. Там же закреплялось и ранее применяемая ссылка в отдаленные места в отношении политических противников правящей элиты. В дальнейшем эти два вида, оставаясь самостоятельными видами уголовной репрессии, в совокупности составили основу нового вида уголовного наказания – каторгу, когда осужденные к нему не только ссылались в отдаленные места, но и привлекались к работам, как правило физически тяжелым, в интересах государства, и при этом содержались в каторжных тюрьмах. В статье рассматривается начальный этап формирования данной составляющей пенитенциарной политики российского государства, при этом законодатель тогда использовал такие термины, как «каторга», «ссылка на каторгу, «ссылка на каторжные работы»). Отмечается, что на системном уровне каторжные работы стали применяться в годы правления Петра I, при этом данный вопрос регулировался указами императора, который стремился в максимальной степени использовать дешевый труд осужденных преступников для решения экономических задач государства (строительства крепостей, бастионов, других объектов), что отвечало его грандиозным реформаторским планам. На этом обстоятельстве, как важнейшем факторе, обусловившем появление рассматриваемого вида уголовного наказания, делается акцент. Анализируются соответствующие правовые акты, которые определяли особенности формирования ссылки в каторжные работы, а также научные труды, где затрагивается данная проблематика, делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: уголовные наказания, Петр I, ссылка, каторжные работы, государство, экономические интересы, указ.

На системном уровне уголовные наказания в российском государстве стали регулироваться, начиная с Соборного уложения 1649 г., где, среди прочих, закрепляется ссылка [1, с. 65-153]. Так, согласно ст.129 гл. X полагалось "сослати в украинные города в службу" подъячих, которые во второй раз будут уличены в корысти. Уложение не содержит норм, каким-либо образом регулирующих порядок и условия исполнения ссылки, но государство в отдельных правовых актах того периода активно ищет оптимальные пути исполнения ссылки [2, с. 61]. Так, по указам 1679 и 1680 гг. велено было всех тех воров, которые подлежали отсечению

рук, ног и двух перстов, отсылать в Сибирь, при этом "означенной казни им не чиня". В последующем круг деяний, за которые полагалась ссылка, заметно расширяется, при этом ссылным на местах предоставлялись некоторые льготы на первоначальное "обзаводство" хозяйством, то есть, ссылные были, безусловно, ограничены в свободе своих действий, и прежде всего свободе передвижения, однако в повседневной жизни на территории, где им предписывалось проживать, они имели достаточно свободы, чтобы самостоятельно обустроить свою жизнь, которая нередко была сопряжена с "тяжкими страданиями", и в целом во второй половине XVII в. ссылка объективно служила для государства "неиссякаемым источником, из которого черпались рабочие силы для заселения и укрепления границ, для добывания хлебных запасов на продовольствие служилым людям» [3, с. 246].

Тем самым стали обозначаться предпосылки использования труда осужденных к ссылке для извлечения экономических выгод, и прежде всего имея в виду освоение отдаленных территорий. С другой стороны, в Уложении уже предусматривалось наказание в виде лишения свободы («вкинута в турму»), однако это был только начальный этап системного регулирования данного вида наказания, нормы о нем были обрывочными, не указывались пределы лишения свободы, равно как не определялся порядок его исполнения, законодатель обозначал лишь меры для того, чтобы «сидельцы не утекли» из тюрем, не было норм и о привлечении их труду, то есть тюремное заключение как самостоятельный вид уголовного наказания только лишь формировался [4].

Подчеркнем, что осужденные к тюремному заключению тогда еще не привлекались к работам, в отличие от ссылных.

И вот в начале XVIII в. стал появляться своеобразный симбиоз ссылки и тюремного заключения, отражая специфику России как государства, имеющего самые большие территориальные пространства, причем ссылка на каторжные работы со временем стала одним из самых суровых наказаний (после смертной казни). Активное применение этого вида наказания связывается с реформаторской деятельностью Петра I, имея в виду, что для реализации соответствующих реформ требовалось множество рабочих рук, тогда и было решено активнее использовать преступников в качестве дешевой (де-факто – бесплатной) рабочей силы. Соответствующей стала и правоприменительная практика, когда смертная казнь заменялась каторжными работами. И здесь логика власти была такова: с казенного преступника государство в материальном плане ничего не может взять, а если он живой, то как рабочая единица может быть полезен в разного рода экономических государственных проектах, и прежде всего на строительстве различных власти сооружений, будь то крепости, дороги, заготовка леса и т.д.

О таком подходе свидетельствуют и соответствующие правовые акты. Так, в одном из указов Петр I в отношении мошенников с казенными деньгами предписывал, в частности: «которые виновны посадские люди ... сказать смерть и положить на плаху, но от плахи подняв быть, вместо смерти кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов на вечное житье с женами и с детьми и быть им на каторгах в работе» [5]. Как видно, законодатель вполне определенно указывает цель ссылки на каторжные работы, которая заключается не просто в удалении преступников в окраинные территории, но и в их принудительном труде для решения определенных экономических задач государства, причем труд имелся в виду физически тяжелый. Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что пока еще здесь превалирует составляющая ссылки, а не тюремного заключение, поскольку разрешалось направляться с семьей и там искать жилье, а не находиться в тюрьме. Но довольно скоро тюремная составляющая составила одну из основ каторги как самостоятельного вида уголовного наказания, и приговоренные к нему, в отличие от ссылных в отдаленные места, уже не имели свободы выбора рода деятельности, а обязаны были работать там, где им предписывалось.

В этом контексте следует заметить, что сведения о каторжных работах можно обнаружить в более ранних документах. Так, в литературе указывается, что

еще в 1668 г. служащий Посольского приказа Винниус предлагал ввести каторжные работы на Хвалынском (Каспийском) море, имея в виду работу на гребных судах, или галерах; наиболее широко каторжные работы были распространены на Азове, а с утратой Азова центрами каторги стали Балтийское море, Оренбург, Ревель, Рига, Таганрог и Петербург» [6, с. 28]. Но тогда еще не появились петровские реформы, поэтому именно с начала XVIII в. стала проявляться потребность в большем количестве рабочей силы, и Петр I считал нужным привлекать ссыльных не только на галеры, как раньше, но также и к другим работам, соответственно каторге перестала ассоциироваться с «галерами», и теперь уже связывалась с любыми тяжелыми и массовыми работами, к которым привлекают осужденных преступников в интересах государства, и чаще всего для сооружения крупных объектов, как правило, военного назначения, то есть, именно экономические соображения стали решающими при определении места отбывания тюремного заключения и ссылки, которая к тому времени уже представляла собой фактически разновидность лишения свободы.

Что касается правового регулирования трудоустройства арестантов, то нормативная регламентация отсутствовала, уступая место правоприменительной практике. Например, в 1700 г. Петр I требует «завести в Тобольску кирпичные великие заводы и в тех ссыльными и иными людьми делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число» [7, с. 53]. Через три года, как отмечает А. Филиппов, император дает следующее предписание: «Ныне же зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров (а именно есть ли возможно 2000 человек) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути и которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде» [8, с. 67]. Следует заметить, что в такого рода документах уже достаточно четко отражается позиция государства по отношению к трудоустройству преступников – «злодеи» должны трудиться в интересах государства.

Такая поворот в пенитенциарной политике российского государства обусловлен, очевидно, прежде всего тем, что российский император обладал огромной жизнедеятельной энергией, разрабатывал и пытался претворить в жизнь множество планов по укреплению государства, для чего нужны были заводы, фабрики, крепости и т.д. Для их сооружения, как отмечалось выше, требовалось большое количество рабочих рук, и как раз осужденные преступники дешевизной своей рабочей силы были вовлечены в решение государственных экономических задач. Здесь же заметим, что государство достаточно активно использовало также труд «государственных холопов», имея в виду людей, находящихся в крепостной зависимости от самого государства. Так, в 1707 г., узнав о приостановке на сооружении Петропавловской крепости, Петр I пишет Кикину: «Того ради донеси господину Апракину, чтоб на сию работу каторжных невольников употребить, понеже ныне лето своими тишинами миновалось, а галерам больше дела нет; к тому и *холопей государевых* прибавилось» [8, с. 188]. Расширялась также практика замены смертной казни ссылкой в каторжные работы – в частности, как отмечает В.Н. Латкин, в 1714 г. предусматривалось «разбойников за второй раз вместо смерти сослать на вечную каторгу» [9, с. 423].

В рассматриваемый период государство не просто определяло цель использования осужденных преступников (привлечение на работы для государственных нужд), но и в деталях расписывало, где и в каком количестве использовать осужденных, за что именно сослать на каторгу и т.д. В литературе приводится пример, когда в 1715 г. Петр I требует «каторжных не употреблять в мелкие и разные работы, но на те, кои на одном месте, а именно свай бить и прочие тому подробные» [6, с. 116], а в 1717 г. давал такое толкование: «Если рекрут прежде года своей службы в полку побежит, то его за сей побег бить шпицрутенами через полк по разу на три дня, а когда в другой раз убежит или более года кто в службе, тех вместо смерти бить кнутом, и, вырезав ноздри перед полками, сослать в вечную каторгу на галеры» [8, с. 116].

Что касается законодательного закрепления «сослания на каторгу» («на галеру»), что это было сделано путем соответствующих правовых норм в Артикуле воинском 1715 г. [10] В этом акте ссылка в каторгу отграничивается от тюремного заключения, и при этом законодатель не регулирует вопросы, связанные с привлечением «тюремных сидельцев» к каким-либо работам, из чего следует вывод о том, что наказание в виде ссылки на каторжные работы имело более весомое значение, чем тюремное заключение. В Артикуле воинском 1715г. ссылка на каторгу встречается в пяти артикулах (арт. 63, 65, 149, 167, 196). В дальнейшем каторга также преследовала цель эксплуатации со стороны государства дешевого труда осужденных преступников. С 1721 г. данный вид наказания стал подразделяться вечную каторгу и временную каторгу, (с принятием Устава о ссыльных 1822 г. вечная, или бессрочная, ссылка в каторжные работы была ограничена двадцатью годами[11]). Перед направлением на каторгу арестант подвергался также телесным наказаниям (были отменены только во второй половине XIX в. [12]. В этой связи известный российский криминалист И.Я. Фойницкий отмечал, что «в первой половине XVIII века каторга была у нас не только и даже не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда. Сюда стекались, кроме осужденных преступников, несостоятельные к уплате государственных повинностей и частных долгов для отработки их, тут же находились и люди, приписанные к данным работам, каковы адмиралтейские и артиллерийские служители и заводские рабочие» [13, с 269].

Поскольку экономическая составляющая стала играть все большую роль в вопросах исполнения уголовных наказаний, то именно труд осужденных преступников при Петре I стал определяющим фактором в выборе мест отбывания лишения свободы (в виде ссылки на каторгу). Первоначальным сосредоточением значительного количества каторжников был Рогервик (Балтийский порт), куда ежегодно, вплоть до окончания строительства (1767 г.) направлялось большое число каторжных. Преступники активно использовались на строительстве разных объектов новой столицы – Петербурга, а также Оренбурга, Риги, Ревеля, Таганрога, Екатеринбург и др.

С петровской же эпохи берет свое начало использование труда осужденных преступников в промышленной Сибири. В последующее время эта сфера применения труда осужденных преступников неизменно расширялась (но с меньшей интенсивностью, учитывая, последователи Петра Великого не отличались масштабами преобразований), а работа ссыльных в рудниках стала одним из самых суровых наказаний по российскому уголовному праву, что было довольно четко закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Как замечает Н.Г. Фельдштейн, правительству «в изобилии нужны были рабочие руки, и подневольный труд поглощал собою другие составные части этого наказания» [14, с. 131-132]. Д.А. Дриль писал, что «нравственные условия каторги того времени были поистине ужасными» [15, с. 12]. В 1795 г. генерал-адъютант Князев в письме к генерал-прокурору писал, что «ссылочные невольники для работы везде нужны, где только крепости инженерного ведомства по границам находятся, наипаче же потому, что во многих местах вольнонаемных людей ни за какие деньги отыскать невозможно» [16, с. 435]. Этой причиной объясняется появление Указа от 13 сентября 1797 г. [17], согласно которому все преступники разделяются на три категории: осужденных в каторгу вместо смертной казни должны быть, по наказанию кнутом, отправляемы в работы в Нерчинск; осужденные на вечную ссылку препровождаются в иркутскую суконную фабрику; наконец, осужденные к телесным наказаниям и без него к заключению в смиренный и рабочий дома, на срок или навсегда, предписывалось отправлять на строительство крепостей. Об условиях отбывания ссылки в каторжные работы есть немало работ, в том числе последних лет[18; 19; 20; 21; 22 и др.].

И только к рубежу XIX-XX вв. тяжесть каторжных работ была смягчена, на то в определенной степени повлияли идеи естественного права, которые к тому

времени уже распространялись в европейских странах [23]. В советском государстве ссылка в каторжные работы была отменена, однако в период функционирования печально известного ГУЛАГа власть также использовала дешевый труд заключенных для извлечения экономических выгод государству. После смерти Сталина ГУЛАГ был преобразован в обычную исправительно-трудовую систему, но осужденные, лишенные свободы, по-прежнему привлекались к обязательным работам, и прежде всего для строительства разного рода объектов государственного значения, хотя, безусловно, на более гуманной основе и с оплатой их труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. М.: Юрид. лит-ра, 1985.
2. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998.
3. Сергиевский Н.Д. наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.
4. Упоров И. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в русском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 91.
5. Указ именный от 24.11. 1699 г. «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам» // ПСЗ-1. №1722.
6. Фумм А.М. Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государства XVIII века // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 4. С. 27 – 31.
7. Памятники сибирской истории. Т.1. СПб., 1882. 551 с.
8. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М.: Универс.тип., 1891. 457 с.
9. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX столетия). СПб., 1899. 532 с.
10. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв.: Законодательство периода становления абсолютизма. Т.4 / Отв. ред. А.Г.Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. С. 314-327.
11. Спасенников Б.А., Фумм А.М. К вопросу о наказаниях в виде ссылки и каторжных работ в Российском государстве XVI – начала XX вв. // На пути к гражданскому обществу. 2017. № 1. С. 65-69.
12. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Монография. Санкт-Петербург, 2004.
13. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. А. Бенке, 1889. 514 с.
14. Фельдштейн Н.Г. Ссылка. М., 1893.
15. Дриль ДА. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. 8. D.A. Dril. Sssylka in France and Russia. SPb., 1899.
16. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891
17. Указ именной от 13.09.1797 г. «О распределении уголовных и других преступников по важности их в каторжную работу на поселение и в крепостные работы» // ПСЗ-1. № 18140.
18. Иванов А. А. Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII)// Научный диалог. 2023. № 2. С. 318-335.
19. Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.
20. Кузьмин С.И. Каторга и ссылка Российского государства: начало XVIII – середина XIX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 8. С. 23-27.
21. Малышев И.С. «Сменки» ссыльных народников на этапном пути в Сибирь // Власть. 2024. № 5. С. 295-304.

22. Рейнхардт А.И. Формирование российской пенитенциарной системы в дореволюционный период // История. Культурология. Политология. 2024. № 4. С. 44-50.

23. Уповов И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.

HARD LIFE AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA: INITIAL STAGE OF FORMATION

Uprov I.V.

The institution of punishments, one way or another connected with the deprivation of liberty in relation to criminals, began to form in the Russian state, starting from the 17th century, when imprisonment appeared in the Cathedral Code of 1649. It also consolidated the previously used exile to remote places in relation to political opponents of the ruling elite. Later, these two types, while remaining independent types of criminal repression, together formed the basis of a new type of criminal punishment – hard labor, when those sentenced to it were not only exiled to separate places, but also forced to work, usually physically difficult, in the interests of the state, and were kept in penal prisons. The article examines the initial stage of the formation of this component of the penitentiary policy of the Russian state, while the legislator then used such terms as "penal servitude", "exile to penal servitude", "exile to penal servitude"). It is noted that at the systemic level, penal servitude began to be used during the reign of Peter I, while this issue was regulated by decrees of the emperor, who sought to use the cheap labor of convicted criminals to the maximum extent to solve the economic problems of the state (construction of fortresses, bastions, and other objects), which corresponded to his grandiose reformist plans. This circumstance, as the most important factor that determined the emergence of the type of criminal punishment under consideration, is emphasized. The relevant legal acts that determined the specifics of the formation of exile to hard labor, as well as scientific works that touch upon this issue, are analyzed, and the author's generalizations are made.

Keywords: criminal punishments, Peter I, exile, hard labor, state, economic interests, decree.

УДК 343.28/.29

СУДИМОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Южанин Вячеслав Ефимович

Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», г. Рязань, Россия
SPIN-код: 9432-9366

Пантюхина Инга Владимировна

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», г. Рязань, Россия
SPIN-код: 3985-3067

Авторы рассматривают судимость самостоятельным правовым явлением, определяя ее триадой: преступление – приговор суда – наказание. Наказание устанавливает правоограничения для осужденного, судимость – для отбывшего наказание. Во время отбывания наказания судимость не является качественной особенностью осужденного, а сопровождает его, и не является определителем рецидива. После исполнения наказания, судимость выполняет функцию контроля за освобожденным и обеспечения безопасности общества, а при совершении нового преступления образует рецидив.

Совершение преступления во время отбывания наказания должно признаваться не рецидивным, а пенальным повторным деянием, которое называют совокупностью приговоров. Повторение определяет действие, а совокупность приговоров – его результат. Осужденный считается судимым с момента вступления приговора в законную силу (ст. 86. УК РФ), а рецидив указывает на судимость (ст. 18 УК РФ). Быть судимым не означает судимость, последняя возникает после отбытия наказания.

Обосновывается необходимость предусмотреть специальный рецидив преступлений с криминальной идеологией без сроков погашения судимости. В связи с опасностью повторения неосторожных деяний в УК РФ предложено включить обстоятельством, отягчающим наказание – судимость, а не рецидив преступлений.

Ключевые слова: судимость, наказание, рецидив, уголовная ответственность, правоограничения, неосторожный рецидив, сроки погашения судимости, осужденный, освобожденный от наказания, повторность деяния.

Впервые за всю историю развития законодательства о рецидиве преступлений в ст. 18 УК РФ 1996 года дано его определение, как «совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Если внимательно присмотреться к этому определению, то в нем можно выделить три его признака: повторность, умышленный характер преступлений и наличие судимости.

Сравнение рецидива с совокупностью преступлений обнаруживает их общие признаки: 1) повторность свойственна рецидиву и реальной совокупности преступлений; 2) умышленный характер деяний присутствует в обеих формах множественности преступлений. Отличить их можно только по судимости: ее наличие означает, что лицо подверглось судебному осуждению и вынесенному по нему наказанию. Повторение преступления при наличии судимости ведет к признанию рецидива преступлений.

Обратим внимание на формулировку законодателя, данную в ч. 1 ст. 86 УК РФ «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости». Реально судимым лицо можно признать только, когда оно становится или осужденным при отбывании карательной меры, или освобожденным от нее до момента погашения или снятия судимости.

Но при отбывании каких мер возможно признание судимости? Ответ на этот вопрос дает ч. 2 ст. 86 УК РФ, в которой указывается на погашение судимости при условном осуждении и наказаниях, как не сопряженных с лишением свободы, так и сопряженных с ним. Значит судимость возможна только в случаях назначения наказания и иной меры уголовно-правового характера – условного осуждения. Она не возникает при других мерах уголовно-правового характера: конфискации имущества, судебного штрафа, отсрочки отбывания наказания, принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия.

Здесь следует оговориться, что при обоих видах отсрочки отбывания наказания судимость присутствует, как последствие наказания, а не отсрочки. Судимость, связанная с наказанием, может быть снята при достижении ребенком 14-летнего возраста или при истечении срока, равного сроку наказания (ч. 3 и 4 ст. 82 УК РФ). Законодатель не упоминает о снятии судимости после освобождения осужденного-наркомана при выполнении всех условий отсрочки в ст. 82.1 УК РФ. Мы предлагаем восполнить этот пробел указанием в ч. 3 данной статьи, что при освобождении от отбывания наказания с осужденного снимается судимость (по аналогии с нормой ч. 3 ст. 82 УК РФ).

Таким образом, напрашивается вывод о том, что судимость следует не только от преступления и от того, что виновный был подвергнут судебному решению (приговору), но и от того, что ему было назначено наказание и оно вступило в силу. Подтверждение этому мы находим в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П, в котором он определил, что судимость есть «правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законом правовые последствия» [1]. В связи с этим, судимым лицо определяет триада: преступление – приговор суда – наказание.

Каждое звено этой триады должно быть в наличии. Например, если прекращено уголовное преследование по основаниям, предусмотренным ст. 75 и 76 УК РФ, то в соответствии со ст. 25 и 26 УПК РФ аннулируются все последствия, связанные с преступлением, и судимость лица исключается, при этом преступление остается, но приговор не выносится. То же самое происходит, когда выносится приговор, но без назначения наказания. В данном случае отсутствует последнее звено – наказание (ст. 92 УК РФ – освобождение от наказания несовершеннолетних).

Статью 86 УК РФ принято трактовать так, что судимость присутствует в момент отбывания наказания и после его отбытия в пределах сроков ее погашения, определенных в ч. 2 той же статьи. Судимость по определению Конституционного Суда РФ – это «правовое состояние лица». Из данного определения следует, что в момент отбывания лицом наказания судимость – это правовое состояние осужденного, а после отбытия им наказания – освобожденного. Правовое состояние складывается из ограничений, предусмотренных законодательством для осужденного и освобожденного. Ограничения в правовом положении осужденного

определяются уголовно-исполнительным законодательством, а для освобожденного – разбросаны по нормативным актам иных отраслей права.

При этом мало кто замечает, что законодатель в ч. 1 ст. 86 УК РФ провозглашает, что «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу». Обращаем внимание на то, что законодатель апеллирует к «судимому» лицу, а не к судимости. Тогда как ч. 1 ст. 18 УК РФ указывает на признание рецидива преступлений, совершенных «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление». Казалось бы, быть судимым и судимость за преступление – одно и то же. Однако это разные правовые явления: судимым лицо может считаться с момента вступления приговора суда в законную силу, а судимость появляется после отбытия наказания, как «юридическое последствие, связанное с вынесением обвинительного приговора, действующее после отбытия виновным установленного наказания» [2, С. 1219].

Судимость, как особое правовое состояние лица, совершившего преступление, должно рассматриваться за пределами наказания, и это состояние определяется не уголовным, а иными отраслями права. Оно связано с предупреждением новых преступлений, обеспечением безопасности граждан, общества и государства. Это отдельный правовой институт, хоть и зависит он от назначенного наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Справедливо пишет об этом А.Ф. Мицкевич: «Судимость не является качественной особенностью уголовного наказания. Она есть самостоятельное явление, имеющее тесную связь с уголовной ответственностью и наказанием, однако правовая природа ее значительно отличается от природы уголовного наказания» [3, С. 25]. Отличительные характеристики этих правовых явлений складываются из следующего: характер и объем правоограничений при судимости не находится в жесткой зависимости от совершенного преступления и личности преступника; состояние судимости существует при условном осуждении, отсрочке отбывания наказания, правовая природа которых не тождественна уголовному наказанию; срок судимости может быть продлен судом, что невозможно в отношении наказания и др. [3, С. 23-25].

Правоограничения после отбытия наказания, предусмотренные в различных отраслях права, выполняют функцию контроля за лицами, которые когда-то совершили преступление и представляют опасность для общества, хотя они и отбыли положенное наказание. Так, ст. 2 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» определяет, что «административный надзор устанавливается для предупреждения совершения лицами, указанными в ст. 3 настоящего Федерального закона, преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов» [4]. На это указывают и другие правоограничения для освобожденных, имеющих судимость. Например, им не выдается лицензия на приобретение оружия, а также на занятие охранной деятельностью.

Правовое положение осужденного, связанное с правоограничениями, определяется наказанием, а не судимостью. Судимость во время отбывания осужденным наказания сопровождает его, создает основу для правоограничений, но не включает эти правоограничения в себя. Она находится за рамками уголовного и уголовно-исполнительных правоотношений при отбывании осужденным наказания. После отбытия наказания судимость выполняет роль последствия наказания, при течении срока ее погашения она наполняется не уголовно-правовыми правоотношениями, а правоотношениями, связанными с реализацией норм иных отраслей права. Ее самостоятельность в отрыве от наказания заключается в том, что она не сопровождает правоограничения, а выступает их носителем. Она не является наказанием, но как бы заменяет его после его отбытия, предусматривая правоограничения, но уже преследуя иные цели, имеющие профилактический характер, отличающиеся от целей наказания.

Правоограничения судимости не несут в себе карательный заряд уголовной ответственности, которая реализовалась при отбывании наказания, они обеспечивают безопасность для общественных отношений, складывающихся после окончания уголовно-правового принуждения. По мнению многих авторов, они являются последствием уголовной ответственности, но не выражают ее, а находятся за ее рамками [5, С. 62; 6, С. 26; 7, С. 31; 8, С. 31–32].

Если у осужденного во время отбывания наказания судимость за предыдущее преступление погашена или снята, а судимость за вновь совершенное преступление, как мы выяснили, отсутствует так как он еще не отбыл наказание, то образуется вакуум с судимостью и, в связи с этим, если он совершит новое преступление во время отбывания наказания, оно не будет считаться рецидивным. В триаде «преступление – умышленный характер преступлений – судимость» отсутствует последнее звено. Как считают некоторые авторы, это явление можно отнести к совокупности приговоров, но дают они этому поверхностное объяснение, обходя проблему, связанную с судимостью: исправление еще не завершено и не был применен весь комплекс мер исправительного воздействия и еще потому, что осужденные находятся в стрессовой обстановке [9, С. 13; 10, С. 217].

Действительно, если признать в таком случае рецидивом преступление, совершенное при отбывании наказания, то при назначении наказания суд может дважды учесть это преступление: опираясь на особые правила назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ) и дополнительно используя ст. 68 УК РФ, в соответствии с которой усиливается наказание при рецидиве преступления. Все это противоречит принципу справедливости, зафиксированному в ст. 6 УК РФ, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

При этом некоторые авторы предлагают разделить рецидив на две части: рецидив до полного отбытия наказания и рецидив после полного отбытия наказания [11, С. 92]. Есть и иное мнение, согласно которому рецидив может возникнуть только после полного отбытия наказания за предыдущее преступление [12, С. 46–47]. На наш взгляд, рецидив может иметь место и при досрочном освобождении от отбывания наказания, когда за освобожденным следует судимость. Дело в том, что рецидив в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяется как «возвращение, повторение чего-либо негативного после кажущегося исчезновения» [13, С. 667]. Получается, что после кажущегося исчезновения, утихания криминальной активности осужденного после полного отбытия наказания или до момента условно-досрочного освобождения, он вновь совершает преступление. Появляется рецидивное преступление во вновь совершенном деянии. Законодатель искусственно определил сроки погашения судимости и только с нею связывает рецидив. Выходит, что по законодательному определению, рецидив возможен только в пределах этих сроков.

Таким образом, если судимость следует после отбытия наказания, то и рецидив преступлений возникает тогда, когда новое преступление освобожденный совершает в период её погашения. Подобный аналог мы находим в УК КНР, ст. 65 которого определяет, что рецидивом признается совершение нового преступления после отбытия наказания в виде лишения свободы.

Совершение преступления в период отбывания наказания должно иметь свое название в виде пенального повторения преступлений, а не совокупности приговоров, как это имеет место в научной литературе. Совокупность приговоров не означает действий, а только лишь их результат.

В последнее время законодатель обращает внимание на обеспечение безопасности от социально опасных преступников путем внесения корректив в некоторые нормы УК РФ. Например, ФЗ от 27.12.2018 № 569-ФЗ установлено, что осужденным за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ст. 205.5, ч. 2–4 ст. 206, ст. 208, ч. 2–4 ст. 211, ст. 277–279, 281, 317, 361 УК РФ может быть сразу безальтернативно назначена часть срока отбывания наказания в тюрьме (см.: ч. 2.1 ст. 58 УК РФ), а ФЗ от 28.04.2023 № 157-ФЗ указанный перечень уточнен:

ч. 1 ст. 205.4 – заменена на ст. 205.4 и дополнена ст. 281.1–281.2, ч. 1 ст. 281.3 УК РФ. В случае совершения хотя бы одного из этих преступлений при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы может подниматься до 30 лет (ранее было до 25 лет), а по совокупности приговоров – до 35 лет (ранее – до 30 лет). Этой же категории осужденных время содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы один день за один день (ч. 3–2 ст. 72 УК РФ), им не может быть назначено условное осуждение (п. «а» ч. 1 ст. 73 УК РФ), предоставлена отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ), по отбытии 3/4 срока наказания может быть предоставлено условно-досрочное освобождение (п. «г» ч. 2 ст. 79 УК РФ) и другие новеллы.

Логично было бы продолжить перечень ограничений для данной категории лиц, предусмотрев в УК РФ норму по признанию специального рецидива преступлений. Подобное предусмотрено в ст. 66 УК КНР, которая устанавливает перечень преступлений (против государственной безопасности; террористическая деятельность; создание, руководство и активное участие в организации криминального характера), за которые лицо отбывало наказание или амнистировано, в случае повторения в любое время любого из вышеуказанных преступлений лицо признается рецидивистом. Это специальный рецидив, согласно которому лицо признается рецидивистом независимо от того, какой отрезок времени прошел после его освобождения из мест лишения свободы. По общему же правилу рецидивистом можно признать при повторении преступления в течении 5 лет после отбытия наказания.

Подобное следует установить в УК РФ применительно к названным нами категориям лиц, добавив к ним лиц, совершивших квалифицированное убийство, бандитизм, организовавших и участвовавших в преступном сообществе, занимающих высшее положение в преступной иерархии и другие социально опасные деяния. Указанная новелла, внесенная в УК РФ, вполне может быть оправдана, ибо эта категория лиц может представлять опасность на протяжении всей жизни, так как они идеологически заряжены против интересов государства и общества. Идеологическое противостояние лиц, приверженных к терроризму, организации преступного сообщества, занятию высшего положения в преступной иерархии навряд ли исчезнет как в недалеком, так и в далеком будущем. Снять судимость с них можно было бы только судом по инициативе государственного органа, отвечающего за обеспечение контроля за этими лицами при безупречном их поведении и полном отказе от криминальной идеологии.

Хотелось бы затронуть проблему так называемой неосторожной судимости, то есть судимости за преступления, совершенные по неосторожности. Согласно ст. 18 УК РФ законодатель отказался от некоторых преступлений, образующих рецидив, хотя судимость за подобные преступления сохранил. Они могут быть небольшой, средней тяжести и тяжкими (ч. 2 ст. 86 УК РФ определяет сроки погашения судимости по преступлениям независимо от формы вины). При этом он сузил применение отягчающего обстоятельства до уровня рецидива преступлений, который связан с умышленными деяниями. Есть мнение, согласно которому в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ вместо рецидива преступлений, как отягчающего обстоятельства, определить судимость, охватывающую как умышленные, так и неосторожные деяния [14, С. 26].

Заметим, что неосторожные деяния способны причинить колоссальный ущерб государственным, общественным и личным интересам. Они могут повторяться, так как связаны с той или иной степенью деформации личности преступника. Для этих лиц характерно легкомысленно-безответственное отношение к правилам предосторожности, к интересам других лиц. У них обнаруживается много сходных качеств с лицами, совершившими умышленные преступления по отношению к правопорядку, дисциплине и иным социальным ценностям [15, С. 42].

Ю.В. Голик и И.Я. Мирончик пришли к выводу о том, что в практике имеется много случаев повторения только неосторожных преступлений, и они имеют

самостоятельное значение. Это явление они называют неосторожным рецидивом [16, С. 60–65]. Подобных взглядов придерживаются и другие ученые [11, С. 44]. Мнения указанных авторов заслуживают внимания, ибо за неосторожными преступниками нужен контроль, ограничения в определенных правах, запрещающих им доступ к некоторым общественным благам и ценностям, что может последовать в пределах сроков их судимости. Как известно, в настоящее время законодатель перевел некоторые неосторожные деяния в разряд тяжких (ч. 2 ст. 15 УК РФ).

Подведем итоги:

- судимость, как самостоятельное уголовно-правовое явление, может возникать после отбытия наказания;
- судимость включает в себя качественные особенности правоограничений, связанных с обеспечением общественной безопасности, не свойственных уголовной ответственности, находящихся в иных отраслях права;
- во время отбывания наказания осужденный является судимым, но не находится в состоянии судимости, которая возникает после освобождения от отбывания наказания;
- судимость – это последствие уголовной ответственности, она не выражает ее, а находится за ее пределами;
- рецидив преступлений возможен только после отбытия наказания, когда завершен процесс карательно-воспитательного воздействия, и осужденный вступает в правоограничения судимости; во время отбывания наказания может быть повторение преступлений, а не их рецидив;
- в связи с опасностью повторения неосторожных преступлений в УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства следует определить судимость, а не рецидив преступлений как это есть сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» (абз. 1 п. 1.2). URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30408.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Современный толковый словарь русского языка. – Палек : Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1998. – 1534 с.
3. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия: монография / А. Ф. Мицкевич. – СПб. : Асланов: Юридический центр пресс, 2005. – 327 с.
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (с изм. и доп.) // ИПП «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12184517/?ysclid=tбурдуqоkо1466о3255> (дата обращения: 20.11.2024).
5. Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности / А. Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1986. – 120 с.
6. Музеник А. К. Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды / А. К. Музеник // Межвузовский сборник научных трудов «Уголовное право и современность». – Красноярск, 1998. С. 24–28.
7. Журавлев М. Понятие уголовной ответственности и форм ее реализации / М. Журавлев, Е. Журавлева // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 28–31.

8. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового реагирования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Генрих. – Рязань, 2011. – 59 с.
9. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Г. Возжанникова. – М., 2016. – 29 с.
10. Козлов А. П. Единичные и множественные преступления / А. П. Козлов, А. П. Севастьянов. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2011. – 913 с.
11. Малков В. П. Множественность преступлений: учебное пособие / В. П. Малков, Х. А. Тимершин. – Уфа, 1995. – 75 с.
12. Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания / Ю. М. Ткачевский. – М., 1962. – 136 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 3-е изд. – М. : Изд-во «АЗЪ», 1996. – 960 с.
14. Возжанникова И. Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / И. Г. Возжанникова. – М. : Контракт, 2014 – 112 с.
15. Черненко Т. Формы множественности преступлений и их отражение в квалификации преступлений / Т. Черненко // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 40–43.
16. Голик Ю. В. Неосторожный рецидив: уголовно-правовой и криминологический аспекты / Ю. Г. Голик, И. Я. Мирончик // Межвузовский сборник научных трудов «Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки». – Свердловск, 1990. – 60–65 с.

CRIMINAL RECORD AND ITS LEGAL CONSEQUENCES

Yuzhanin V.E., Pantyukhina I.V.

The authors consider criminal record to be an independent legal phenomenon, defining it as a triad: crime – court verdict – punishment. The punishment establishes legal restrictions for the convicted person, and a criminal record for the person who has served his sentence. While serving a sentence, a criminal record is not a qualitative feature of the convicted person, but accompanies him, and is not a determinant of recidivism. After the execution of the sentence, the criminal record performs the function of monitoring the released person and ensuring the safety of society, and when a new crime is committed, it forms a relapse.

The commission of a crime while serving a sentence should be recognized not as a recidivism, but as a penalized repeat act, it is called the totality of court sentences. Repetition determines the action, and the totality of sentences determines its result. A person is considered to be convicted from the moment the sentence enters into force (Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation), and recidivism indicates a criminal record (Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation). Being tried does not mean a criminal record, the latter arises after serving a sentence.

The article substantiates the need to provide for a special recidivism of crimes with a criminal ideology without a criminal record repayment period. Due to the danger of repetition of reckless acts, it is proposed to include in the Criminal Code of the Russian Federation an aggravating circumstance – a criminal record, rather than a recidivism of crimes.

Keywords: criminal record, punishment, recidivism, criminal liability, legal restrictions, reckless recidivism, repayment periods of criminal record, convicted, released from punishment, repetition of the act.

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область, Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.

Регистрирующий орган: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Издательство: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357

Адрес редакции: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10

Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В.

Адрес типографии: 344019 г. Ростов-на-Дону Мясникова ул, д 52/32,

E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru Сайт редакции: <https://academsfera.ru/>

Подписано в печать. 20.03.2025г., 17,41 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 02-20/03. Цена свободная